

Сергей Владич

Тайна распятия

От автора

Часть 1. В поисках Бога

Глава 1. Я его спас

Глава 2. Монастырь Святого Георгия

Глава 3. Посланник императора Тиберия

Глава 4. Почти библейская история

Глава 5. Вере сей быть!

Глава 6. Пакет из Святой земли

Глава 7. Расследование Тита Валерия Туллия

Глава 8. Римские каникулы Трубецкого

Глава 9. Символ веры

Глава 10. «Мировое правительство»

Глава 11. Я спасу мир от твоего бессмертия!

Глава 12. Свобода для избранных

Глава 13. Он не был распят, но спасен

Глава 14. В мире православном

Глава 15. Не убий!

Глава 16. То, что предназначено, да свершится

Часть 2. Перстень святой Катерины

Глава 1. Codex Sinaiticus

Глава 2. Обретение святынь

Глава 3. Разведка боем

Глава 4. Легенда о святой Катерине

Глава 5. Все дороги ведут в Британию

Глава 6. При дворе императора Александра II

Глава 7. Охотник за перстнем

Глава 8. По следам Бекендорфа

Глава 9. Монастырь Преображения

Глава 10. Перстень святой Катерины

Глава 11. Встреча на Лысой горе

Глава 12. Последнее письмо Синельникова

Ибо един Бог, един и посредник между Богом и
человеками, человек Христос Иисус...
Первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла 2:5

Всякое слово Бога чисто; Он — щит уповающим
на Него. Не прибавляй к словам Его, чтобы Он не
обличал тебя и ты не оказался лжецом.
Книга Притчей Соломоновых 30:5

От автора

Эта книга — о свободе выбора. Она для тех, кто хочет сам, без посредников, познать истину, часто скрытую от нас под наслоениями чьих-то сознательных или невольных заблуждений, фантазий и откровенной лжи.

Автор стремился предоставить всем, для кого важна духовная составляющая бытия, пищу для размышлений: в кого, почему и зачем он верит. Ведь это очень важно — дать возможность каждому из нас осуществить свое священное право свободного выбора беспрепятственно и осознанно, с пониманием того, что нами никто не манипулирует — ни Церковь, ни мировое правительство, ни даже сам император.

Автор также категорически заявляет, что уважает чувства верующих и официальную точку зрения Церкви на Ветхий и Новый Завет. При этом, однако, он совершенно уверен, что каждый человек имеет право самостоятельно интерпретировать совсем неоднозначную историю христианства, основываясь на личном опыте и знаниях. Ибо, невзирая на океаны опубликованных исследований, как поддерживающих ортодоксальные взгляды на историю Иисуса Христа, так и критически их оценивающих, никто достоверно не знает, что же случилось в Иудее две тысячи лет тому назад. Это всегда было и до сих пор остается вопросом веры, которая не подвластна рациональному мышлению и не постижима разумом.

Знающим ответы на все вопросы просьба не беспокоиться.

Почти все герои этой книги,
как и почти все описанные в ней события, — вымышленные.

*На протяжении многих тысяч лет
человек пытался познать Бога.
Но и сегодня мы все еще в начале пути.
Ясно лишь одно:
никто из нас, смертных, не находится ближе к Богу,
чем все остальные.
И мы все одинаково важны для Него.
Но что есть Бог для каждого из нас?
Для одних Он — власть, для других — инструмент политики,
а для кого-то — деньги.
Хотя все это лишь суета.
На самом деле Бог есть Любовь.
И Любовь есть Бог.
И так потому, что ни то, ни другое непостижимо...*

Часть 1 В поисках Бога

Глава 1 Я его спас

Иезавель, чернокожая, быстроглазая и стройная, как серна, служанка в доме префекта римской провинции Иудеи, Идумеи и Самарии Гая Понтия по прозвищу Пилат, уже несколько дней не находила себе места. Ее госпожа, красавица Клаудиа Прокула, еще недавно такая добрая и приветливая, ныне пребывала в крайне плохом расположении духа. После возвращения из Ершалаима ее будто подменили. Клаудиа не снимала траурных одежд, не выходила из своих комнат и никого не принимала. «Все этот лекарь, — со злобой думала Иезавель, — это все из-за него!»

Иезавель взяли в дом Пилата еще в Риме, в тот самый день, когда Клаудиа родила ему сына. Спустя пять лет милостью императора Тиберия Понтий Пилат был назначен префектом Иудеи, Идумеи и Самарии, где быстро успел снискать себе славу грубого и жестокого правителя. Таким он был не только на службе, но и дома — со слугами нетерпим и скор на расправу, с супругою — молчалив и неприветлив. Быстро, очень быстро Клаудиа с горечью поняла, как несправедливо распорядилась ее жизнью судьба...

Впрочем, этот брачный союз был странным с самого начала. Шестнадцатилетняя красавица Клаудиа и грузный, усталый, огрубевший в боях с германцами и галлами Гай Понтий Пилат из сословия всадников не выглядели счастливой парой. Пилат был втрое старше ее. Складывалось впечатление, что по своей воле он не женился бы никогда, поскольку не испытывал ни малейшей потребности ни в семье, ни в домашнем очаге. Однако положение знатного римлянина, а тем более претендента на должность префекта римской провинции подразумевало наличие супруги. Для ее же семьи, хотя и имевшей

римское гражданство, но бедной и происходившей из отдаленной части империи, брак дочери с человеком из сословия всадников был едва ли не единственным способом завязать знакомства в Риме. Пилат почти не разговаривал со своей юной женой, однако любил, когда она читала ему или играла на музыкальных инструментах. Время от времени он посещал ее по ночам, и в конце концов супруга подарила ему наследника. Но даже это не изменило крутого характера Пилата, который по-прежнему предпочитал проводить больше времени на военном плацу, среди лошадей и солдат, чем дома с женой и сыном. Особенно невыносимым для молодой супруги Пилата стал переезд в Иудею, где в их дворце в Кейсарии Приморской она чувствовала себя оторванной от родных и близких, одинокой и покинутой.

И все же, несмотря на все свои несчастья, Клаудиа оставалась полной противоположностью мужу, была добра со слугами и приветлива с гостями. Всю любовь своего сердца она отдавала ребенку, пока от тоски не заболела ужасной кожной болезнью, что для молодой, полной чувственности женщины было сродни одиночному заключению. Отныне, боясь заразить сына, она почти не прикасалась к нему, а муж, и так не знавший любви, теперь вовсе избегал ее. Так и случилось, что Иезавель — молодая рабыня-эфиопка — стала для сына Пилата матерью, а для самого префекта — наложницей по случаю или, скорее, по потребности.

Все изменилось в тот день, когда Клаудиа в сопровождении Иезавель и двух солдат, взятых в качестве охраны, инкогнито отправилась к Мертвому морю. Его окрестности славились своими чудотворными мазями и соляными ваннами, обладающими необыкновенной силой при заживлении ран и омоложении кожи. Время от времени торговцы привозили эти мази в Кейсарию и продавали за огромные деньги, однако никакие снадобья не могли заменить погружений в целебные воды Мертвого моря и волшебных лучей тамошнего солнца. Путь был неблизкий и опасный, но Клаудиа была готова на любые жертвы, чтобы избавиться совсем или хотя бы на время от ужасной чешуйчатой коросты, покрывавшей части ее тела. Именно там, в Галилее, и произошла встреча, в одночасье изменившая сначала жизнь жены римского префекта, а затем и саму историю. Иезавель, которая стала невольной свидетельницей упомянутых событий, не была очень умной и образованной, но все, что произошло в тот день, она запомнила навсегда.

Они благополучно миновали пустынные горы и уже спускались в долину реки Иордан, когда заметили группу сидящих в тени пальм людей. Было жарко, и дул южный ветер, но людей, расположившихся полукругом возле небольшого возвышения, это, по-видимому, ни в малейшей степени не беспокоило. Все их внимание было приковано к сидящему на возвышении человеку, который что-то им говорил. Впрочем, увидев подъехавших всадников, говоривший замолчал, встал и направился к ним. По необъяснимой причине он сразу и без колебаний подошел к коню Клаудии и мягким движением взял его под уздцы. Один из солдат грозно крикнул и направил на него свое копьё, но Клаудиа остановила солдата решительным жестом.

Ибо человек, державший под уздцы ее лошадь, обладал необыкновенной внешностью. Это был высокий, худощавый мужчина лет тридцати, с длинными густыми русыми волосами, расчесанными на пробор посередине, с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой цвета спелой пшеницы. Он менее всего напоминал иудея или

самарянина, хотя и был одет в обычный для жителей тех мест простой, подпоясанный веревкой холщовый хитон и сандалии. Волосы, сверху прямые, спадали на плечи вьющимися прядями, обрамляя чуть продолговатое лицо с тонким прямым носом. Но особенно удивительными в облике незнакомца были его очень чистые и светлые глаза, смотрящие как будто издали и одновременно проникающие вглубь... Встретившись с ним взглядом, Клаудиа вдруг почувствовала, как внизу живота появилось уже позабытое ею томление, на мгновение ее охватил жар желаний, который, впрочем, прошел так же быстро, как и возник.

— Мир тебе, — сказал незнакомец восхитительным глубоким голосом. Тепло в ее животе появилось вновь. Он говорил по-арамейски. — Я рад нашей встрече.

— Кто ты такой, чтобы говорить со мной? — едва сдерживая себя, вымолвила Клаудиа. — Знаешь ли ты, кто я?

— Это не имеет значения, — ответил он. — Важно лишь, что ты нуждаешься в помощи, как и то, что я могу тебе помочь.

— Чем ты можешь мне помочь? Ты лекарь? Священник?

— Нет, ни то, ни другое, но это тоже не имеет значения. Не тело, но душа твоя нуждается в исцелении. Сойди с коня, пойдем со мной. Мы только поговорим.

Клаудиа не понимала, что с ней происходит. Ей нужно было бы оттолкнуть этого наглеца, велеть солдатам наказать его и уж точно никуда с ним не ходить. Но, повинувшись каким-то не зависящим от ее воли силам, она сделала все в точности наоборот. Клаудиа спрыгнула с коня и, невзирая на протесты Иезавель, пошла с незнакомцем.

Гай Понтий Пилат был хорошим римлянином. И, как и положено хорошему римлянину, он не любил Иудею. Эта провинция постоянно доставляла Риму хлопоты. Если бы она доставляла столько же налогов, сколько хлопот, это было бы еще полбеды, но ведь и с налогами были сплошные проблемы. А бесконечные праздники, требующие внимания и повышенных мер безопасности, поскольку по местной традиции каждый из них происходил при огромном стечении народа? А власть первосвященника, с которой он вынужден был считаться? А повстанцы-зелоты? А жалобы по каждому поводу — как Пилату, так и на Пилата? Никому в этой стране нельзя доверять, как и понять ее народ — невозможно.

Взять хотя бы тот случай с водопроводом. Ведь в Ершалаиме нет воды, и это большая проблема. То есть вода есть, но только в Храме — ее получают там по тайному подземному водоводу, построенному по приказу первосвященника. Сразу после назначения префектом Пилат решил осчастливить местных жителей и построить водопровод для всех — как в Риме. Однако ему не удалось собрать достаточно денег, хотя речь шла об источнике Эль-Аррув, расположенном на расстоянии каких-то двухсот стадий от города. Тогда он решил использовать на это благое дело храмовую казну — чего лежать золоту без дела? И что в результате? Волнения в народе, протесты, жалобы на Пилата имперскому легату Сирии Луцию Вителлию... Даже до Рима добрались со своими жалобами! Гнусная, мелочная страна.

Но служба есть служба, и несколько раз в год по случаю праздников или по особо важным делам римский префект все же показывался в Ершалаиме. Нередко он приводил с

собой несколько отрядов конницы, чтобы напомнить местным жителям, кто оберегает их имущество и покой и кому они должны платить за это звонкой монетой налоговых сборов. Кроме того, важно было не допустить волнений, которые всегда могли возникнуть при таком скоплении народа, какое бывало во время праздников и при наличии таких заклятых «друзей» Рима, как левиты — местные властители душ из Ершалаимского Храма. В этот раз праздник был самый что ни на есть важный — Пасха. Народ Моисея, все, кто только мог двигаться, стекался в Ершалаим, чтобы принести жертвы Богу Израиля, как и требовали предписания их пророков. Пилат прибыл в столицу Иудеи за несколько дней до Пасхи и обосновался в бывшем дворце царя Ирода Великого. Это был не его выбор, а предшественника — Валерия Грата, который в бытность префектом имел привычку активно вмешиваться в дела вверенной ему провинции и не без умысла, дабы подчеркнуть величие Рима, разместил свою резиденцию во дворце иудейских царей. За одиннадцать лет своего правления Грат сменил одного за другим пятерых иудейских первосвященников, и нынешний — Иосиф бар Каифа — был назначен именно Гратом. Пилат же предпочитал дипломатии военную силу, мало смыслил в хитросплетениях местной политики и старался держать людей из Храма на расстоянии.

Здесь же, во дворце Ирода, Пилат вершил суд. Эта обязанность была наиболее тяжелой из всех, которые выпадали на долю префекта. Путаница с законами — римскими и местными, — претензии буквально каждого из подозреваемых, истцов и ответчиков на исключительность, ложь и обман на каждом шагу... Впрочем, обычно префект не утруждал себя детальным разбором дел. Если речь шла о смертном приговоре, то какая, в конце концов, разница — одним иудеем больше, одним меньше, а если решался имущественный спор, то кто-то из них все равно оставался недоволен. Он вообще предпочитал, чтобы наибольшее количество дел рассматривал синедрион и решения принимались по местным обычаям и законам. Однако бывали и исключения.

Утро дня, предшествующего Пасхе, Пилат встретил в своих покоях, где смышленный секретарь по имени Марк, выписанный в свое время из Рима специально для таких целей, докладывал ему о делах, которые предстояло разобрать самому префекту. Одно из дел, переданное в руки римской власти по настоятельной просьбе первосвященника Каифы, было крайне странным. Малый синедрион признал виновным и приговорил к смерти некоего Иешуа из Назарета Галилейского, который, как утверждалось в обвинении, смущал умы иудеев в Ершалаиме и его окрестностях крамольными речами, призывал разрушить Храм, называл себя Сыном Бога и царем иудейским. Каифа просил префекта только об одном — утвердить смертный приговор.

Пилат был удивлен безмерно. Дела такого рода решались исключительно синедрионом и обычно не требовали согласия римской власти. Ему, наместнику императора Тиберия, было по большому счету совершенно безразлично, что там и кому говорил какой-то бродяга по поводу иудейских книг и законов. Однако Пилату не хотелось вступать в конфликт с Каифой накануне праздника, и он приказал доставить арестованного в зал суда. Сам же занялся значительно более важным делом — отправился в великолепный дворцовый сад, где его уже ждал начальник тайной полиции Иудеи Афраний. Прежде всего следовало выслушать, и желательно без свидетелей, его доклад о ситуации в Ершалаиме. Лишь спустя час Гай Понтий Пилат, одетый, как и положено всаднику, в белую римскую тогу с пурпурной каймой, занял свое кресло в зале суда и

впервые увидел Иешуа. Был четырнадцатый день месяца нисана 780 года от основания Рима.

— Тело есть лишь оболочка для души, которая приходит в него по велению Всевышнего Творца, — так начал свою странную речь незнакомец, когда он и Клаудия отошли в сторону и присели на разбросанные у подножия горы камни. — Если душа человека находится в гармонии с нашим земным миром и с Богом, то и тело будет крепким и здоровым. Наши мысли, желания, чувства, порывы души — они так же материальны, как этот камень. — Он взял в руки небольшой, отполированный ветром кусочек скалы и показал его Клаудии. — Злоба, зависть, отсутствие любви, но более всего неутоленные страсти и желания — вот истинные причины болезней. Иногда ребенок, которому не хватает внимания матери, сам вызывает болезнь, чтобы хотя бы таким способом получить ее ласку и заботу... И он даже может умереть, если не добьется желаемого. Твоя кожа истосковалась по нежным ласковым рукам и так долго, так страстно жаждет этой ласки, что покрылась ужасной уродливой коростой... В этом истинная причина твоего недуга, и Мертвое море тут не поможет.

Клаудия слушала его, как зачарованная, но враз очнулась, когда незнакомец вдруг угадал ее недуг. Она взглянула на свою одежду. Может, это ветер раздул складки платья или откинул накидку, обнажив пораженный участок кожи? Откуда еще он мог узнать о ее тайне?

Незнакомец усмехнулся.

— Нет-нет, твоя одежда надежно скрывает тело. Но ведь душу нельзя скрыть, она — открытая книга для тех, кто умеет ее читать...

Клаудия не дала ему договорить.

— Как ты узнал обо всем? Ты угадываешь мысли других людей? Умеешь видеть то, что спрятано в их душах? Ты маг?

— О нет, я ни в коем случае не маг. На самом деле это вовсе не сложно. Ты тоже можешь научиться видеть истинные причины вещей и даже немного управлять ими, и уж точно — исцелиться. Просто нужно очистить свои мысли и чувства, укротить желания, но прежде всего — верить, открыть свою душу и верить.

— Во что мне верить? — в отчаянии вскричала Клаудия. — В кого? Знаешь ли ты, сколько бессонных ночей провела я, умоляя богов о помощи, сколько жертвоприношений совершила в храмах, и все безрезультатно...

— Но ведь *каждый человек волен выбирать сам, во что или в кого ему верить*. Загляни в свою душу — разве есть там покой и умиротворение, которые дает страждущему истинная вера? Живет ли там любовь? Ты просишь о помощи безжизненных богов, изваянных в камне, и ждешь, что они вдохнут в твое тело жизнь? Так знай же, что Бог — един. И Он — Всевышний Творец, Отец наш небесный — Бог живой, Он с нами во все дни, здесь и сейчас, и если Он чего захочет, Он просто говорит этому: «Будь!», и оно становится. Он един для всех, для него все равны — господа и слуги, иудеи и эллины, римляне и египтяне. И Он — Творец всего сущего — тебя любит. Все в Его благой воле, а любовь Его, дарованная нам, не имеет ни границ, ни преград, и все золото мира, и все искушения, и всякая власть земная — ничто перед ней. Помни об

этом, верь в Него, говори с Ним, наполни свое сердце любовью к Нему, и тогда Он пребудет с тобою и в радости и в печали.

Незнакомец на мгновение замолчал, затем взял ее руку в свои ладони и, глядя ей прямо в глаза, продолжил:

— И еще скажу я тебе, что вера — всему начало и по вере воздастся каждому, но движет миром та единственная сила, которая только и способна противостоять злу — Любовь. Именно Любовь есть единственный высший закон жизни, и он не допускает никаких исключений, распространяясь и на нас самих, и на тех, кто нам дорог, и на тех, кто по неведению или даже по умыслу творит по отношению к нам зло, в том числе и на наших врагов. Вот скажи — принимаешь ли ты себя такой, какая ты есть? Любишь ли свое тело? Окружающий тебя мир? Своего мужа?

Клаудиа грустно покачала головой. «А ведь он прав... О себе никогда не смела и подумать — все помыслы были только о том, чтобы быть угодной, — сначала родителям, потом мужу. Тело свое с некоторых пор просто ненавижу, как и Кейсарию, как и проклятую Иудею, как и Гая Понтия по прозвищу Пилат». — Ее передернуло от воспоминаний о том, как он приходил к ней по ночам, чтобы просто сбросить семя, будто выкинуть ненужную вещь. Ни любви, ни ласки не видела от мужа, обычная формальность, животный инстинкт. Как она еще зачала от него — не понятно. Видимо, от отвращения к нему и кожа покрылась коростой... Клаудиа настолько погрузилась в свои мысли, что и не заметила, как незнакомец, не отводя глаз, смотрит на нее с легкой улыбкой. Она поежилась. Чувство, что он проник в ее мысли, было настолько явным, что даже не требовало доказательств. Впрочем, он сам сказал:

— Вот видишь... Как же без любви к самой себе ты ждешь, что тело твое ответит взаимностью? Ведь именно любовь — это дарованная нам Всевышним благодать, которая соединяет все составляющие человеческого бытия таким образом, что они не подавляют, а взаимно дополняют друг друга, как отдельные части человеческого тела. И хотя у каждого из людей в земной жизни свой путь, однако, если глубоко заглянуть в их души, — разве не любовь, без изъятий и ограничений, обозначена там как смысл всех устремлений? Нет ничего выше и важнее. Любить себя и любить окружающий мир — значит быть благодарной Всевышнему за то, что Он сотворил тебя такой, какая ты есть, и принимать те радости и испытания, которые Он ниспослал тебе в этой земной жизни, ибо непостижим и неведом человеку Его замысел.

Незнакомец встал и помог подняться Клаудии.

— Пойдем, тебе пора назад, в Кейсарию, — сказал он и добавил загадочно: — Пусть свершится то, что должно.

Они вернулись к коням, где Клаудию ждали ее спутники.

— Как звать тебя? — спросила Клаудиа на прощание. Она была слишком взволнована, чтобы говорить еще о чем-то.

— Меня зовут Иешуа, — ответил незнакомец и отпустил коня. — Иешуа из Назарета Галилейского. Прощай! Да пребудут с тобою любовь и вера!

— Кто ты и откуда? — Пилат равнодушно и с брезгливостью разглядывал оборванного арестанта, которого охрана втолкнула в зал суда. — Имеешь ли какое-либо гражданство? Бумаги какие-нибудь есть?

Высокий, худощавый, со спутанными русыми волосами, на которых запеклась кровь, с небольшой, некогда аккуратно подстриженной бородкой, арестант стоял, слегка пошатываясь, перед Пилатом со связанными сзади руками.

— Меня зовут Иешуа. Где и когда родился — точно не знаю, а вырос я в Назарете, в семье плотника. Это в Галилее, — ответил он красивым, хотя несколько охрипшим, очевидно, от жажды голосом.

— Ты иудей? Каким богам молишься?

— Нет, я не иудей. А верую я в Бога, единого для всех.

— Что-что? Вот как? Так уж и для всех?! — с насмешкой в голосе переспросил Пилат. — Это что-то неслыханное. Не иудей, но веришь в единого Бога? Не хочешь ли ты тем самым сказать, что у меня, у тебя и у первосвященника Каифы — Бог один?

— Это так.

— О-о, нет, это не так! Боги, которые вручили власть императору Тиберию, величайшему из когда-либо живших и ныне живущих кесарю, и тот самый бог, которому молится в Ершалаимском Храме Каифа, — разве это одно и то же? Ты, по-видимому, или слишком глуп, или просто сумасшедший, если всерьез говоришь о едином Боге для всех.

— Ты ошибаешься, префект. — Арестованный как-то снисходительно посмотрел на Пилата. — Если бы власть императорам вручалась свыше, разве стали бы они требовать причисления себя к сонму римских божеств? Все наоборот: *не боги ваши используют императоров для осуществления своей воли, а императоры используют богов для того, чтобы возвеличиваться, подчинять и править.* А должно быть так: кесарю — кесарево, Богу — Богово. Разве истинный посланник Божий будет требовать, чтобы ему служили? Нет и еще раз нет! Это Он приходит, чтобы послужить Господу! Поверь, Всевышнему Творцу, Отцу нашему небесному, нет никакого дела до Тиберия и его царствования. И ему все равно, кому молится Каифа. Потому что Каифа только делает вид, будто верит и молится, на самом деле для него Бог — это способ осуществления власти. А Бог не есть власть, Бог есть любовь.

— Как-как? — Удивлению Пилата, кажется, не было предела. — Сегодня прямо день открытый! — воскликнул он. — Что говоришь ты? Бог есть любовь? Страшные несчастья, которые боги посылают на людей, болезни, войны — это все любовь, по-твоему? Ты точно сумасшедший. Причем вдвойне, если смеешь поминать Тиберия без должного почтения в присутствии его префекта. Ты — в шаге от обвинения по закону об оскорблении императора. Я предупреждаю тебя, — сказал он, теперь с угрозой в голосе.

— Несчастья возникают вопреки, а не по воле Всевышнего. Люди не следуют Его заповедям... Нажива, стремление к богатству, власти, удовлетворению мелких телесных потребностей вытеснили из их сердец любовь. Но лишь она — единственная реальность, к которой стоит стремиться, все остальное — плод воображения. Вот смотри: у меня нет ничего, а ты, по твоему мнению, всемогущ. Но счастлив ли ты? А я — счастлив безмерно.

— Ты — счастлив? Избитый, охрипший, в грязном рубище и на волосинке от смерти? — Пилат только из любопытства продолжал этот странный диалог. Для себя он уже

решил, что перед ним безобидный бродяга, хотя и софист с хорошо подвешенным языком, которого, очевидно, по ошибке приговорили к смерти.

— Да, я счастлив и могу рассказать тебе почему. Два дня назад я был в Галилее и близ Тивериадского озера встретил группу всадников, среди которых была молодая женщина редкой красоты. Душа ее была в большой тоске, а тело покрыто ужасной коростой. Они направлялись к Мертвому морю, но я поговорил с ней, и теперь она знает, как излечить свое тело, а главное — душу... Теперь ее жизнь изменится, и это доставляет мне радость.

Пилат напрягся. Неужели он говорит о Клаудии?

— Как ее звали?

— Я не знаю. Это не имеет значения. Я не знаю, кто была эта женщина, откуда она и как ее зовут. Я же говорю — Бог един для всех и для него, как для отца, все дети равны.

— Да-да, кажется, в бумагах синедриона говорится, что ты называешь Бога отцом. Ты что же, утверждаешь, что ты — сын Бога? — В голосе Пилата сквозила явная насмешка.

— Ты — тоже творение Бога, префект. Мы все его дети. Я только это и говорил, что я — сын своего отца, а то, что Всевышний — Отец нам всем, так с этим не спорит даже Каифа.

Время подошло к полудню. Был хамсин — сухой и жаркий юго-восточный ветер, несший с собой много песка и пыли. Изнуряющая жара мешала Пилату думать, да и сидеть в кресле ему было тяжело. Пилат несколько запутался и решил отложить допрос. Его что-то начало беспокоить в арестанте, и он понял, что нужно собраться с мыслями.

Пилат приказал страже увести арестованного. Кроме того, он послал гонца к Каифе с просьбой прибыть во дворец немедленно. Лишь после этого префект отправился в свои личные покои, где его терпеливо дожидался Афраний. Им снова было о чем поговорить.

Клаудиа не находила себе места. Ей было тесно и невыносимо одиноко в собственном доме. Встреча в Галилее вмиг перевернула ее жизнь. Прежде всего свершилось чудо, в которое невозможно было поверить. Тем вечером, когда они вернулись с полдороги назад, в Кейсарию, Клаудиа лишь успела принять ванну... А уже следующим утром ее кожа блистала молочной белизной и была чиста, без малейших признаков болезни. Всю дорогу домой и даже теперь ее не покидали мысли о встретившемся ей необыкновенном лекаре. Она все еще ощущала на себе его взгляд, слышала его голос... Наконец Клаудиа решилась.

Она приказала отправить нескольких солдат в Галилею, чтобы найти странного путника по имени Иешуа и любой ценой, пусть даже силой, привезти его в Кейсарию. Однако солдаты вернулись с ужасными новостями: Иешуа арестован в Ершалаиме по приказу иудейского первосвященника Каифы, его ждут суд и, возможно, смерть. Дело теперь передано римской власти.

Времени на раздумывания уже не было. Клаудиа велела седлать коней. Его нужно было спасти!

Дорога до Ершалаима заняла целый день, хотя всадники скакали без остановки и едва не загнали лошадей. Только поздним вечером дня праздника Пасхи в страшную грозу она

въехала в город через Яффские ворота. К ночи необыкновенный холод пришел на смену удушающему дневному зною, и даже плащ не спасал Клаудию от озноба. Она уже все знала. Суд префекта состоялся, приговор синедриона был утвержден, а Иешуа — казнен, причем с особой жестокостью, по римской традиции, то есть распят. Ее душа была пуста, никаких чувств и желаний, только бесконечная тоска от одиночества вдруг охватила ее. Безразличная ко всему, Клаудиа прибыла во дворец Ирода Великого, сошла с коня, и ее провели к мужу. Пилат сидел в кресле у огня, неподвижный, как мраморная статуя. Он даже не пошевелился, не повернул головы и не сказал ничего, когда промокшая насквозь Клаудиа подошла к нему и присела на кушетке рядом с креслом. Воцарилась тишина. Ни звука, ни малейшего шевеления воздуха, только мелко дрожащее, будто от холода, пламя продолжало беззвучно пожирать кедровые дрова. Так продолжалось неведомо сколько. Наконец Клаудиа сказала с горечью в голосе, но спокойно и беззлобно, как выговаривают несмышленому ребенку за мелкую шалость:

— Как мог ты распять его? Ведь он же ни в чем не виноват, и ты это знаешь... Он был великий, необыкновенный лекарь, он умел лечить не только тело, но и душу... Он вернул меня к жизни... И он помог бы и тебе снова ощутить любовь, радость бытия.

Вновь воцарилось молчание. А затем вдруг прогремел жуткий гром. Пилат будто ждал его. Он в одно мгновение ожил, повернул к ней голову, наклонился вперед и, глядя Клаудии прямо в глаза, с неожиданной силой в голосе произнес:

— Ты ничего не знаешь! Он — не лекарь. И я не распял его! Я его спас!

Глава 2 Монастырь Святого Георгия

«Много тайн хранит в себе Иудейская пустыня. Путешествуя по ее бесконечным просторам среди выжженных солнцем гор и безводных ущелий трудно себе представить, что здесь когда-то жили люди. И до сих пор, несмотря на поступь цивилизации, в этих местах все еще можно встретить в самом неожиданном и не подходящем для этого уголке развалины древних жилых построек или пещеру, в которой, судя по ее устройству и рисункам на стенах, обитали кочевники-скотоводы. Но ущелье Вади Кельт совершенно другого рода. Ныне достоверно известно, что люди здесь жили издавна. Оно тянется вдоль северной части Иудейской пустыни, начинаясь возле Иерусалима и спускаясь к долине реки Иордан вблизи Иерихона. В период зимних дождей его скалистые и кажущиеся безжизненными склоны оживают, а воды Кельта превращаются в бурный поток. Еще во времена Второго Храма вдоль ущелья был построен гигантский акведук, который прослужил много столетий. Там и сейчас бьют три источника: Эйн-Фара, Эйн-Фавар и Эйн-Кельт, а возле одного из них лежат три огромных плоских камня, которые арабы называют Кубур Бней-Израэль — Могила сынов Израиля. Иудеи верят, что там находится могила Рахили, ибо сказано: «И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Ефрафу...». А место, где воды из ущелья впадают в реку Иордан, особо почитаемо христианами, ведь по преданию именно там Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа...» — Анна Николаевна Шувалова оторвалась от чтения путеводителя, который она прихватила с собой в Иерусалиме и огляделась. Водитель-араб, согласившийся подвезти ее до Вади Кельт за весьма умеренную плату, видимо, очень гордился, что в его

старенькой машине едет такая красивая женщина. Вероятно, поэтому он нарочно так долго выбирался из города по кривым улочкам арабских кварталов, окружающих его восточную часть. Но теперь они уже ехали по шоссе на приличной скорости, быстро удаляясь от легендарной горы Мориа по направлению к долине Иордана. Старенький и выдавший виды «фольксваген» напряженно кряхтел, едва поспевая за поворотами дороги, то и дело петляющей между желто-серыми горами Иудейской пустыни, раскинувшейся сразу за Иерусалимом.

В монастырь Святого Георгия, основанный египетским монахом по имени Иоанн не то в IV, не то в V веке от Рождества Христова на узком уступе, расположенном на совершенно отвесной скале, ведет ныне старая дорога из Иерусалима в Иерихон. Дорога эта ответвляется от недавно построенного шоссе неподалеку от места, которое местные жители называют Бет Джабер аль-Фукани, петляет какое-то время по пустыне, затем спускается в глубокое ущелье и, наконец, упирается в двойные ворота, где всегда дежурит привратник. Между воротами расположен дворик и гостевой дом, где посетители и паломники обычно ожидают приема, и в былые времена женщины дальше вторых ворот не допускались. Теперь это правило отменено.

Анна Николаевна даже не подозревала, что ее приезд доставит хозяевам сколько хлопот. И не то чтобы появление женщины в монастыре Святого Георгия было явлением невиданным или вызывало среди послушников какой-то особенный ажиотаж. Однако простой вопрос, разрешить ли ей остановиться на территории монастыря или поселить в гостевом домике за воротами обители, стал предметом серьезного обсуждения среди братии. Монастырский устав строг, а те, кто жаждет духовного уединения, обычно плохо воспринимают, когда в их размеренную жизнь вмешиваются представители суетного и полного грехов внешнего мира.

По прибытии на место Шувалова узнала, что в монастыре уже работают несколько ученых из разных стран, приехавших, как и она, для исследования местной библиотеки, которая была во многих отношениях уникальной. В научном мире о ее существовании стало известно лишь несколько лет тому назад, когда в одном из древних монастырских строений решили наконец сделать ремонт. Разобрав одну из внутренних стен здания, монахи наткнулись на довольно просторное помещение, заполненное разнообразными рукописями, свитками и манускриптами, возраст которых часто невозможно было установить. Как только новость просочилась за стены обители, она вызвала огромный интерес в научном мире. Несколько ведущих западных университетов тут же выделили средства, организовали экспедиции и теперь по доброй воле монастырской братии делили между собой как хранящиеся в библиотеке рукописи, так и гостевой домик. Шувалова, не имея статуса «университетской экспедиции», отправилась туда же: после долгих размышлений игумен монастыря иеромонах Антоний все-таки не разрешил женщине ночевать под крышей мужской обители. Поскольку Анна Николаевна была не только красивой — ладно сложенной, зеленоглазой, с густой копной вьющихся каштановых волос, — но и умной женщиной, она ничуть не обиделась. Она была даже рада такому развитию событий, ведь общение с коллегами, особенно по вечерам, стало для нее не только удовольствием, но и дополнительным источником ценной информации. Например, именно от них Анна узнала, что разбросанные по скалам вокруг монастыря пещеры и кельи, в том числе приютившиеся над обрывом подобно ласточкиным гнездам, в свое

время были обитаемы отшельниками — христианами из Палестины, Египта и Сирии, искавшими истинного уединения. Одна из таких келий была особо почитаема, поскольку в ней, как гласила легенда, три года жил сам пророк Илия в точном соответствии с повелением Господним из библейской Книги Царств: «И было к нему слово Господне: пойдя отсюда, и обратись на восток, и скройся у потока Харафа, что против Иордана...» По вполне понятным причинам монахи не особенно любили распространяться на этот счет, а попасть в ту келью можно было только с помощью специальной лестницы, да и то при условии наличия определенного опыта в скалолазании. Впрочем, вход туда для посетителей монастыря все равно был заказан.

— Я надеюсь, вы согласитесь со мной, уважаемые коллеги, что в истории христианства именно эпоха римского императора Константина Великого, который правил в IV веке нашей эры, стала настоящим переломным моментом как с точки зрения концептуального наполнения новой мировой религии, так и формирования организационной структуры Церкви. Именно при нем произошло окончательное оформление христианских обрядов и традиций. Даже Библию стали называть Библией именно в IV веке!

Как стало известно в результате многочисленных археологических раскопок, до времен Константина христианское богослужение было весьма простым действием. Поначалу последователи новой веры собирались в обычных частных домах. Затем, в период гонений, они стали встречаться в уединенных и отдаленных местах, таких, как римские катакомбы. Лишь к III веку появились помещения, специально предназначенные для проведения богослужений. Самую старинную церковь, относящуюся примерно к 250 году, археологи нашли в Сирии, среди развалин древнего города Дура-Европос. Она представляла собой небольшую комнату, украшенную очень простыми фресками. — Так начал свой рассказ в один из вечеров греческий профессор Никифор Ламбродиадис, когда все желающие пообщаться собрались в весьма романтической обстановке — на свежем воздухе, за воротами монастыря у костра, ведь ночи-то в пустыне холодные. — Кстати, весьма любопытно, что в этом же городе нашли и синагогу, и храм солнечного божества Митры, а также остатки храмов иных разнообразных языческих божеств. Как оказалось, все они мирно сосуществовали в те годы.

Но вернемся к Константину. Именно после того, как он начал покровительствовать христианам, на их богослужениях появился отпечаток имперского величия. Фимиам, использовавшийся ранее в иудейском Храме в качестве символической жертвы Богу, а позже, в римской традиции, как знак воздания почестей уже земному божеству — императору, начали применять и в христианских церквях. Священники, совершавшие до того времени богослужения в обычной одежде, теперь стали облачаться в роскошные одеяния, часто расшитые золотом. Со временем некоторые обрядовые действия, которые обычно предназначались только для императора, стали частью христианского обряда. Так, вошло в обычай начинать службу с шествия, появились хоры, в значительной мере — для песенного сопровождения этих шествий. Но и это еще не все. Уже во II веке появился обычай отмечать дни смерти мучеников за веру, верующие стали собираться у мест их погребения, затем во многих таких местах были построены церкви. В конце концов

многие общины пришли к выводу, что богослужение имеет особенную ценность, если оно проводится в одном из тех святых мест, где есть останки мучеников-христиан. В результате начали выкапывать тела страдальцев и помещать их — или отдельные части их тела — под алтарями многих строившихся церквей. При этом некоторые утверждали, что получили откровение от неизвестных или забытых мучеников. Кое-кто заявлял даже, что его посетило видение, показавшее, где погребен тот или иной страдалец, и со временем в общинах распространилось убеждение, что останки святых и реликвии новозаветных времен обладают чудодейственной силой. Надо сказать, что особый вклад в развитие таких настроений внесла царица Елена, мать Константина, которая, как гласит предание, в ходе паломничества на Святую землю нашла множество связанных с Иисусом Христом реликвий, разошедшихся затем по всей империи.

Однако вот что любопытно: поначалу ко всему этому многие руководители Церкви относились весьма неодобрительно и пытались предотвратить развитие в христианских общинах суеверных представлений, которые попахивали язычеством и идолопоклонством. Особенно это касалось мощей мучеников и приобщенных к лику святых. Но что они могли поделать с паствой, если сам император поощрял этот культ и даже лично приказал разыскать места захоронений первого апостола Христа — Андрея, евангелиста Луки и других? Впоследствии их мощи или то, что стали называть их мощами, были найдены, доставлены в Константинополь и захоронены сначала в церкви Святых Апостолов, а затем перенесены в собор Святой Софии. Так что христианство, которое мы знаем сегодня, в огромной степени является плодом усилий Константина Великого и его матери, царицы Елены.

— Но ведь это по меньшей мере удивительно, — вступил в разговор его американский коллега Джеймс Кеннон. — Глава светской власти, император, да еще и язычник, вдруг оказывается родоначальником не только, так сказать, церемониальной стороны христианства, но и творцом важнейших аспектов его концептуального наполнения. Ведь если сейчас попытаться изъять из христианской традиции весь церковный протокол, обряды, символику, иерархическую организацию, реликвии, вряд ли устоит то, что от нее останется.

— Я думаю, устоит, — сказала Анна, которая не могла оставаться равнодушной к этой дискуссии. — В конечном итоге *истина не зависит от воли властей*. Мне кажется, в христианстве изначально был заложен такой мощный философский пласт, что даже и без Константина оно рано или поздно пробило бы себе дорогу. Основа основ христианской веры — я имею в виду то, что Бог един и Он есть Любовь, — никуда не денется, если священнослужители сменяют ризы на другую форму одежды или изменят порядок песнопений во время службы. Я считаю достаточно очевидным то, что в любой религии главным элементом все-таки является вера в Бога, а не ритуалы и церемонии. Очень показательно, что и порядок ведения службы, и внешняя сторона обрядов, и убранство церквей в разных христианских конфессиях отличаются порой весьма существенно, но это же не делает, к примеру, коптов, менее последовательными христианами, чем, скажем, армян. И потом, я не могу согласиться с вашей трактовкой возникновения христианской традиции почитания мощей святых и мучеников как случайного процесса. По-моему, все было очень даже закономерно. Ведь христианство в значительной степени выросло из иудаизма, а для иудеев места захоронения праведников есть места сосредоточения

божественной святости, и через почитание их останков как бы поддерживается связь с душами ушедших пророков и святых мучеников. Так что с этой точки зрения, как мне кажется, Константин ничего особенного не придумал, а лишь, я бы сказала, узаконил существовавшую задолго до него традицию с учетом христианского мировоззрения. В любом случае опять-таки истинная вера важнее любых символов и обрядов, даже насаждаемых властью имущими.

— Вера, безусловно, относится к определяющим факторам, но в остальном я с вами не совсем согласен. — Кеннон покачал головой. — Вся история Церкви говорит о том, что в богословских спорах всегда побеждал тот, на стороне которого стояла светская власть. Так было начиная с Никейского собора, когда последователи пресвитера Ария были наказаны за инакомыслие и отправлены императором в ссылку. Так продолжалось повсеместно практически до XX века, а во многих странах продолжается и поныне. Я подозреваю, что созданная самим Константином или как минимум при его активной поддержке христианская догматика и церковная иерархия внедрялись впоследствии по всей империи огнем и мечом. Не так ли?

— Так, — подтвердил профессор Ламбродиадис. — Еще, по крайней мере, на протяжении семидесяти лет после Никейского собора в христианских общинах продолжались горячие споры и по поводу богочеловеческой сущности Иисуса, и относительно принятых собором канонических правил церковного устройства. Я бы даже взял на себя смелость утверждать, что глубинные идеологические основы будущего раскола христианства на католицизм и православие были заложены именно тогда, в Никее. А затем, на протяжении последующих семи веков, эти разногласия нежно лелеяли епископы как Запада, так и Востока под чутким руководством соправителей империи и их наследников. В научной литературе известно, например, некое послание, приписываемое императору Константину, в котором он якобы возлагает всю полноту церковной власти в христианском мире на епископа Рима, в современном понимании — на Папу Римского. Разумеется, что православные не признают это письмо ни при каких обстоятельствах. Уже один такой документ, если бы он действительно существовал, был бы способен вызвать вселенский церковный раскол.

— В таком случае согласитесь, что следует еще разобраться, кто же кого использовал в своих целях: государство — Церковь или наоборот? — подал реплику кто-то из присутствующих.

— О да, вынужден признать, что это очень справедливое замечание, — ответил Ламбродиадис. — Начиная с первосвященника Каифы, который руками Понтия Пилата добился распятия Христа, в истории христианства повсеместно встречаются случаи, когда служители культа банально использовали государственную машину в своих целях. Возьмите те же крестовые походы или средневековое мракобесие инквизиции. Светские и духовные властители часто находились в смертельной вражде, и борьба между ними шла в основном за власть и деньги. Именно вокруг этих двух точек притяжения сталкивались интересы, происходили войны, революции, и духовенство сплошь и рядом вчистую обыгрывало королей и императоров. Это легко объяснимо, поскольку система образования веками находилась в руках Церкви. Служители культа априори были хорошо образованы и, кроме того, опирались в своих действиях как на животный страх человека

перед непостижимыми для него высшими силами, тайнами рождения и смерти, так и на свою мощную иерархическую организацию.

Но я хотел бы еще отметить, что Константин стал, так сказать, полноценным соавтором современной модели христианства совсем не вдруг. Его замысел, или, если уж быть совсем точным, замысел его матери Елены, заключался в том, чтобы использовать все те идеологические преимущества, которые давала монотеистическая религия, для укрепления единства империи. Знаете, что еще тут любопытно? Проявление чисто женской, духовной сущности этой идеи. То есть для язычника Константина, как для мужчины и полководца, не было проблематичным держать в повиновении народы империи с помощью военной силы, как это делали все императоры до него. Но тут на арене истории появляется Елена и говорит: послушай, а ведь можно добиться того же результата иным путем — через духовное единение, и для этой цели христианский Бог подходит более всего. Кроме того, христианство не знает географических преград, и, став олицетворением новой веры, император сможет раздвинуть «духовные» границы империи значительно дальше ее физических пределов. Так христианство было поставлено на службу римскому государству.

— И все-таки, мне кажется, что вы перегибаете палку, — снова вмешалась в разговор Анна Николаевна. — Вас послушать, так все, что делалось в союзе Церкви и государства, было злом. Как будто не было среди правителей истинных подвижников веры, святых людей, которые служили образцом духовности и морали для своих народов. Как будто история не переполнена примерами духовного и просто человеческого подвига, совершенного священниками во имя интересов государства. Да и Церковь не всегда благосклонно воспринимала вмешательство светской власти в свои дела. Существует масса примеров серьезных конфликтов, возникших на этой почве.

— С этим никто не спорит, — ответил Кеннон. — Однако, на мой взгляд, то, о чем вы говорите, лишь подтверждает известное утверждение, что истинная вера в Бога и ее религиозное или символическое оформление — это разные вещи. *Тот, кто по-настоящему верит, не нуждается в посредниках для того, чтобы общаться с Всевышним...*

Они встречались и разговаривали практически каждый вечер, и так продолжалось с неделю, пока в монастырь не приехал еще один иностранец — профессор из Великобритании Натан Ковальский, который, как оказалось, свободно говорил по-русски. По какому-то мистическому совпадению буквально за пару дней до его приезда Шуваловой удалось сделать небольшое открытие. И вот как это произошло.

Одной из самых колоритных фигур среди местной братии был монастырский библиотекарь по имени Михаил. Это был высокий, статный мужчина крепкого телосложения, с большими сильными руками, лет, наверное, около шестидесяти. Честно говоря, он мало походил на монаха. Его заросшее лицо было испещрено шрамами. Кроме того, он был немой и отличался довольно угрюмым характером. Однако Анна умудрилась с ним подружиться. Остальные члены их небольшого исследовательского коллектива недоумевали, как ей это удалось, поскольку с ними библиотекарь был строг и весьма

неприветлив. А объяснялось все просто: брат Михаил оказался родом из России и однажды, отчаянно жестикулируя, рассказал Анне свою историю.

В своей прошлой жизни он был военным, майором Михаилом Чечетовым и в советское время служил в Афганистане. Как-то раз подразделение, которым он командовал, выполняя задание, попало в засаду и бойцы приняли неравный бой. К счастью, часть его людей смогла прорваться за огненное кольцо, в которое их взяли душманы — «духи», однако большинство моджахеды либо убили, либо взяли в плен. Сам Чечетов, контуженный взрывом гранаты — это ее осколки изуродовали лицо майора, — тоже был пленен. «Духи» пытали его, издевались, едва не замучили до смерти, а потом, когда он им так ничего и не сказал, вырезали язык. Хотели и глаза выколоть, но какой-то полевой командир забрал Михаила к себе и заставил работать в его доме как раба. Несколько лет Чечетов провел в плену, и лишь в начале 90-х годов ему чудом удалось бежать. Случилось это при весьма удивительных обстоятельствах.

Однажды днем, чувствуя просто смертельную усталость, накопившуюся за многие годы, он, никогда ранее в Бога не веривший, неожиданно для себя самого упал на колени и горячо взмолился к Всевышнему, прося о спасении или о смерти. И вдруг сквозь застилавший глаза кровавый пот он увидел стоящего на вершине холма всадника в алых одеждах на белом коне и с копьем, которое тот держал направленным острием вниз. Видение было настолько реальным, что, собрав последние силы, он бросился к этому всаднику. Однако, достигнув вершины, никакого всадника Чечетов не увидел, но вместо него далеко внизу, на серпантине горной дороги, он разглядел колонну автомашин. Михаил кубарем, не щадя сбитых ног и разорванной одежды, скатился с горы и понял, что это конвой с гуманитарным грузом. Миротворцы, сопровождавшие колонну, подобрали его. Именно тогда, размышляя над случившимся, он и уверовал в Бога, который послал ему столь чудесное избавление из плена. Однако Михаил не стал доверять свою судьбу командованию миротворцев. Через Пакистан и Ирак он попал сначала в Сирию, где провел несколько лет в одном из монастырей, а уж потом перебрался на Святую землю и принял послушание в монастыре имени явившегося ему святого Георгия.

— Но как же ваша семья, близкие, они ведь, наверное, разыскивали вас, ждали домой? — Анна не смогла удержаться от не совсем тактичного вопроса.

Михаил нахмурился и махнул рукой. Затем жестами дал понять, что родители уже умерли, а с женой, которая оставалась в России во время его службы в Афганистане, они расстались еще до его плена. Так уж случилось, что, пока он служил, она нашла себе другого мужчину, а детей, к счастью, у них не было.

Внимая рассказу брата Михаила, Анна не могла сдержать слез, настолько он ее тронул. Однако она даже не догадывалась, что была и та часть истории, которую Чечетов утаил. Он просто не мог, да и не хотел рассказывать ее никому. Ведь после того как его подобрали миротворцы, он не сразу попал в Израиль. Сначала Михаила доставили в ооновский лагерь под Кабулом и поместили в госпиталь, где подлечили и поставили на ноги. После выздоровления Михаил не хотел возвращаться на Родину, где его никто не ждал, как и не имел ни малейшего желания эмигрировать на Запад. Однако и в лагере находиться бесконечно долго он не мог. Определить его дальнейшую судьбу помог случай.

Как-то по просьбе главврача госпиталя, в котором его лечили, Михаил в очередной раз отправился за покупками на местный рынок. Эта процедура в Кабуле была вовсе не безопасной для иностранцев, а загорелый, бородатый, с лицом, испещренным шрамами, понимающий местный язык, но при этом немой Михаил воспринимался афганцами как свой. На базаре он проходил мимо одной из антикварных лавок и вдруг заметил, как пронырливый афганский мальчишка ворует кошелек у одетого по-европейски мужчины, который сосредоточенно рассматривал какую-то древнего вида книгу. Афганцы никогда не вмешиваются в подобных ситуациях, но Михаил, повинуясь минутному порыву, схватил мальчишку за руку и вернул кошелек владельцу. Тот был очень благодарен и, видимо заподозрив, что Михаил не афганец, предложил выпить чаю в ближайшей чайхане. Незнакомец говорил сначала по-английски, представился Алексом и был крайне приветлив. Он живо интересовался, кто такой Михаил и откуда, а когда тот жестами поведал ему свою историю, сразу перешел на русский и предложил помощь. Самое удивительное, что именно этот его новый знакомый и посоветовал Михаилу избрать в дальнейшей жизни духовный путь и принять послушание в монастыре. Идея служения Богу стала для Михаила настоящим озарением. Да, именно к покою и умиротворению стремилась его душа, туда, где он будет близок к своему Спасителю. Алекс помог Михаилу оформить какие-то бумаги, и так, через Пакистан и Ирак, он попал сначала в Сирию, где провел несколько лет в одной из местных христианских обителей. Затем, через Иорданию, в багажнике машины с израильскими дипломатическими номерами, его перевезли на Святую землю, где он и принял послушание в монастыре Святого Георгия. Алекс способствовал ему во всех перемещениях, хотя для Михаила так и осталось загадкой, кем был этот добрый гений и почему он принял такое живое участие в судьбе бывшего советского офицера.

Пятнадцать лет Михаил жил в монастыре Святого Георгия в покое и молитвенном уединении и за все это время ни разу не встречал русского человека. Поэтому, когда он узнал, что Анна — его соотечественница, в душе старого солдата что-то всколыхнулось. Впрочем, Михаил сразу выделил красавицу-славянку из очереди посетителей. Он даже разрешил ей помогать ему в монастырской библиотеке, что означало доступ в ее святая святых — в хранилище, содержимое которого никто до сих пор так толком и не разобрал. В то же время оно продолжало пополняться за счет находок бедуинов, которые, кочуя по пустыням Ближнего Востока и Северной Африки, время от времени находили то какие-то захоронения, то пещеры, а в них — всякие любопытные артефакты, в том числе книги и рукописи. Среди кочевников встречались и арабы-христиане, которые уважали монахов за святость и строгое соблюдение устава. Вот они-то и приносили брату Михаилу находки, а он, как и его предшественники, складывал их в дальнем углу хранилища, не особо утруждая себя разбором накопленных богатств.

И вот однажды, разгребая завалы из непонятного происхождения черепков, различных сосудов, пыльных фолиантов и прочего исторического хлама, Анна наткнулась на необычный предмет, который просто не мог быть пустяком. Это был почерневший от времени, покрытый толстым слоем пыли и весьма грязный деревянный ларец, гравировка на котором не оставляла сомнений в его принадлежности к утвари корабля британского королевского флота; на нем даже дата стояла — 1492 год. В ларце лежал стеклянный сосуд, герметично запаянный сургучом, а в нем находился какой-то свиток с письменами.

Шувалова была заинтригована: чутье ей подсказывало, что просто так ни корабельные ларцы, ни сосуды с рукописями в монастырских хранилищах не пылятся. Она тотчас кинулась к брату Михаилу и, получив его согласие, изъяла этот предмет в личное пользование. Тем же вечером она тщательно очистила ларец и сосуд и все скрупулезно описала. На следующий день они вместе с Михаилом осторожно вскрыли сосуд и достали свиток. Это был коптский манускрипт, довольно древний, сплошь испещренный письменахми. Он состоял из нескольких страниц, однако часть его уже восстановлению не подлежала. Поскольку он грозил рассыпаться в любой момент, первым делом Анна сняла с него копию, сделала фотографии, а уж потом взялась за анализ текста. Чудо, что среди монахов оказался один египтянин, который немного знал язык коптов — одной из древнейших христианских общин, возникших в I веке в Египте. Именно он помог составить приблизительный перевод.

То, что у него получилось, вызвало шок не только у Анны, но и у видавших виды монахов. Брат Михаил даже разозлился, забрал оригинал манускрипта и спрятал его подальше от глаз. Ожесточенно жестикулируя, он потребовал, чтобы Анна ликвидировала имеющуюся у нее копию, поскольку, как выразился поддержавший его монах-египтянин, «свиток источает ересь, отравляющую душу посильнее змеиного яда». Шувалова воспротивилась, и вот тут-то вокруг Анны стал виться недавно прибывший в монастырь Натан Ковальский. Доселе он пребывал в тени и не слишком активно общался с другими учеными, но как только среди послушников монастыря прошел слухок о необычной находке, Натан постарался познакомиться с Анной поближе. Когда же Ковальский узнал, что речь идет о редкостном коптском манускрипте, он предложил ей помощь — отправить имеющиеся у нее материалы через него в Лондон, где, по его словам, работали отличные специалисты-египтологи. Шувалова уже почти согласилась с этим предложением, но потом произошло одно необъяснимое событие, вследствие которого Анна передумала.

Как-то, войдя в библиотечное хранилище, она вдруг обнаружила валяющийся там на полу пропуск на предъявителя в библиотеку Ватикана, видимо кем-то оброненный. Это было крайне странно. Во-первых, насколько Анне было известно, кроме нее и брата Михаила, в хранилище никто доступа не имел. Во-вторых, пропуск такого рода был весьма ценным документом и потерявший его должен был бы искать его, но о потере никто не заявлял. А когда на следующее утро брат Михаил довольно грубым жестом дал ей понять, что в хранилище входить больше не нужно, она почувствовала, что случилось нечто непредвиденное и пора действовать. Как бы соглашаясь, Анна покивала головой для отвода глаз на очередные, граничащие с назойливостью уговоры Ковальского, но сделала все по-своему: в этот же день водитель грузовичка, бедуин, который иногда привозил в монастырь продукты, увез в город и отправил по почте увесистый пакет, адрес на котором, само собой разумеется, был совсем не лондонский. В пакет, кроме документов и описания того, что им удалось прочитать в коптском манускрипте, Шувалова вложила свое письмо и тот самый найденный ею пропуск в библиотеку Ватикана, который, как она решила, оказался сейчас в ее руках весьма кстати.

Глава 3 Посланник императора Тиберия

Тиберий Цезарь, сын Божественного Августа, Великий Понтифик, император Великой Римской империи, народный трибун и консул, когда-то в молодости слыл мудрым и смелым полководцем. Однако из-за долгого пребывания в тени других претендентов на трон и ожесточенной борьбы за власть характер его испортился. С возрастом он стал жесток, крайне подозрителен и боязлив. Ныне Тиберий с большим почтением относился к астрологам и магам, интересовался разнообразными мифами, не гнушался запретных развлечений с юными мальчиками и девственницами и всячески избегал публичной политики. Именно этим и объяснялось его странное для столичной знати решение удалиться из Рима на остров Капри, где на его восточной возвышенности в изумительном парке был расположен хорошо охраняемый дворец Юпитера, ставший резиденцией императора. Случилось это в 26 году, и как раз перед тем, как покинуть Рим, он еще успел назначить некоего Гая Понтия Пилата наместником в одну из римских провинций, включающую земли Иудеи, Идумеи и Самарии. Пилат этот происходил из сословия всадников, и император лично его не знал и даже никогда не видел, но ему пришлось принять к вниманию настойчивую рекомендацию командующего преторианской гвардией Луция Элия Сеяна, которого Тиберий уважал и даже несколько побаивался.

С 15 года Сеян единолично возглавил гвардию, состоящую исключительно из всадников, и сумел значительно приумножить то умеренное влияние, которым традиционно пользовались преторианцы. Прежде всего он свел ранее разрозненные когорты в один общий лагерь. Замысел Сеяна был прост: сконцентрировать силы всадников в одном месте, чтобы в случае необходимости можно было сразу ими распорядиться и чтобы их численность и мощь внушали им самим уверенность в собственной силе, а всем прочим — страх. Тиберий не мешал ему в этом и был внешне до того расположен к Луцию Элию, что не только в частных беседах, но и в сенате, и перед народом неоднократно превозносил Сеяна как своего единомышленника. Он даже допускал, чтобы в театрах, на городских площадях и в преториях, а также в расположении легионов почести воздавались статуям префекта преторианцев наряду с его собственными статуями.

При этом Сеяну, как и многим другим окружающим его «соратникам», Тиберий до конца не доверял. Он скорее терпел их, поскольку ему нужны были союзники в традиционном для императоров противостоянии с сенатом. А Сеян был очень удобен: он сам происходил из сословия всадников и по закону не мог стать сенатором, что изначально предопределяло сложный характер его взаимоотношений с римской элитой. Именно Сеян убедил кесаря расквартировать гвардию в Риме и назначать наместников в римские провинции исключительно из всадников. По его мнению, такая конструкция государственной власти обеспечивала необходимый баланс между влиянием сената в центре и конкурирующими с сенаторами префектами и прокураторами на местах. Кроме того, это позволяло поставить под контроль всадников основные денежные потоки империи, ведь именно от наместников провинций зависело, какую часть взимаемых налогов следует направить в государственную казну, а какую — мимо нее. Для префекта преторианцев дополнительные средства были весьма важным подспорьем, ибо, как говорится, служба службой, а денежки — врозь.

Однако долгое отсутствие императора в Риме и его кажущееся равнодушие ко всему, что не касалось магов и астрологии, сослужило Сеяну плохую службу. Однажды потеряв

осторожность, он слишком увлекся политикой и в 31 году добился для себя назначения соконсулом Тиберия. Его стремление к власти стало всепоглощающим. После этого заклётым «друзьям» префекта преторианцев не составило труда донести в уши увлеченного мифами, предсказаниями и ночными оргиями кесаря нужную им интерпретацию намерений Сеяна, обвинив последнего в заговоре с целью узурпации трона. Надо признать, что инстинкт потери власти у Тиберия был развит чрезвычайно: Сеян был тут же арестован, мгновенно приговорен сенатом к смерти и казнен. Казнили даже его детей. Поговаривали, что немаловажную роль в этом странном деле сыграл и Гай Юлий Цезарь Германик — будущий император Калигула, который не без умысла на протяжении нескольких лет разделял показное одиночество императора Тиберия на Капри и за это время сделал немало, чтобы расчистить себе путь к трону.

Командующим преторианской гвардией вместо Сеяна был назначен некто Невий Серторий Макрон, который, как и следовало ожидать, немедленно невзлюбил всех тех наместников римских провинций, которые были назначены по протекции его предшественника. В империи это было традицией — при назначении на высокие посты исходить не из заслуг, опыта и авторитета потенциальных кандидатов, а в первую очередь из степени их личной преданности, и даже не столько императору, сколько его приближенным. По этому вопросу Макрон и Калигула быстро нашли общий язык.

* * *

Тиберий был крупным крепким мужчиной с отменным здоровьем, хотя время от времени, особенно когда на него накатывали приступы страха или раздражения, его внешность уродовала отвратительная сыпь. Ходил он, наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, обычно молча. С окружающими разговаривал лишь изредка и медленно. Он хорошо видел в темноте, был жесток и мрачен, считал недостойным императора делиться с подданными своими мыслями и разъяснять им мотивы своих поступков. В то же время его очень пугал гром, который император приписывал гневу богов.

Именно гром однажды бушевавшей над Капри грозы разбудил его ночью весной 36 года. Лежа под невесомым одеялом ангорской шерсти на огромном ложе в дворцовой спальне, он старался справиться с мыслями. Его крайне беспокоил полученный накануне вечером доклад о странном происшествии, случившемся несколько лет тому назад в Иудее. Из донесения начальника тайной полиции в Ершалаиме, некоего Афрания, следовало, что с легкой руки римского наместника — всадника Гая Понтия Пилата — все эти годы в Иудее и Самарии происходили и продолжают происходить удивительные, даже мистические события, о которых ему, императору, до сих пор ничего не было известно. Этот самый Пилат посмел утаить от него необыкновенную историю, которая могла бы развлечь кесаря и стать достойным украшением его коллекции мифов и чудес.

По словам Афрания, история эта началась три или четыре года тому назад, когда в Иудее, Галилее и Самарии объявился некий бродячий философ по имени Иешуа, родом из Назарета Галилейского, который начал по всей территории вверенной Пилату провинции проповедовать неведомую доселе веру в единого Бога, всемилостивого и вселюбящего. При этом упомянутый Иешуа призывал к покаянию, предвещал скорое наступление Царства Божьего, производил всякие чудеса, а именно: исцелял больных, воскрешал

умерших, изгонял бесов, превращал воду в вино, чем снискал немалую славу среди простого народа. Кроме того, он называл себя Сыном Божьим и в конце концов неминуемо вступил в конфликт с иудейскими книжниками и фарисеями, в том числе вызвал гнев и самого иудейского первосвященника Иосифа Каифы. Последний лично приказал арестовать смутьяна, способствовал осуждению его судом синедриона и постановил добиться его казни через римскую власть. Предварительно Каифа заручился также поддержкой царя Ирода Агриппы, вовсе не заинтересованного в смущении умов богоизбранного народа иудейского проповедями какого-то мага и софиста, которого из-за производимых им чудес стали величать чуть ли не царем иудейским. Более того, распространились слухи, что этот Иешуа происходил из рода царя Давида и был не кем иным, как мессией, приход которого предсказан иудейскими пророками и который должен принести народу долгожданное освобождение от захватчиков.

Освобождение! Это уже пахло заговором против Рима!

Такие новости нельзя было игнорировать.

Тиберий встал, взял со стола пергамент с донесением, поднес его к факелу и стал читать.

«За то, что он своим учением обличал книжников и вождей иудейских, в особенности же за то, что весьма многие делались последователями его, эти книжники и фарисеи так ожесточились против него, что, наконец арестовав его и осудив судом синедриона, представили его Пилату Понтийскому и настоятельно потребовали у него согласия отдать Иешуа Назарейского на распятие.

Понтий Пилат питал тогда вражду к Ироду, царю иудеев, и к Каифе, первосвященнику Ершалаимского Храма, но потом, когда бродяга Иешуа со связанными руками был приведен к нему на суд, Пилат допросил его, чтобы точно узнать, чего он хотел относительно народа иудейского. Ибо в представленных бумагах было сказано, что Ирод Агриппа боялся наречения его земным царем, которым он может быть низложен со своего царства. Каифа же опасался еще более худшего — что тот станет духовным пастырем для народа, который оставит учения иудейских пророков и перестанет платить подати в Храм. Пилат же, по замыслу Каифы, Ирода и окружающих их иудеев, должен был предать его на смерть...»

Афраний привел также описание означенного Иешуа из Назарета.

«Он был человеком высокого роста и благородной наружности, важного и выразительного вида. Глядя на него, нельзя было не восторгаться им и вместе с тем не бояться его. Волосы у него были волнистые и кудреватые, немного темнее и сильно блестящие там, где они спадали на плечи. Они разделялись на две стороны по обычаю назареев. Чело у него было гладкое и чудесно спокойное; на лице его не было ни морщин, ни каких-либо пятен, а румянец делал его щеки прекрасными. Нос и уста его были совершенны. Он имел густую коричневатую бороду в цвет его волос, не длинную, ровно остриженную. Глаза у него — яркие и как бы имели различный цвет в различное время. Он страшил фарисеев своими угрозами, был спокоен в своих проповедях к тем, кто внимал ему, человек любящий и любимый, бодрый, но постоянно серьезный. Никто и никогда не видел его смеющимся, но часто видели скорбящим. Руки и другие члены тела его отличались совершенной гармонией, а речь его была ровна и важна...»

«Ничего себе, бродячий философ, — подумал Тиберий, — Афраний описывает его как самого важного вельможу или даже бога». Он стал читать дальше.

«Невзирая на то что во время судебного разбирательства все обвинения были доказаны, Гай Понтий Пилат, сговорившись с писарем префектуры в Ершалаиме Марком, задумали Ирода и Каифу обмануть и на крест отправили осужденного в один день с Иешуа из Назарета и схожего с ним разбойника Вараввана. Бродячий же проповедник был ими спасен, помещен под стражу, но преступно упущен на третий день. Однако упомянутый Иешуа Иудею не покинул, а явился своим ученикам, число коих теперь множится день ото дня, чтобы сказать им, что он жив. Лишь когда в народе начались волнения и слухи разные распространились повсеместно о распятом и воскресшем после смерти мессии, уразумел Пилат, что сотворил он, и означенный Иешуа был силой отправлен за пределы Иудеи, где следы его затерялись. Иные же твердо уверовали, что то был истинно Сын Божий, который исцелял хвори, оживлял усопших, говорил с Богом и ныне взят им на небо. Именуют себя оные христианами, по данному ими упомянутому бродяге прозвищу Иешуа Христос, что означает — мессия. Слухи о мессии распространились теперь за пределы Иудеи, и ныне последователей Христа можно встретить повсюду — от Сирии до Египта.

Афраний, покорный и верный слуга великого кесаря, прилагает к этому уверения в том, что свидетельствует обо всем правдиво и во славу Рима. Да пребудет великий кесарь вечно в добром здравии...»

Ну как тут можно уснуть! И так с этой вечно мятежной провинцией, будь она неладна, постоянные проблемы, а теперь там еще какой-то мессия образовался, да и Пилат к этому руку приложил... Это же надо такое выдумать: был распят и воскрес! Такие события требовали его личного вмешательства.

Начинало светать. Тиберий попробовал прилечь снова, но сон никак не шел к нему, и он только промучился до первых лучей восходящего солнца. Лишь тогда император наконец встал, накинул тунику и позвал слуг.

Тит Валерий Туллий был одним из тех немногих близких ко двору императора людей, которым Тиберий доверял. Его редкая, особенно для римлянина, биография говорила сама за себя. В прошлом воин, показавший себя с наилучшей стороны в боях с германцами и галлами. Затем, после тяжелого ранения, — знаток языков, философ и астролог. Надежный человек, преданный императору и Риму. Именно на него пал выбор Тиберия, когда он решил лично разобраться в деле, о котором писал Афраний. Римская армия не боится никаких врагов, но Сын Божий, объявившийся в Иудее, и его культ, распространяющийся теперь от Сирии и Малой Азии до Египта, смущающий умы подданных империи уже на протяжении трех лет, были доселе неведомой угрозой устоявшемуся в империи порядку. Никто не должен и не смеет посягать на божественную сущность императоров Рима и на владения империи! Из донесения же следовало, что префект Иудеи, Идумеи и Самарии, всадник Гай Понтий Пилат, мог легко решить эту проблему в самом начале, казнив самозванного мессию, но по неизвестным и пока непонятым причинам не сделал этого. Поступки Пилата очень смахивали на какой-то

заговор. «Надо бы еще проверить, не был ли этот Понтий Пилат как-то связан с Сеяном и не оказывал ли он поддержку префекту преторианцев в попытке узурпировать власть», — мелькнуло в голове Тиберия.

— Приветствую тебя, великий кесарь! — Эти слова, прозвучавшие неожиданно громко в тишине дворца, прервали ход размышлений императора. — Да пошлют тебе всемогущие боги здоровья и процветания!

В зал, где возлежал император, вошел Валерий Туллий; среднего роста, коренастый, с коротко остриженными кудрявыми волосами, он был подтянут, как и подобает старому солдату. В нем с трудом узнавался человек образованный, если бы не широкий лоб и умные, щедро сдобренные философскими размышлениями речи, которые Тит Валерий произносил мастерски.

— Здравствуй, друг мой, — приветливо произнес император. — Я пригласил тебя по одному очень странному и важному делу. — Тиберий кратко изложил Туллию суть полученного донесения. Однако он воздержался от того, чтобы показать его Титу Валерию, как и от того, чтобы назвать имя автора. — Я хочу, чтобы ты поехал в Ершалаим и лично во всем разобрался. Ты должен установить: что помешало Гаю Понтию Пилату просто казнить этого Иешуа из Назарета? Насколько широко распространилось ныне вредное для римской власти учение? Какова действительная ситуация в Иудее? Кто такой был этот бродяга и почему, как мне доносят, его имя теперь на устах множества людей, которые почитают его как Бога?

Тит Валерий Туллий молча и с благоговением, как и полагается подданному, выслушал императора.

— Все ли тебе понятно? — спросил Тиберий.

— Да, кесарь. Я отправляюсь в Ершалаим без промедления.

Глава 4 Почти библейская история

Профессор Сергей Михайлович Трубецкой, известный киевский специалист по древним рукописям, не очень-то любил засиживаться на работе. Было около семи часов вечера, и он уже почти собрался идти домой, но решил еще раз внимательно перечитать начало Евангелия от Луки: *«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен...»*¹ «Удивительно, как много информации сосредоточено в одном этом отрывке! — отметил Трубецкой про себя. — Во-первых, *”многие начали составлять повествования”*, то есть евангелист признает, что таких, как он, было много. *“Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами”* — значит, Лука сам не был свидетелем и не имел полной информации о служении Иисуса, а пользовался *“переданными”* рассказами очевидцев. Наконец, *”по тщательном*

¹ Лука, 1:1-4.

исследовании всего сначала” — выходит, он имел возможность сравнивать и анализировать рассказы разных людей и судить об их достоверности по наличию или отсутствию противоречий. Однако как все это странно! Ведь мы даже не знаем, кто он был, этот Лука. Говорят, он происходил из греков и был врачом... Но почему именно его евангелие вошло в Новый Завет? Вопросы, вопросы...»

Наконец Трубецкой отодвинулся от бумаг и с удовольствием потянулся в кресле. Его долговязая фигура с трудом умещалась за стандартным офисным столом, и он, без сомнения, предпочел бы работать дома, но документы, лежащие сейчас перед ним, нельзя было выносить из института ввиду их чрезвычайной ценности. Сергей Михайлович снял очки, положил их на стол и прикрыл глаза. Несколько последних дней, особенно после отъезда Анны на Святую землю, он напряженно работал над крайне интересной и неожиданной проблемой — переводом Библии. Дело было в том, что ему в руки по случаю попало редкое средневековое издание Вульгаты — одной из первых попыток перевода Библии с греческого на латинский язык. Для начала Трубецкой провел сравнительный анализ древнего и современного текстов и обнаружил, что одобренный Церковью и используемый ныне вариант Святого Писания, во всяком случае, в части Нового Завета, весьма заметно отличается от его средневековой трактовки. Отличия были настолько разительными, что их никак нельзя было объяснить только сложностями перевода. Это было странно и требовало дополнительного анализа имеющихся текстов. Ведь в своей работе Сергей Михайлович уже давно не ограничивался исследованием только лингвистической составляющей рукописей, но старался детально вникать в их содержательное наполнение — было бы время. А сейчас его было хоть отбавляй, поскольку Анна Николаевна Шувалова, супруга и по совместительству коллега Трубецкого, была в отъезде. В прошлом сотрудник Санкт-Петербургского университета и специалист по средним векам, ныне она с увлечением занималась библейскими сюжетами. Через каких-то своих знакомых эмигрантов, которые уже давно и прочно обосновались на Земле Обетованной, она узнала о существовании собрания уникальных рукописей, которые не так давно были найдены в православном монастыре Святого Георгия, затерянном среди скалистых каньонов Иудейской пустыни на полпути из Иерусалима в Иерихон. Именно туда она и отправилась в надежде раскопать что-нибудь этакое. Трубецкой не возражал против ее поездки, но теперь, когда от нее уже несколько дней не было вестей, он был не на шутку встревожен, хотя и старался гнать зловерные мысли прочь.

Он взглянул на фотографию Анны, стоящую здесь же, на столе. Со снимка на него смотрела необыкновенно привлекательная женщина со смеющимися глазами и копной развевающихся на ветру волнистых каштановых волос. Сергей Михайлович в точности помнил тот день и место, где был сделан этот снимок — на набережной Невы, в редкий для Санкт-Петербурга солнечный осенний полдень. Мысль об Анне всколыхнула в его душе теплую волну воспоминаний, и он вдруг ощутил, как сильно по ней соскучился. В зрелом возрасте восторженных влюбленностей уже практически не бывает, и их чувство, возникшее из случайного знакомства в Санкт-Петербургском университете, прошло путь от обыкновенной взаимной симпатии до настоящей, искренней и глубокой любви. Это чувство было удивительным, совсем не похожим на то мимолетное влечение, которое Сергей Михайлович испытал однажды в молодости, когда любовь вспыхнула, как порох,

обожгла до самых корней и ушла, оставив лишь едва тлеющие искры воспоминаний о нескольких мгновениях счастья... С Анной все было как-то иначе, по-взрослому: меньше пылких слов и порывов страсти, зато значительно больше взаимопонимания и острого ощущения радости от того, что рядом с тобой любящий и нежный друг.

Сергей Михайлович снова ощутил растущее где-то в груди беспокойство. Он знал, что мобильная связь вблизи монастыря, где сейчас находилась Анна, практически не работала, но она все же умудрялась время от времени подать весточку, чтобы он не волновался. В последний раз Анна позвонила откуда-то несколько дней тому назад и, явно возбужденная, сообщила, хотя и без подробностей, о какой-то своей сенсационной находке, которую намеревалась исследовать, а после того звонка — пропала... Трубецкой попытался взять себя в руки. Он поставил фотографию на место и вернулся к размышлениям о работе. Ведь оказалось — и совершенно для него неожиданно, — что проблема перевода Библии, как Ветхого, так и Нового Завета с древних языков, на которых они были написаны, имела длинную и полную удивительных поворотов историю. И помог ему приоткрыть завесу над необыкновенными приключениями Библии старый знакомый Трубецкого — протоиерей Валентин Флоровский из Киевской духовной академии, в далеком прошлом — одноклассник Сергея Михайловича по киевской средней школе № 206. Несмотря на высокий сан, Валя и в рясе сохранил присущие ему с детства критичность и глубину ума, предпочитая не спорить с особо упрямыми фактами, а просто интерпретировать их по-своему. Однажды теплым осенним днем они встретились в кафе на Михайловской площади, и вот что Валентин рассказал Трубецкому.

— Прежде всего, Сергей, я хотел бы сказать, что проблема перевода Библии имеет совершенно различный контекст в истории христианства западного и восточного обрядов. Дело в том, что первоисточники как Ветхого, так и Нового Завета были написаны на древнееврейском, арамейском и греческом языках, причем до нас в наиболее полном виде дошли именно греческие списки. Восточная церковь, основу которой составляли греки, пользовалась как раз ими. А вот западная церковь для своей проповеди нуждалась в переводе на латынь. При этом потребность в едином и достоверном тексте латинской Библии, на котором западная церковь могла бы основывать свое учение, впервые возникла лишь примерно к концу IV века от Рождества Христова, хотя есть отдельные свидетельства и о более ранних попытках перевода на латынь. Именно к этому времени христианство уже в достаточной степени укоренилось как государственная религия Римской империи. Эта задача была поручена некоему монаху Иерониму Стридонскому, крупнейшему по тем временам знатоку Библии. Иероним прекрасно владел греческим языком, латынью и имел значительные познания в иврите. Он работал над переводом более двадцати лет. Иероним начал с Нового Завета и перевел его с греческого на латынь. Для работы же над Ветхим Заветом он использовал списки на греческом языке и иврите. Сделанный им перевод Библии и был положен позднее в основу нормативного латинского текста Библии, получившего впоследствии название Вульгата. Кстати, как раз к этому варианту Библии впервые была применена общепринятая ныне разбивка священных

текстов на главы и строки, так называемая конкорданция, что диктовалось нуждами христианской теологии. Самая ранняя из них была создана около 1244 года.

Так вот, почти двенадцать веков этот перевод Иеронима оставался вне канонического употребления верующими, поскольку переводов Библии на живые языки не существовало. Лишь в конце XVI века профессор Оксфорда, некто Джон Виклиф, сделал первые рукописные переводы Вульгаты на английский язык. Это был, без преувеличения, героический и, можно сказать, революционный поступок. Один из последователей Виклифа, чешский проповедник-реформатор Ян Гус, активно поддерживал его идею о том, что люди сами должны читать Библию на понятном им языке. За такие речи, а также за свободомыслие в 1415 году Яна Гуса сожгли на костре, цинично используя для растопки перевод Библии Виклифа.

Следует сказать, что в тот период Библия вообще была практически недосыгаема для широких масс католиков и оставалась привилегией лишь немногих избранных священнослужителей. Не говоря уже о светской публике, даже рядовые церковники не имели доступа к полным текстам Библии, а для еженедельных проповедей им в лучшем случае выдавались отдельные отрывки. Только в 1450 году Иоганн Гутенберг напечатал Библию на латинском языке сколько-нибудь заметным тиражом. Однако, невзирая на это, было издано постановление о том, что легально иметь Библию могут только дворяне и владельцы собственности, а проповедовать и обсуждать Библию публично разрешается исключительно священникам. Когда же английский богослов Уильям Тиндейл в 1525 году сделал новую попытку издания выполненного им английского варианта Библии, это вызвало бурю возмущения в ортодоксальных кругах духовенства, книга была запрещена, все ее экземпляры беспощадно уничтожены, а сам Тиндейл казнен.

Примерно в эти же годы переводом Библии на немецкий язык занимался Мартин Лютер. Его главным переводческим принципом был «приоритет смысла текста над буквальностью». Он считал, что в переводе должны найти отражение принципиальные богословские взгляды переводчика. В результате в своем переводе Лютер по собственному усмотрению изменил библейский канон: кое-что исключил из Ветхого Завета, кое-что, например «Послание к евреям» и «Послание Иакова», удалил из Нового Завета.

Все это неудивительно, так как еще в 1079 году Папа Григорий VII отказал в переводе Библии на живые языки, заявив: *«Тем, кто часто над этим размышляет, ясно, что не без причины Всевышнему Богу угодно, чтобы Священное Писание было в некоторых местах тайной, потому что, если бы оно было понятно всем людям, возможно, его бы не ценили и не уважали; или его могли бы неправильно истолковать необразованные люди, и это привело бы к ошибке».*

Так или иначе, но лишь Тридентский собор в 1546 году утвердил перевод монаха Иеронима, и он вошел во всеобщее употребление на Западе. Впервые Вульгата была издана в 1590 году при Папе Сиксте V под заглавием «*Biblia sacra vulgatae editionis*»; затем она сличалась и переиздавалась Григорием XIV, Климентом VIII и другими епископами Рима. В течение веков Вульгата служила источником всех переводов Библии на западноевропейские языки. Однако это не спасло утвержденный текст от недоразумений. Например, в известной библейской истории об исходе из Египта евреи, преследуемые воинами фараона, вовсе не перешли Красное море по дну, когда Моисей

проложил им дорогу своим посохом. Все оказалось гораздо прозаичнее, и на другой берег евреи перешли в месте, носящем название Горькие озера или Тростниковое море («ям суф» на иврите), которое и само по себе неглубокое, и переходили они его во время отлива. А остановил египетских солдат именно начавшийся прилив. Все дело в том, что в свое время Джон Виклиф правильно перевел на английский язык название Тростникового моря как «Sea of Reeds», но спустя три века Лютер перепутал это название с «Red Sea», что на английском означает Красное море. Его ошибка жива и по сей день, хотя я встречал сообщения в прессе, что в самых последних западных изданиях Ветхого Завета ее уже исправили. Кстати, хочешь верь, хочешь нет, но католическая церковь разрешила использовать в литургии национальные языки, а также рекомендовала выполнение новых библейских переводов с языков «оригинала» лишь в середине XX века.

Валентин сделал паузу.

— Я тебя еще не утомил всеми этими подробностями? — спросил он Трубецкого.

— Нет, что ты, это весьма неожиданно и очень интересно. Я так понимаю, что с латинянами все ясно. А как же ситуация обстояла среди православных христиан?

— А среди православных, то есть на востоке Европы, ситуация была совершенно иной. Еще в девятом столетии Библия была переведена на язык, понятный жителям Древней Руси. Перевели ее славянские первоучители и просветители Кирилл и Мефодий. Они использовали старославянский язык, являющийся не чем иным, как вариантом староболгарского языка, на котором разговаривали в их родной Солуни. Для списков они использовали кириллицу. Копии с кирилло-мефодиевского перевода постепенно распространились среди восточных славян, что способствовало развитию христианства на Руси. Однако к настоящему времени не сохранилось ни одного экземпляра какого-либо библейского текста с первоначальным переводом Кирилла и Мефодия. И это весьма прискорбно, поскольку нет сомнения, что их перевод оказал огромное влияние на все последующие.

Следует признать, что со временем в переписываемой от руки Библии накапливались как ошибки перевода, так и возникали пропуски, толкования и пояснительные вставки, замены некоторых слов русскими аналогами и тому подобное. Например, тебе, очевидно, будет интересно узнать, что именно в ошибке перевода кроется объяснение странной поговорки, которую Иисус якобы сказал своим ученикам: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное». Дело в том, что у греков наряду со словом *kamelos* («верблюд») имелось *kamilos* («канат, толстая веревка»). Вероятность подмены тем больше, что долгое «е» произносилось как «i», *kamelos* звучало как *kamilos*, и поэтому правильнее было бы сказать: «Легче канат протянуть через игольное ушко», а вовсе не верблюда...

— Подожди-ка! — воскликнул Сергей Михайлович. — Как я теперь понимаю, именно при переводе с греческого на старославянский и была сделана одна из самых удивительных ошибок в Новом Завете, когда в первой строке Евангелия от Иоанна греческое понятие «логос» было переведено как «слово», и появилась эта знаменитая фраза «В начале было Слово...». Хотя «логос» — это скорее «разум», или некая высшая сила, которая управляет миром, но никак не «слово».

— Хочу тебя успокоить, — ответил Валентин. — Если это и ошибка, в чем я лично не уверен, то она была сделана задолго до Кирилла и Мефодия, поскольку и в Вульгате, то

есть на латыни, и в последующих английских переводах «логос» тоже был интерпретирован как «слово». Так что это вопрос весьма и весьма дискуссионный.

Как бы то ни было, но время беспощадно, и на протяжении веков многие священные книги бесследно исчезли. Поэтому в середине XIV перевод Нового Завета на старославянский язык был выполнен заново. Некоторые книги переводились даже с текста на иврите. В XV веке архиепископ Геннадий поставил задачу собрать все книги Священного Писания в единую Библию на славянском языке. Он организовал поиск частей славянской Библии по монастырям и соборам, однако некоторые книги найти так и не удалось, и их перевел с латинской Вульгаты некто монах Вениамин. Экземпляр Геннадиевской Библии сохранился до наших дней. Ныне используемая православной церковью в богослужении в России и других славянских странах Библия отличается от текста Геннадия лишь мелкими, хотя и многочисленными исправлениями.

На протяжении столетий русский язык развивался и изменялся, но древний славянский перевод Библии в течение многих веков по-прежнему оставался в употреблении. Язык этой Библии стали называть церковнославянским и с появлением на Руси книгопечатания книги Священного Писания печатали именно на этом языке.

В 1564 году основатель типографского дела в России Иван Федоров впервые издал книгу «Апостол», в которую вошли писания Нового Завета — «Деяния апостолов» и «Послания апостолов». А в 1581 году впервые была напечатана полная церковнославянская Библия. В тексте ее, однако, сплошь и рядом встречались ошибки и неточности, которые в последующих изданиях старались исправлять.

По указу императрицы Елизаветы в 1751 году был издан обновленный вариант тщательно исправленной церковнославянской Библии, так называемая «Елизаветинская», текст которой был сверен с древним греческим переводом Ветхого Завета — Септуагинтой. Елизаветинскую Библию, почти без изменений, до сих пор использует Русская православная церковь.

Однако ясно, что читать и понимать текст этой Библии мог только тот, кто хорошо знал церковнославянский язык. На протяжении веков язык этот все больше и больше отличался от разговорного русского языка и становился все более непонятным массам верующих. Поэтому, уже начиная с XVI столетия, делались попытки перевести Библию на употреблявшийся в жизни русский язык.

На рубеже XVII—XVIII веков Новый Завет на русский переводил в Лифляндии пастор Эрнст Глюк — воспитатель Екатерины I, который был известен своими филологическими трудами. Но его первый переводческий опыт пропал в связи с событиями русско-шведской войны. Работа была продолжена Глюком в Москве по личному указанию Петра I. Однако и этот перевод был утерян после кончины пастора в 1705 году. Нельзя исключать, что перевод этот был похищен и уничтожен противниками распространения Священного Писания на понятном народу языке.

Дальнейшая история «русской» Библии связана с деятельностью Российского библейского общества, основанного в 1813 году. Его целью было печатание и распространение книг Священного Писания среди народов империи. Было даже решено продавать их по низкой цене или бесплатно раздавать неимущим. Уже через два года после этого император Александр I повелел «доставить россиянам способ читать Слово

Божие на природном своем российском языке». Вновь был поставлен вопрос о переводе и издании «русской» Библии.

Ответственность за эту работу взяло на себя Российское библейское общество, а перевод был поручен членам Петербургской духовной академии. В 1818 году первое издание четырех Евангелий параллельно на русском и церковнославянском языках вышло из печати, а несколько позднее впервые был полностью напечатан русский Новый Завет. Затем стали переводить и печатать книги Ветхого Завета. Одновременно делались переводы Священного Писания и на языки других народов Российской империи.

Однако не всем такое развитие событий пришлось по душе. Некоторые представители высших церковных властей отрицательно относились к деятельности Библейского общества. Они считали, что Библия должна находиться в руках духовенства и что не следует давать возможность народу читать и изучать ее самостоятельно. В 1824 году митрополит Серафим просит царя запретить Библейское общество, и через два года по указу императора Николая I деятельность общества была прекращена, хотя к этому времени типография Русского библейского общества уже успела напечатать около миллиона экземпляров книг Священного Писания на двадцати шести языках народов России.

— Постой, — перебил Валентина Трубецкой. — Так ты хочешь сказать, что почти до начала XIX века Библия была в России не чем иным, как книгой «для служебного пользования»? А когда ситуация начала исправляться, была сделана попытка все вернуть вспять и инициатором этой попытки была Церковь?

— Увы, это так, — ответил протоиерей. — Отцы Церкви тоже ошибались, чего греха таить. Впрочем, они действовали из лучших побуждений. Представь, если каждый, кто умеет читать, возьмет учебник по хирургии и по нему начнет делать операции, ничего ведь хорошего из этого не получится, так ведь? На такую же логику опирались и в случае с Библией — бытовало мнение, что понять Священное Писание могут лишь специально подготовленные люди. Но слушай дальше.

После запрета деятельности Общества работа над русским переводом Библии приостановилась. Лишь спустя тридцать два года надежды поборников издания «русской» Библии сбылись: император Александр II снова разрешил перевод и печатание Священного Писания на русском языке. Перевод должен был осуществляться под руководством синода — высшего управления православной церкви. Была проделана большая работа для того, чтобы русский перевод книг Священного Писания как можно точнее соответствовал текстам древних подлинников, а также обладал литературными достоинствами.

— Прости, что я снова тебя перебиваю, но из твоих слов следует, что все важнейшие решения о том, когда и какую Библию издавать и издавать ли вообще, во всей новейшей истории принимались не Церковью, а царями и императорами, то есть светской властью?

— Во всяком случае, в России начиная с XVIII века так и было. Разумеется, что в этом процессе Церковь принимала самое деятельное участие, но за монархами всегда было главное слово, они ведь не зря на Руси назывались самодержцами. Вспомни, например, как выглядели символы верховной власти в России — держава и скипетр, а ведь точно такие же символы художник Врубель, да и другие просветленные живописцы, изображали как знаки божественной власти в руках ангелов и пророков. Возьми хотя бы

фрески в киевской Кирилловской церкви и во многих других древнейших храмах... Это ведь не случайное совпадение, в церковном каноне просто так ничего не бывает.

— Так вот, — продолжил Валентин, — в 1862 году, сорок лет спустя после первого издания русского Нового Завета, было выпущено в свет его второе издание, несколько улучшенное, на более современном русском языке. Одновременно решено было заново тщательно подготовить перевод всех книг и Ветхого Завета. Для этого был избран специальный комитет при Петербургской духовной академии, который сделал попытку как можно более полно охватить все имеющиеся первоисточники. И, наконец, в 1876 году впервые вышла из печати полная русская Библия. Этот перевод Священного Писания получил название «синодального», так как он был издан под руководством синода. Произошло это почти три века спустя после появления первоначальной церковнославянской Библии.

Закончил свой рассказ Валентин Флоровский так:

— Как свидетельствуют некоторые источники, еще Августин Блаженный писал, что *«сам бы не верил в Евангелия, если б делать этого не велел авторитет Церкви»*. Ему также приписывают следующее признание: *«Если я в Библии встречаю ошибки, то я думаю, что это ошибки не сказавшего их Господа Бога, а ошибки переписчиков или переводчиков. Если я убеждаюсь, что здесь нет ошибок переписчика или переводчика, то я думаю, что это я сам чего-то здесь недопонимаю. А если я убеждаюсь, что здесь дело не в моем недопонимании, что ошибка очевидна, противоречие в самой Библии налицо, — то я думаю, что правильное понимание библейских ошибок мне откроет сам Господь Бог на том свете, если я после смерти попаду в рай. На этом и успокаиваюсь»*. Давай же и мы успокоимся на том, что истина все равно пробьет себе дорогу, ее не остановить, а ошибки для того и существуют, чтобы их исправлять и больше к ним не возвращаться.

«Все, на сегодня хватит», — решил про себя Сергей Михайлович, взъерошил курчавые волосы и стал собираться домой. Было еще не поздно, а от института, который располагался на Трехсвятительской улице, до их с Анной квартиры на перекрестке Андреевского спуска и Боричева тока пройти было недалеко и, учитывая нынешнюю погоду, одно удовольствие.

Был конец сентября. Деревья в большинстве своем еще хранили с трудом отвоеванную у жаркого лета зелень, хотя кое-где, особенно на каштанах, листва уже подернулась золотистыми оттенками осени. Киевские парки начали покрываться первыми опавшими листьями, но дворники их пока не трогали, давая возможность детворе нашуршаться вдоволь. Сергей Михайлович специально выбрал длинный кружной путь домой — через парк на Владимирской горке, где легко дышалось свежим днепровским воздухом, напоенным ароматом влажной осенней земли.

В таком лирическом настроении он прошел через Михайловскую площадь, по улице Десятинной, спустился вниз по Андреевскому спуску и прямо в дверях своего парадного столкнулся с почтовым посыльным, который работал тут уже лет десять и хорошо знал профессора Трубецкого. Сергею Михайловичу время от времени приходили всякие

странные пакеты, и волей-неволей местное почтовое отделение научилось отличать столь необычного клиента от остальной публики.

Эх, нет уже того старого Подола, который помнят коренные киевляне, а ведь когда-то, в те далекие времена, которые всегда почему-то кажутся добрыми, почтовый посыльный на Подоле был важной персоной, можно сказать, отцом родным! «Роза Годиевна! — бывало кричал он на всю округу. — Сынок ваш Мойша из Бобруйска прислал вам телеграмму. Так я лучше вам ее прочитаю, шоб не ходить через усю вулицу». И он читал, и вся улица потом обсуждала, почему это Мойша решил бросить учиться на тракториста, а пошел шить шляпы, как это делали его отец и дед. А ответ был прост: потому что тракторам на Подоле делать совершенно нечего, а вот шляпников там было хоть отбавляй!

Впрочем, и нынешний посыльный тоже был славным малым.

— Добрейший вам вечерок, Сергей Михайлович! — радостно поприветствовал он Трубецкого. — А промежду прочим вам тут как раз пакетик! С нашей общей исторической родины!

Он протянул Сергею Михайловичу большой коричневый конверт, облепленный почтовыми марками государства Израиль. Трубецкой узнал на конверте почерк Анны. Он был несколько взволнован и поэтому даже не ответил на шуточки посыльного, а просто рассеянно расписался в квитанции, взял пакет и поднялся к себе на второй этаж. Не успел Сергей Михайлович зайти в квартиру и снять плащ, как резко и как-то тревожно зазвонил телефон — старый добрый послевоенный аппарат из черного эбонитового пластика. Трубецкой снял трубку.

— Добрый вечер, Сергей Михайлович, — услышал он какой-то слащавый, с легким иностранным акцентом мужской голос. — Хорошо, что мы вас наконец-то застали дома.

— Добрый вечер, — ответил Трубецкой. — С кем имею честь?

— Это неважно. Важно, что ваша супруга у нас и все, что от вас требуется, — это вести себя хорошо.

У Трубецкого похолодело внутри. Он присел. В голове сразу возникли мысли о ближневосточных террористах, сомалийских пиратах и просто бандитах. Но что им было нужно?

— Простите, я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Анна у вас? А вы кто? Что значит — я должен «вести себя хорошо»? Что вам от нас нужно?

— Видите ли, ваша супруга оказалась чрезвычайно, я бы даже сказал, излишне любопытной и этим своим любопытством затронула большие интересы больших людей. Мы пока не знаем, что и кому она успела рассказать, но на всякий случай решили перестраховаться. Мы думаем, что вы — единственный, кому бы она доверила без оглядки то, что смогла узнать. Так вот, если к вам в руки попадет от нее какая-нибудь информация, имейте в виду: цена ее свободы — ваше молчание и сотрудничество. Мы вам еще позвоним.

В трубке раздались короткие гудки, прежде чем Трубецкой успел что-либо сказать в ответ.

Сергей Михайлович был совершенно обескуражен. Он даже забыл положить трубку на рычажки телефона и какое-то время сидел в прихожей с гудящим аппаратом в руках. Впрочем, через пару минут он очнулся, водрузил трубку на место и начал лихорадочно

соображать. Мысли по поводу звонков в милицию, службу безопасности и прочие силовые структуры он отбросил сразу ввиду очевидной бессмысленности этих действий. Трубецкой принялся было перебирать в голове знакомых на родине и за границей — но что он им скажет? Наконец его взгляд упал на большой, только что полученный коричневый пакет. «Это ведь от Анны! Вот тупица! Как же я сразу-то не додумался?» — мелькнула мысль. Он взял ножницы и, борясь с нахлынувшим волнением, по возможности аккуратно вскрыл пакет, достал содержимое, разложил его на столе и стал внимательно изучать.

Глава 5

Вере сей быть!

Солнечным весенним днем 325 года от Рождества Христова по горной дороге из Яффы в Ершалаим двигалась пышная процессия. Впереди шли воины с императорскими штандартами в руках, затем — конная охрана, за ней — длинная вереница повозок и колесниц, снова солдаты и, наконец, примкнувшие к охраняемой процессии путники. Где-то в середине процессии находилась та, ради которой все эти люди отправились в путь: мать императора Константина, царица Флавия Юлия Елена Августа. На подъезде к городу ее, теперь уже пожилую женщину, одолевали воспоминания. Легкое покачивание паланкина, размеренный ход процессии и запах розового масла, улаждающий ее на протяжении всего путешествия от самой Византии, способствовали умиротворению и созерцанию. Это была самая главная дорога в ее жизни. Но началась она совсем не в императорском дворце ее сына и вовсе не десять дней тому назад, как наверняка подумал бы неискушенный наблюдатель. Случилось это очень давно, в тот самый незабываемый день, когда она, тогда еще совсем молоденькая и необыкновенно красивая девушка, вдруг обнаружила себя буквально вмятой в постель ураганной энергией Констанция Хлора — римского полководца, остановившегося на постои в гостинице ее отца. Он овладел ею так, как это обычно делали римские солдаты — яростно, без колебаний и пощады. Их случайная встреча могла бы закончиться лишь еще одной исковерканной женской судьбой, однако Констанций Хлор оказался удивительно честным и благородным человеком, и это отличало его не только в отношениях с женщинами. И хотя он несколько опасался обнаружения своей тайной связи с дочерью простого содержателя гостиницы, позже она все же стала его законной женой. У них родился сын Гай Флавий Валерий Константин, и они счастливо прожили вместе одиннадцать лет, пока воля императора Диоклетиана, одного из могущественных соправителей империи, не разлучила их.

В те годы огромная Римская империя фактически уже была разделена на Западную и Восточную, где правили самостоятельные императоры, имевшие к тому же соправителей. Благодаря своим талантам полководца со временем Констанций Хлор стал сначала цезарем, а затем и соправителем Западной части империи после оставившего царство императора Максимиана Геркула. Однако власть досталась ему дорогой ценой: Диоклетиан вынудил Констанция Хлора развестись с Еленой и жениться на Феодоре — падчерице Максимиана. Тогда же Диоклетиан распорядился взять их маленького сына Константина на воспитание к императорскому двору, куда вход простолюдинкам был

заказан. Стремление к власти в очередной раз взяло вверх над чувствами, и Констанций Хлор согласился с требованиями императора.

Елена, сосланная после развода в Вифинию, была обречена на одиночество, которое продолжалось не год и не десять, а несколько десятков лет. Женщина, вкусившая любви и счастья материнства, переносила одиночество очень тяжело, хотя духовно она всегда была рядом со своим сыном. Он стал для Елены не просто самым родным существом, но тем единственным, ради кого она жила и готова была сделать все, чтобы положить весь мир к его ногам.

Тем временем будущий император Константин Великий вырос и возмужал. Он стал, как и его отец, полководцем и шаг за шагом шел к власти, совершенствуя свои воинские навыки в боях. В 306 году после смерти отца он был провозглашен войсками императором Галлии и Британии, а в 312 году после нескольких успешных военных кампаний Константин стал полновластным правителем Западной части Римской империи. То, что произошло дальше, историки обычно описывают, исходя из внешней, видимой стороны событий. В 313 году он издает Миланский эдикт, признавший христианство равноправной религией Западной части Римского государства. Через десять лет, после новой серии военных побед, Константин воцаряется как единственный правитель всей империи и распространяет действие Миланского эдикта на всю территорию страны. Тогда же он принимает решение перенести столицу империи в город Византию, названный позже Константинополем.

Лишь немногие теперь знают, что ничего этого могло бы и не быть, если бы не удивительный случай, происшедший с Еленой, ныне почитаемой августой, то есть царицей, а тогда почти забытой и покинутой бывшей конкубиной — наложницей и женой Констанция Хлора...

Случилось так, что однажды тяжкая болезнь захватила Елену в свои смертельные объятия. Ни доступные тогда в Вифинии снадобья, ни щедрые жертвоприношения римским богам не приносили облегчения. В горячечном бреде только об одном помнила Елена — о сыне, будущее которого всецело зависело от воли соправителей империи, славившихся своей жестокостью. Особенно этим был знаменит император Диоклетиан, огнем и кровью преследовавший всякое инакомыслие. Так, он приказал с пристрастием искоренять повсюду секту христиан, верующих в единого Бога, и Его Сына Иисуса, который приходил на землю, был распят и воскрес. Елене, тогда еще не очень образованной женщине, поначалу не было до этого особого дела. Но вот однажды ей во сне привиделось, будто разговаривает она с самим солнцем, таким ярким, что его пронзительно-белый, а не желтый цвет или, как иногда бывает, красный, заполнял собою весь окружающий мир. Оно было близко, огромное и слепящее светило, и женщина каким-то чудесным образом поняла, что это солнце как раз и есть тот самый христианский Бог, с которым воевал Диоклетиан. И сам Бог сказал ей:

— Вскорости ты окрепнешь, а затем отправишься в Трапезунт, на самую восточную окраину Малой Азии, где среди неприступных скал в Черных горах надежно спрятан от посторонних глаз монастырь Сумела. Основали его святые люди, что несли светоч новой веры из Палестины через Сирию и Малую Азию на Кавказ и в Причерноморье. Там тебе

надлежит постигнуть мудрость и глубину учения о едином Боге, всемилостивом и вселюбящем, там в свое время ты узнаешь и о своем предназначении...

Все случилось так, как и было предначертано в том удивительном сне. Елена чудесным образом выздоровела и, едва набравшись сил, не мешкая пустилась в путь. Морем из Византии в Трапезунт, а далее — с попутным караваном; преодолевая страх, опасности, жару и холод, все тяжести пути, она достигла Черной горы, на отвесном склоне которой на головокружительной высоте был основан приют для христианских паломников и проповедников. Именно там, среди суровой, но сказочно красивой природы, в окружении монахов из Сирии и Греции, провела Елена несколько месяцев, постигая основы нового учения. Именно там узнала она об истории Иисуса Христа и признала в нем Спасителя и Бога для себя и своего сына...

Ибо само это место внушало благоговейный трепет каждому проходящему мимо путнику. Знающие люди говорили, что когда-то святые апостолы Иуда Леввей и Нафанаил с учениками шли узкой караванной тропой мимо Черной горы, скрываясь от местных варварских племен, и силы почти покинули их. И тогда взмолились они и стали просить Отца Небесного, чтобы он дал им приют и спасение. И разверзлись небеса, и началась страшная гроза, и перст Всевышнего в виде молнии ударил в гору и отколол часть скалы на неприступном обрыве, куда вела лишь узкая, едва различимая тропа. Там и спрятались путники от преследователей и непогоды. А позже в это святое место пришли монахи из Сирии и построили первый скит.

В ожидании новой встречи со Спасителем день и ночь молилась Елена, чтобы над ее сыном и всей его империей воссияла благодать Божья. И вот однажды, взойдя под падающие с небесной высоты капли источника желаний, у которого служили Господу сумельские монахи, вдруг снова услышала Елена голос, будто исходящий из самих недр черной монастырской скалы.

«Лишь сильная вера и Церковь Христова, которая станет основой для духовного единения народов империи, поможет твоему сыну сохранить и укрепить государство, — звучал внутри и вокруг нее божественный голос. — И через это единение свершится предначертанное Отцом Моим, и придет Царствие Божие на земле, как на небесах... Раскол в душах есть истинная причина бесконечной вражды между царями земными и их наследниками. Иди домой, в Византию, и передай сыну мои слова как самый драгоценный дар». Затем голос стих, и сразу несколько капель воды из источника желаний упали на ее чело одна за другой. И тогда возблагодарила Елена Всевышнего за то, что он услышал ее молитвы и укрепил в вере... Она благополучно вернулась в Византию и передала сыну благословение самого Бога. Так родился Миланский эдикт, так возник план о провозглашении христианства единой государственной религией Римской империи.

— Просто собрать всех епископов и объявить им о твоём решении недостаточно, — Елена говорила мягко, стараясь не задеть честолюбие Константина, но при этом все же убедить его в своей правоте. — Истинно, что христианские общины пребывают теперь в радости после дарования им свободы открыто отправлять свои обряды. Но нет особой славы в том,

чтобы сделать друзьями немногочисленных единомышленников; думать следует о привлечении на свою сторону тех многих, которые еще во тьме язычества пребывают.

Константин сидел в своем императорском кресле и задумчиво теребил рукою складки хитона. Он с детства привык слушать свою мудрую мать, а после ее поездки в Малую Азию она стала ближайшим его советником.

— Разве им мало, что я открыто, на всю империю огласил свободу и равенство всех вероисповеданий? Я же не могу вот так, в один момент оставить римских богов — меня не поймут ни народ, ни армия. Да и сенат восстанет.

— Этого и не требуется. Но учти, что среди христианских общин раскол, им нужна твоя поддержка и твердая рука. Ведь что происходит сейчас? Восток и Запад враждуют из-за основных догматов веры. В Александрии два епископа на весь мир спорят о божественной сущности Христа, порождая сомнения в душах колеблющихся. На месте Ершалаима — римский лагерь, застроенный языческими храмами. Нет единого, признанного всеми общинами свода христианских книг и законов. Епископы все еще разъединены, Церковь не имеет единого устройства — до сих пор не определены главные церковные правила. Нет даже согласия по вопросу, когда празднуется Пасха — самый большой праздник христиан! Для тех твоих подданных, которые уже уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, никаких новых доказательств его божественности не требуется, но для того чтобы обратить в нашу веру язычников, надо найти и предоставить им свидетельства земной жизни христианского Бога, тех чудес, которые он совершил. Необходимо построить места для поклонения и молитв, а самое главное — на смену языческим богам, воплощенным в дереве и камне, повсеместно должен прийти новый, единый, живой Бог, наделенный Святым Духом и непостижимый в своей Высшей Сущности, которая найдет отражение в священных книгах и обрядах.

— Но как сделать все это, ведь прошло почти триста лет со времен Иисуса Христа? Диоклетиан приказал уничтожить все рукописи и свитки христиан, огромное число их проповедников — среди них самые преданные и знающие — сидят в тюрьмах или сосланы на каторгу.

— Освободи их, прикажи собрать лучших из лучших, дабы восстановить книги. Предложи христианским епископам союз, сделай их своими единомышленниками. *Через меч ты осуществляешь власть над физическим существованием людей, а через веру в единого Бога и Его Церковь ты будешь владеть их душами.* Без этого единство империи, к которому ты стремишься, останется несбыточной мечтой.

— Хорошо, — вдруг с решимостью в голосе сказал Константин, — я принимаю твой план. Езжай в Ершалаим и сделай все, что нужно. А я тем временем соберу всех христианских епископов в Никее. Настало время положить конец разногласиям и дать народам империи новую надежду! Решено, вере сей — быть!

По прибытии в Ершалаим царица Елена без промедления взялась за выполнение намеченного плана. Она вовсе не случайно остановилась в доме у ершалаимского епископа Макария, который был знаменит нетерпимостью к языческим культам. Он видел своей прямой целью искоренить сам дух язычества и давно мечтал об уничтожении всех

языческих храмов в городе. Первой жертвой должен был стать храм Венеры. Мало того, что это совершенно неуместное языческое капище находилось в самом сердце Ершалаима, так оно еще было построено на месте еврейского кладбища, о котором говорили, что как раз там и был похоронен Христос. Опираясь на поддержку царицы, храм Венеры снесли в течение считанных дней, и под ним рабочие Макария действительно обнаружили несколько гробниц в виде вырубленных в скале склепов с закрывавшимися каменными плитами входами. Одна из плит имела округлую форму и откатывалась при необходимости войти внутрь. Именно она и была тотчас же объявлена Макарием гробницею Иисуса, поскольку, как утверждал епископ, ее устройство соответствовало тому месту, что было описано святыми апостолами. Присутствовавший при раскопках историк Церкви епископ Евсевий Кесарийский пробовал было оспорить утверждение Макария, указывая на Елеонскую гору и пещеру неподалеку от этой горы как на почитаемые христианами места и призывая тщательно все исследовать. Но ершалаимский епископ, будучи твердым и непреклонным, поспешил обрадовать великолепной находкой самого императора. Тот, довольный хорошими новостями, тотчас приказал построить на месте языческого капища Храм Гроба Господнего. Позднее Евсевий все же пробовал переубедить Константина не спешить с освящением Храма ввиду недоказанности связи этого места со Спасителем, но тщетно.

Тем временем поиски святых реликвий продолжались. Вскоре среди христианского населения Ершалаима и за пределами города прокатились вести одна радостней другой. Говорили, что неподалеку от гробницы по предвидению царицы Елены была найдена заброшенная каменоломня, а в ней — три креста, из которых один оказался животворящим: возложенный на него покойник ожил. Там же обнаружили заботливо сбереженные кем-то гвозди, которыми был прибит распятый Спаситель, а также табличка, которую по приказу палачей прибили над его головой. Количество найденных реликвий множилось день ото дня, и происходящее воспринималось христианской общиной Ершалаима как настоящее чудо. На базарах и площадях шептались, что на царицу Елену, очевидно, снизошло особое благословение Господне, раз ей удалось обнаружить так много святых реликвий, и все население города начало приветствовать ее как святую. При ее содействии были заложены и другие церкви, в числе которых храм на Елеонской горе, где, как было объявлено, находилось место вознесения Иисуса Христа, и в Бейт Лехеме, на месте его рождения.

Новости из Ершалаима доходили до Византии и наполняли радостью и новой верой все земли между Иудеей и столицей империи. Повсеместно стали говорить также об исторической военной победе армии Константина над многократно превосходившей его армией Максенция у Мульвиева моста, которая случилась еще в 312 году. Эту легенду шепотом передавали из уст в уста, дивясь могуществу христианского Бога. На базарах и площадях знающие люди рассказывали, что якобы накануне той битвы наблюдалось явление в небе крестного знамения, посланного самим Господом. Особый крест «лабарум» и надпись «Сим победишь», пылавшие на небосклоне, предсказали тогда победу Константину. Воины Константина нанесли сей крест на свои щиты и бесстрашно пошли в бой. Говорили, что именно в благодарность за ту победу и издал Константин Миланский эдикт. В результате всех этих усилий число христиан множилось, что не могло не радовать императора. Ему оставалось лишь заключить государственный пакт с

епископами, искоренить ересь и установить правила будущей вселенской христианской Церкви. Именно этим он и был занят поздней весной и летом 325 года от Рождества Христова.

Глава 6 **Пакет из Святой земли**

Сергей Михайлович Трубецкой пристально всматривался в разложенные на столе бумаги. Сейчас в них таился не только научный смысл, но и свобода, а может, и жизнь его супруги Анны Шуваловой. Из-за волнения он никак не мог сосредоточиться и ему лишь с большим трудом удалось взять себя в руки. Несколько из присланных Анной листков представляли собой фотокопии какого-то манускрипта — коптского, судя по алфавиту, а также записки, сделанные на выданных из блокнота листках. Тут уж ошибки быть не могло — почерк был самый что ни на есть Анин. То есть никакой.

«Ей бы врачом работать с таким почерком, — бурчал про себя Трубецкой, — это было бы в самый раз. Ну где это видано, чтобы писать как курица лапой: ничего понять невозможно». Он взял лупу и стал рассматривать как копии страниц манускрипта, так и иероглифы Шуваловой буквально буква за буквой. Наконец закорючки, из которых состоял текст записок, начали складываться в слова, слова — в предложения, а те — в текст, так что становилось понятным следующее.

В средние века, то ли уже в XV, то ли еще в XIV столетии, предположительно среди обломков потерпевшего крушение у берегов северной Африки или где-то в Средиземноморье британского судна был найден некий деревянный ларец. В нем находился тщательно запечатанный сургучной печатью стеклянный сосуд с древним коптским манускриптом внутри, являющийся, как теперь стало ясно, более поздней копией оригинала, датированного чуть ли не IV—V веком нашей эры. Много лет он хранился нетронутым в монастыре Святого Георгия на Святой земле. Как он туда попал и когда — одному Богу известно, но можно предположить, что в монастырь его завезли кочующие арабские племена. И вот теперь Анна Николаевна с помощью местных монастырских специалистов умудрилась частично прочесть его. Написанное там было настолько ошеломляющим, что Анна спешила поделиться своим открытием с Трубецким. С этой целью она сняла копии с сохранившейся части манускрипта и тоже приложила к письму, чтобы Сергей Михайлович, а он все-таки профессор-лингвист, проверил и по возможности дополнил сделанный ими в монастыре перевод. «Легко сказать, — подумал Трубецкой. — Где это я в Киеве найду им специалиста по коптским рукописям?» И стал читать дальше.

Неизвестный коптский автор утверждал, что римский префект Иудеи и Самарии Гай Понтий по прозвищу Пилат вовсе не казнил Иисуса Христа, а спас его и отпустил, благодаря чему новая вера быстро распространилась далеко за пределами Земли Обетованной. Утверждалось также, что сделал он это потому, что сам уверовал в Иисуса Христа и в Новый Завет с Всевышним, который тот принес в мир.

Дальше — больше.

В манускрипте говорилось, что вместо возрождения и развития истинной, первоначальной концепции христианства, в основе которой лежали идеалы всеобщей

любви, высокой духовности и самопожертвования, император Константин и его мать царица Елена способствовали становлению выгодной им веры, которая опиралась на императорскую волю и власть. Якобы именно с этой целью и был созван Никейский собор, на котором были утверждены основные догматы христианства, включая символ веры, церковные правила и композиция писаний Нового Завета. Это благодаря им в христианстве появилась неведомая доселе традиция, связанная с поклонением разнообразным реликвиям, возникновением мест особой святости типа Гроба Господня и повсеместным строительством молельных домов и храмов. Тем самым Константин и Елена сознательно создали систему взаимоотношений, которая предусматривала теснейший союз Церкви и государства с целью сохранения и приумножения как императорской власти, так и самой империи. В этой конструкции не было места инакомыслию, да и какому бы то ни было «мыслию» вообще. Все вольнодумцы типа александрийского пресвитера Ария были объявлены еретиками и изгнаны за рамки создаваемой государственной христианской Церкви. При этом сам Константин принял крещение лишь на смертном одре, оставаясь до конца своих дней язычником.

Трубецкой от волнения даже вспотел, хотя в квартире было не жарко. Утверждения автора манускрипта просто не укладывались в голове.

Заканчивались записки Анны Шуваловой весьма странным предложением: если с ней что-то случится, ему следует немедленно все бросить и ехать в Рим, где в библиотеке Ватикана хранились свидетельства участников Никейского собора, таких, как Евсевий Кесарийский, Евстафий Антиохийский, Афанасий Великий, Папа Юлий, Люцифер Калабрийский и другие. А вот что с ними делать, с этими свидетельствами, про это в записках Шуваловой не было ни слова. Пропуск в библиотеку Ватикана «на предьявителя» был тут же. При этом, как успел заметить опытный Трубецкой, а он не в первый раз посещал означенную библиотеку, пропуск был высокого уровня и позволял пройти в такие отделы хранилища, куда имели доступ лишь наиболее доверенные и удобные Святому престолу исследователи. Такой возможностью было грех не воспользоваться в любом случае, а тут речь шла о судьбе Анны! Поэтому само собой разумелось, что Трубецкой должен был лететь в Рим без промедления. Но перед этим все же следовало проверить правильность перевода коптского манускрипта, как и просила Анна. Это означало, что дорога в Рим лежала через Лондон, где в Британском музее работали лучшие специалисты по древнему Египту.

Туманный Альбион был, как ему и положено, покрыт густой молочно-белой пеленой. «Абсолютная ясность — это одна из форм полного тумана», — всплыла в голове Трубецкого цитата из известного фильма, пока он добирался на метро из аэропорта Хитроу в центр Лондона (меньше часа — и вы на Пикадилли!). «Совершенно не удивительно, что именно тут появились на свет и Шерлок Холмс, и героини Агаты Кристи, и даже Джеймс Бонд. Город идеально подходит для слежки и тайных операций», — так размышлял он в мерно покачивающемся вагоне поезда, не переставая удивляться лондонской погоде. Целью его путешествия был Британский музей, где с помощью специально обученных машин можно было перевести тексты практически с какого угодно

на какой угодно язык. При этом Сергей Михайлович был настолько поглощен своими мыслями, что едва ли обратил внимание на неприметного типа в шляпе, светлом плаще и с зонтиком, который следовал за ним от самого аэропорта и теперь сопровождал его в этом же вагоне, незаметно пристроившись в кресле на несколько рядов позади Трубецкого.

Сергей Михайлович вышел из метро на станции «Тоттенхем корт роад» и немного прогулялся пешком. В музее его ждали. Британский коллега, с которым они когда-то вместе разыскивали следы Андрея Первозванного в Шотландии, помог оформить необходимые документы, и уже через несколько часов Сергей Михайлович держал в руках приблизительный перевод коптской рукописи.

В общем и целом, если переложить мудреные фразы древнего автора на современный язык, версия, изложенная в торопливых записках Анны, оказалась весьма близкой к истине. Но оригинальный текст содержал еще кое-какие подробности. Например, в самом его начале говорилось, что коптскую церковь основал сам евангелист Марк, который, спасаясь от преследования римлян, бежал из Ершалаима в Египет около 47 года от Рождества Христова. При этом утверждалось, что Марк этот был римским гражданином, который лично видел Спасителя и тогда же уверовал в Иисуса Христа — Сына Божьего. И что именно поэтому копты следуют традициям первохристиан: веруют в единственную божественную сущность Иисуса, не приемлют распятие, их иконопись имеет скорее символическое, чем художественное значение (в этом Трубецкой смог убедиться по хранящимся в музее коптским фрескам — фигуры людей изображены плоскими, пропорции не соблюдены, детали не прописаны, как на рисунках детей). Именно в контексте отхода от «старых» традиций в манускрипте подвергалась критике византийская модель христианства, сформулированная царицей Еленой и ее сыном императором Константином. Довольно длинный пассаж был также посвящен традициям монашества и аскетизма, которые впервые появились именно в коптских общинах и лишь спустя несколько веков повсеместно распространились у византийцев.

Но самым любопытным для Сергея Михайловича было краткое повествование о том периоде земной жизни Спасителя, который обойден молчанием в Новом Завете — с двенадцати до тридцати лет. Так вот, его автор утверждал, что годы эти Иисус провел в Египте, в одном из храмов Александрии, где изучал премудрости египетских жрецов. Якобы там Иисус, в его земной ипостаси, готовился к будущему служению, формируя свое понятное для людей учение с учетом иудейской и египетской религиозных традиций. И хотя появление подобной версии именно в коптском документе было вполне объяснимо, для Трубецкого она оказалась крайне неожиданной.

На этом манускрипт обрывался.

Сергей Михайлович перевел дух. Он сидел один в прохладном читальном зале библиотеки Британского музея и размышлял. Все это выглядело просто невероятно, хотя опыт исследователя подсказывал ему, что история — это такая наука, в которой возможно все. И только оригиналы документов, происхождение и возраст которых не вызывали бы сомнений, помогли бы разрешить одну из самых больших загадок в истории человечества

— тайну рождения, жизни, смерти и воскрешения Иисуса Христа. Как прокомментировал прочитанное британский коллега Трубецкого, лучше всего было бы иметь в наличии фотографию Иисуса с личным автографом, а также его свидетельство о рождении, заверенное царем Иродом. А уж биография, написанная собственноручно, разрешила бы все сомнения. При отсутствии оных автор любого манускрипта, будь то древняя коптская рукопись или современный американский роман, волен был давать свою интерпретацию событий I века нашей эры, ничем не сдерживая свою фантазию.

Сергей Михайлович распрощался со своим британским коллегой и решил, что пришло самое время пить «Гиннес». Будучи всецело погружен в размышления о том, что ему удалось узнать, он с любимым кожаным портфелем в руках направился к выходу из музея. Однако прямо в дверях он вдруг лоб в лоб столкнулся с человеком в шляпе, светлом плаще и с зонтиком. Да так столкнулся, что тот от неожиданности потерял равновесие и едва не упал, а Трубецкой выронил портфель с документами.

— Прошу прощения, — забормотал по-английски человек в плаще, снова принимая вертикальное положение и отряхиваясь, — я вовсе не имел намерений вас потревожить...

— Натан?! — вдруг воскликнул Сергей Михайлович, помогая тому подняться и одновременно подбирая с пола свой портфель. — Ты откуда здесь взялся?

Человек в плаще изобразил показное удивление, затем радость и воскликнул, уже по-русски:

— Сергей, какая неожиданность! Какая встреча!

Встреча действительно была на редкость неожиданной. Человека в плаще звали Натан Ковальский и когда-то он был коллегой Трубецкого по институту. Они довольно долгое время работали вместе, однако в период брежневского застоя оказалось, что специализация Натана по истории древнего христианства больше никому не нужна. После очередного предупреждения дирекции о том, что его тема будет закрыта, Ковальский просто эмигрировал на Запад. Причем сделал он это наиболее удручающим, как все тогда считали, способом — поехал на конференцию в Лондон и не вернулся. Ковальский был заклеен позором лидерами партийной ячейки института, и с тех пор его работы, а он, надо признать, был талантливым ученым, были тщательно стерты из институтской памяти. Между тем Трубецкой никогда не находил в таком поступке Натана ничего странного. Ковальский всегда был знаменит тем, что долгое время значился в списке «невъездных». На стене его кабинета висела карта мира, где флажками им были отмечены страны, в которые его при советской власти не выпускали. Надо сказать, что число флажков увеличивалось чуть ли не ежемесячно. Не мудрено поэтому, что, когда он наконец вырвался в Великобританию на какой-то международный симпозиум, воздух свободы вскружил ему голову. Натан остался на Западе, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. И вот такая встреча!

После бурного обмена приветствиями эмоции были взяты под контроль, однако стало понятно, что «Гиннес» они будут пить вместе. И не где-нибудь, а в Сити, на Флит-стрит, в известной каждому жителю британской столицы классической английской пивной, которая была открыта в бывшем здании какого-то банка.

За пивом они разговорились. Как оказалось, судьба была к Натану Ковальскому милостива. Он работал по специальности в одном из местных университетов, названия которого Трубецкой не запомнил, и продолжал копаться в подробностях земной жизни

Иисуса Христа. Сергей Михайлович внутренне обрадовался удаче — ведь эта тема сейчас крайне интересовала и его. Однако когда Натан как бы невзначай спросил, что именно привело Трубецкого в Лондон, он все же решил быть осторожным и не стал рассказывать о коптском манускрипте. Сергей Михайлович лишь упомянул, что ему тоже в последнее время пришлось столкнуться с некоторыми аспектами событий двухтысячелетней давности, происшедших в Иудее, и задал Ковальскому всего два «простых» вопроса: правда ли с исторической точки зрения то, что описано в канонических евангелиях, и где пребывал Иисус между двенадцатью и тридцатью годами его жизни? Уж не в Египте ли?

В ответ Ковальского как прорвало. Он произнес длинную и весьма эмоциональную речь, в которой привел аргументы как «за», так и «против» версии о египетском периоде жизни Христа. Он не отрицал, что христианство очень много заимствовало из египетской мифологии, например, поклонение кресту, идею о Божественной Троице, о погибающем и вновь воскресающем Боге, о Святом Духе, о Страшном суде для грешников. Однако, по его словам, до сих пор оставалось загадкой, когда это произошло — еще при жизни Спасителя или значительно позже. Что касается Святого Писания, то, по мнению Натана, в действительности все было так или почти так, как утверждали евангелисты, но при этом он вынужден был признать, что описанные в Новом Завете события допускают неоднозначную интерпретацию.

— Подожди, подожди, — перебил его Трубецкой, после такой речи попытавшийся собраться с мыслями. — Не хочешь ли ты сказать, что внешне все происходило именно так, как описано в Святом Писании, но мотивация поступков основных действующих лиц была совершенно иной, нежели та, что им традиционно приписывается?

— Именно, — кивнул Натан, — ведь в истории такое случается сплошь и рядом, когда желаемое выдают за действительное. Ну, подумай сам. В Иудее правят двое: могущественный — даже при римском наместнике — царь Ирод Агриппа и всемогущий — как при Ироде, так и при римлянах — первосвященник Иосиф Каифа из влиятельного клана Ханана бар Шета. Этот клан десятилетиями контролировал духовную жизнь народа — как до, так и после Каифы. И вдруг все они смертельно испугались какого-то бродячего философа, который пришел в Иерусалим из Галилеи и стал всем рассказывать, что он — Сын Божий, а группа каких-то перепуганных мужчин и сомнительного поведения женщин принялась утверждать, что он совершал чудеса, исцелял и тому подобное, и все им поверили? Неужели ты считаешь это реальным? Да мало ли магов там бродило, особенно накануне Пасхи, а уж пророков у иудеев было — просто не сосчитать. Только в Талмуде их упомянуто больше тридцати! Так нет же, вдруг все разом взялись, подключили к этому толпу, чтобы та требовала его смерти, да не простой, а публичной, распятия, да еще с благословения римской власти. Если бы Ирод с Каифой хотели избавиться от Иисуса, то просто бы зарезали его или удавили тихонько, и никто никогда ничего бы о нем не узнал. Для чего нужна была вся эта демонстративная церемония сначала с судом синедриона, затем римского префекта, дорогой на Голгофу, казнь и всем прочим? Я долго над этим размышлял... Так вот, я пришел к выводу, пусть и парадоксальному, что они сознательно стремились к публичности, это было их целью — сделать из Иисуса мученика и страдальца, но сделать обязательно руками Рима!

Я так полагаю, что Каифа задумал достичь сразу две цели. Во-первых, ему важно было добиться публичной казни Иисуса римской властью, чтобы принародно наказать

вольнодумца, которого он считал лжемессией, и тем самым раз и навсегда отбить у соплеменников охоту проповедовать что-либо противное учению иудейских пророков. С другой стороны, такая казнь должна была одновременно способствовать возникновению в среде последователей Иешуа нового культа, сконцентрированного вокруг фигуры распятого мученика. А поскольку тот был распят Римом, то и весь негатив со стороны последователей Иисуса должен был быть направлен на римскую власть. Этот культ, в случае его развития и распространения, а этому процессу Каифа готов был даже поспособствовать, мог бы, как вирус, заразить языческую, бездуховную и безжалостную, Римскую империю, полную противоречий и разногласий между населяющими ее народами. Каифа не верил, что Римскую империю можно погубить силой, а вот на духовном уровне ее сломить можно было!

Понимаешь, *любая империя, которая не в состоянии сформулировать некую духовную объединяющую концепцию для образующих ее народов, неминуемо обречена на гибель.* Только на штыках и насилии не то что государство — вообще ничего построить невозможно. До императора Константина Римская империя так и не смогла предложить покоренным народам объединяющую идею, а вот, к примеру, Византийская вошла в историю как редкий долгожитель. И все почему? Можно называть различные причины, но, на мой взгляд, решающим фактором стало то, что она подарила миру христианство в его нынешнем виде как единую, объединяющую всех религию! Впрочем, я отвлекся: вернемся назад, к плану Каифы. Он был уверен, что во всей этой истории иудеям с их Храмом, талмудом и мощной монотеистической традицией ничего не угрожало. Каифа просто боролся с захватчиками доступными ему методами на духовном, так сказать, уровне. И смотри, что в конце концов вышло: христианство стало-таки государственной религией Римской империи, пусть и не сразу, пусть через триста лет после распятия Иисуса, а за этим последовал ее раскол. Другое дело, что со временем обломки империи, приняв новую веру, стали даже крепче ее самой, но ведь прежняя империя исчезла! Я думаю, что Каифа именно к этому и стремился, хотя, конечно, он не мог знать, сколько времени займет реализация его плана. Вот так.

— Подожди, но ты же сам только что сказал, что клан бар Шета, к которому принадлежал и Каифа, был у власти десятки лет. Вряд ли это было бы возможно без сотрудничества с римской властью, от которой, как ты теперь утверждаешь, они хотели избавиться.

— Конечно же, они сотрудничали и с Валерием Гратом, и с Пилатом, и за это их очень не любили в народе. Однако даже они не могли смириться с таким, например, унижением, как то, что торжественное одеяние первосвященников хранилось не в Храме, а у римлян и выдавалось только на период праздников... Конфликты происходили постоянно, иначе сложно объяснить, почему Грат менял первосвященников одного за другим. Атмосфера в Иудее была такой себе гремучей смесью сотрудничества и ненависти.

И тут Сергей Михайлович потерял осторожность. То ли крепкое пиво сыграло с ним злую шутку, то ли заговорил его Натан, но Трубецкой вдруг с загадочным видом произнес:

— Я тут по случаю ознакомился с одной версией, довольно, с моей точки зрения, странной, и хотел бы услышать твое мнение. А версия такая: Пилат не распял Иисуса, а

как раз наоборот, спас, и тот потом проповедовал в разных странах, вплоть до Индии, и там якобы умер.

Натан, выслушав вопрос, сначала несколько насторожился, но потом понимающе кивнул.

— Да, я слышал об этом. Хочешь — верь, хочешь — нет, но лично я считаю, что эта версия имеет право на существование, — несколько неожиданно для Трубецкого сказал он. — Не знаю, как там насчет Индии, но для меня самым удивительным является именно то, что план Каифы осуществился не благодаря, а вопреки воле первосвященника, — ведь Пилат его раскусил! Он довольно быстро понял, что бродячий философ Иешуа из Назарета, которого привели на суд римского наместника, не представляет никакой другой угрозы, кроме той, что публичная злая смерть сделает его легендой, символом. А вокруг такой легенды может возникнуть все, что угодно — культ, волнения в народе, даже восстание нельзя исключить. И он решил помешать Каифе. Он спас Иисуса от распятия, подсунув первосвященнику в качестве жертвы разбойника Вараввана, которого совсем не жалко было и казнить, поскольку тот был известным душегубом. Однако Каифа через своих людей уже успел распространить в народе слухи о казни именно Иисуса, и подмена не достигла желаемой цели. В сознании людей, наблюдавших за казнью, на кресте был именно тот, о ком говорили им люди Каифы — Иешуа из Назарета.

— А что, Каифа был так глуп или настолько наивен, что не смог отличить Вараввана от Иисуса?

— Да нет, я думаю, что Каифа просто никогда Вараввана не видел, ведь синедрион уголовщиной не занимался. А спутать двух побитых, замордованных, одетых в рубища заключенных, да еще на расстоянии, с которого Каифа наблюдал за казнью, не мудрено.

— Ну и что же, по твоему, случилось дальше? Пока у меня от твоих версий голова кругом идет — ты меня совершенно запутал.

— У меня у самого идет... Да, так что там было дальше... Я думаю, что потом случилось непредвиденное. Пилат не знал, что делать с Иисусом. Физически он его спас, но теперь его нужно было либо отпустить, либо убить, но уже не публично. Будучи суеверным, он не решался просто убить его (а вдруг тот и в самом деле Сын Божий?) и склонялся к тому, чтобы отправить его подальше, за границы Иудеи, Галилеи и Самарии. Но пока Пилат думал, Иисус каким-то образом — например, обратил на свою сторону охранника — вышел из темницы и на третий день явился своим ученикам, которые поняли его появление как воскресение. То есть все получилось только хуже, ведь слух о распятии уже прошел, — а тут живой и невредимый Иисус вдруг является своим ученикам. Лишь после этого Пилат вновь схватил его и под охраной доставил до границы с Сирией, запретив под страхом немедленной и страшной смерти появляться на подведомственной прокуратору территории. Именно поэтому первые христианские общины стали возникать в Сирии и далее, на территории нынешней Турции, на Кавказе — в Армении и Грузии, в Персии, вплоть до Индии. Это все лишь маршрут проповеди самого Иисуса, а не каких-то его учеников. Кто бы им там поверил...

Пива в тот вечер было выпито немало, и, размышляя по дороге в гостиницу об услышанном, Сергей Михайлович решил, что либо «Гиннес» в больших дозах приводит к слуховым галлюцинациям, либо Ковальский занимается в своем университете мистификациями на исторические темы. Трубецкой решил подумать об этом позже, на

трезвую голову, а пока, расплатившись с таксистом, он поднялся к себе в номер. На его телефоне призывно мигала лампочка голосовой почты. Сергей Михайлович нажал на кнопку. Меньше всего на свете он ожидал сейчас услышать уже знакомый, слащавый, с легким иностранным акцентом мужской голос, который произнес:

— Ну что ж, вы сегодня славно потрудились, Сергей Михайлович, и пока вели себя хорошо. Но настало время сделать следующий шаг. Побеспокойтесь, пожалуйста, чтобы те документы, которые прислала вам Анна, были у вас с собой в Риме в целости и сохранности. Если не наделаете глупостей, скоро увидите с вашей супругой. До встречи в Вечном городе.

Хмель в момент улетучился из головы, и Трубецкой начал лихорадочно соображать. Он должен был лететь в Рим уже завтра — на этом настаивала в своем письме Анна, но отдать без всяких гарантий документы этому типу или тем, кто за ним стоит, значило лишиться единственного козыря в намечающемся противостоянии. Сергей Михайлович все обдумал и решился на рискованный шаг. Он взял присланные Анной оригинальные документы, отложил наиболее важные страницы, спустился в гостиничный бизнес-центр и сделал с остальных материалов ксерокопии. Затем он сложил оригиналы в конверт, написал свой домашний адрес в качестве адреса получателя, обратный адрес — Британского музея и имя его знакомого профессора, с которым он сегодня виделся. Копии же, сложенные так, чтобы создать иллюзию настоящих документов, отправились в его портфель.

Ночь прошла без сна, но на удивление быстро. На следующее утро, как только начало светать, Трубецкой поехал в аэропорт, отправил конверт в Киев через имеющееся там почтовое отделение и первым же самолетом вылетел в Рим.

Глава 7 Расследование Тита Валерия Туллия

Неблизкую и небезопасную дорогу от Рима до Ершалаима Тит Валерий Туллий проделал всего за несколько дней. Погода способствовала морскому путешествию, хотя посланника императора трудности пути пугали в последнюю очередь. Его одолевали глубокие и не слишком приятные размышления. С одной стороны, это была большая честь — выполнить личное поручение императора. С другой — ему совершенно не хотелось разбираться то ли с распятыми, то ли со спасенными иудейскими пророками и мессиями. Кроме всего прочего, он и всадник Гай Понтий по прозвищу Пилат были старыми товарищами по оружию, о чем император, видимо, не был осведомлен, и это значительно усложняло задачу Туллия. Если Пилат виновен, Туллий будет вынужден предать его суду императора, а если нет — то ему предстояло не только найти какого-нибудь иного виновного, но и убедить в этом кесаря. По дороге в Ершалаим он на одну ночь остановился в Кейсарии. Прежде всего Титу Валерию не терпелось услышать версию самого Пилата. Однако реакция префекта на прямой вопрос посланника императора крайне его разочаровала.

— Иешуа? — задумчиво переспросил Пилат. — Из Назарета? Иудейский пророк? Мессия? Называл себя Сыном Божьим? Что-то я смутно припоминаю... Когда, ты говоришь, это случилось? Три года тому назад?

Тит Валерий Туллий тогда подумал про себя: «Ему бы в театре играть... Впрочем, отсутствие ответа — тоже ответ». И все же он решил не спешить с выводами и, пообещав префекту вновь посетить его на обратном пути, отправился в Ершалаим.

В отличие от Кейсарии Приморской, в столице Иудеи не было недостатка в осведомителях, хотя некоторым из них приходилось платить, кого-то — увещевать, а некоторых — запугивать. В результате Туллию не составило большого труда восстановить ход событий, связанных с появлением Христа, как величали Иешуа из Назарета его сторонники. Коэны же, то есть священнослужители ершалаимского Храма, отзывались о нем с презрением и злобой. Они утверждали, что тот был всего лишь обученным в Египте магом и обманщиком, безосновательно величал себя царем иудейским, Сыном Божьим, вступал в ссоры с книжниками и фарисеями, призывал нарушить закон Моисея, за что и был арестован, а затем вполне справедливо осужден Малым синедрионом и казнен по римскому закону, то есть распят.

Первосвященник Каифа однозначно заявил Туллию о том, что синедрион провел заседание, рассмотрел дело в строгом соответствии с законом и принял единогласное решение о виновности Иешуа из Назарета. Но потом начались сюрпризы.

Во-первых, некоторые члены синедриона, к которым Тит Валерий обратился за дополнительными разъяснениями, заявили, что знать не знают, о чем спрашивает их римлянин. Никакого Иешуа из Назарета они никогда не видели и к смерти не приговаривали. В то же время один из старейшин, напротив, признал факт осуществления суда над бродячим философом, но заявил, что суд был несправедливый. Другой подтвердил, что Иешуа был распят и даже признался, что лично снимал тело Иешуа с креста, а также участвовал в его погребении. Однако он не захотел указать место могилы и, более того, настаивал на бессмысленности поиска этого места, поскольку, по его словам, означенный распятый воскрес на третий день и покинул эту землю, вознесшись на небеса. Это было уже слишком. Тит Валерий был готов поверить во все, что угодно. Но, будучи солдатом со стажем, он отлично знал, что означает смерть, и ни при каких обстоятельствах не верил, что умерший может воскреснуть. Однако не только упомянутый член синедриона, но и многие другие сторонники распятого пророка, именующие себя христианами, утверждали то же самое, а некоторые говорили, что сами видели его, воскресшего после смерти, и разговаривали с ним.

Благодаря собранной информации Туллий понял, что все другие чудеса, которые приписывались Иешуа из Назарета, а именно изгнание бесов, исцеление больных, превращение воды в вино, были сущими пустяками по сравнению с главным событием — распятием на кресте и последующим воскрешением. Собственно, именно факт распятия и был предметом интереса императора, ведь в полученном им доносе утверждалось, что бродяга вовсе не был распят, но спасен Пилатом, а тут выходило — был распят, но воскрес. Посланник императора решил в деталях восстановить ход событий, непосредственно предшествующих казни. И вот что у него получилось.

Синедрион (или лично первосвященник Каифа?) принимает решение о виновности Иешуа из Назарета и посылает отряд храмовой стражи арестовать бунтовщика и самозванца, который якобы призывал разрушить Храм, именовал себя сыном Божьим и царем иудейским. Но как найти его в Ершалаиме, куда на праздник стеклись тысячи и тысячи народу, заполонив все постоянные дворы и лачуги? Начальник храмовой стражи по

имени Барух так и не смог — или не захотел — объяснить, почему той ночью они отправились именно в Гефсиманский сад, что у подножия Масличной горы в Кедронской долине, и — о чудо! — именно там оказался Иешуа со своими сторонниками. Как признал сам Барух, Иешуа вовсе не сопротивлялся аресту и со смирением готов был отдаться в руки солдат. Но тут один из бывших с ним людей выхватил меч, причем не короткий, который легко спрятать под одежду — гладиус, а большой кавалерийский меч — спату, и, неожиданно напав на них, даже рассек одному из солдат по имени Малх ухо. Возникла короткая стычка, в которой Иешуа едва не пострадал, но Баруху удалось сдержать солдат.

— Но ведь тот человек, у которого был меч, наверняка был арестован или даже убит, поскольку он оказал сопротивление представителям власти, не так ли? — поинтересовался в этом месте его рассказа Туллий.

— Так должно было бы случиться, но нападавший в суете убежал, как разбежались и все остальные люди, которые были с Иешуа, — ответил, отведя взгляд в сторону, Барух. Удивлению Тита Валерия не было предела. На отряд вооруженных до зубов солдат нападает один-единственный фанатик, едва не отсекает солдату ухо, а те не в состоянии его схватить? Но ведь само ношение оружия иудеями является преступлением, а нападение на солдат вообще карается смертью! И вдруг Тита Валерия пронзила догадка.

— Не думаешь ли ты, — спросил он Баруха, — что напавший на вас имел своей целью вовсе не защитить Иешуа, но как раз наоборот, вызвать стычку, в которой тот легко мог быть заколот?

— Думать, — честно ответил начальник храмовой стражи, — это не моя работа. Я — солдат и выполняю приказы. Все, что я знаю, — это то, что осужденный синедрионом Иешуа из Назарета был арестован и доставлен Каифе целым и невредимым. Все остальное для меня не важно. А ухо у того солдата вскоре зажило, как и не было ничего.

Титу Валерию оставалось выяснить, что же происходило в претории — резиденции префекта, куда арестованного возмутителя спокойствия доставили на суд римской власти. И вот тут оказалось, что узнать правду абсолютно невозможно, поскольку никто из посторонних на допросе не присутствовал. Там были только Пилат, его секретарь Марк и стража. Установить имена стражников и их местонахождение по прошествии трех лет не представлялось возможным, а Марк, как и Пилат, находился ныне в Кейсарии. Расследование зашло в тупик. Туллий уже отчаялся узнать что-либо и собрался возвращаться в Кейсарию, а затем на Капри, как вдруг на помощь пришел все тот же Барух, начальник храмовой стражи.

— Есть тут один человек, который знает кое-что. Но его услуги стоят денег, — сказал он Туллию.

— Сколько? — спросил тот.

— Сто динариев, — последовал ответ. — Это тому человеку. И столько же мне.

«Жадность и стремление к наживе когда-нибудь погубят этот народ», — подумал Туллий, ибо запрашиваемая сумма была по тем временам весьма значительной. Но и возвращаться к императору, не закончив расследование, он не хотел.

— Я согласен. Вот деньги. Веди меня к нему. — Он достал кошелек с монетами и передал его Баруху.

— Есть еще одно условие, — как бы нехотя произнес начальник храмовой стражи, приняв деньги. — Тот человек останется для тебя невидимым. Ты лишь услышишь его голос.

Туллий чуть было не вскипел от возмущения: мало того, что такие деньги взял, так он еще и условия ставит! Но потом взял себя в руки и сказал:

— Пусть так, пойдем же скорее.

Они вышли за стены города, когда уже стемнело. Небо было затянуто облаками, и лунный свет с трудом пробивал себе дорогу к земле. В небольшой оливковой роще, неподалеку от Яффских ворот, Барух оставил Тита Валерия одного. Несколько минут напряженного ожидания в темноте, в течение которых он уже успел трижды пожалеть, что ввязался в эту недешевую и, видимо, опасную историю, показались Туллию вечностью. Наконец у него за спиной раздался низкий голос:

— Спрашивай, но не оборачивайся.

Тит Валерий от неожиданности вздрогнул, но сумел сохранить спокойствие.

— Я хочу знать, что произошло на суде у Гая Понтия Пилата с подсудимым Иешуа из Назарета Галилейского три года тому назад, — не оборачиваясь, произнес он.

— Зачем тебе это?

— Я заплатил двести серебряных динариев, чтобы получить ответы на свои вопросы, а не отвечать на твои! — ответил Туллий.

— Ты прав, это справедливо. Я расскажу тебе все.

По дороге назад, в Кейсарию, где он снова должен был встретиться с Пилатом, Тит Валерий Туллий поймал себя на мысли, что в этом деле он по-прежнему понимает немного. Точнее, почти ничего не понимает. Если ему были более-менее ясны мотивы, побудившие первосвященника Каифу арестовать Иешуа из Назарета, то он отказывался понимать причины поступков самого Иешуа, некоторых из его учеников и, наконец, префекта Иудеи Гая Понтия Пилата. Почему бродячий философ не предпринял никаких попыток скрыться или спасти себя, ведь он наверняка знал о грозящей ему опасности? В многолюдном предпраздничном Ершалаиме скрыться было легко и просто, но он этого не сделал. Далее, почему те люди, которые сопровождали его, не стали защищать своего учителя, а просто разбежались? Откуда храмовая стража узнала, где будет Иешуа тем вечером? Какова была истинная цель нападения на солдат со стороны одного из учеников? Почему Пилат принял решение обмануть Каифу и сохранить жизнь Иешуа? Какова во всем этом роль секретаря претории Марка? Вопросы, одни вопросы... С таким багажом возвращаться на Капри было просто невозможно.

В этот раз Пилат встретил Туллия более приветливо, хотя и по-прежнему настороженно. Они неспешно отобедали на террасе, выпили хорошего вина, обсудили последние новости из Рима. Только потом Тит Валерий решился задать префекту мучившие его вопросы. Пилат, не проронив ни слова, внимательно выслушал посланника императора. Когда

Туллий закончил, воцарилась тишина, нарушаемая лишь криками чаек да шумом морского прибоя. Наконец Пилат заговорил слегка дрожащим, как показалось Титу Валерию, голосом. На этот раз он не стал делать вид, будто не помнит бродягу Иешуа из Назарета Галилейского, которого он судил около трех лет назад.

— Наверное, я совершил ошибку, сохранив тогда жизнь этому смутьяну, — произнес после паузы Пилат. — Это все писарь Марк, это была его идея. Я дал убедить себя, что для империи будет лучше не создавать из Иешуа мученика, которого впоследствии иудеи могли бы признать мессией, казненным по приказу Рима, и использовать его казнь как повод для бунта. Такое развитие событий могло привести к восстанию, а у меня в тот момент не было достаточно войск, чтобы подавить его. Поэтому я решил сохранить Иешуа жизнь, запретив ему появляться в Иудее, Галилее и Самарии под страхом немедленной и страшной смерти. Понимаешь, меня ввел в заблуждение тот факт, что Каифа с Иродом сами могли легко расправиться с ним, но почему-то не сделали этого. Зная их ненависть к Риму, я предположил, что их действия были направлены против кесаря и интересов государства. Теперь же я вижу, что лучше было бы просто казнить этого Иешуа.

Он замолчал на мгновение, а затем вдруг произнес:

— Знаешь, друг мой, а ведь этот бродяга так и сказал мне тогда, во время допроса, что ему безразлично — приговорят его к казни или нет, это, мол, все predetermined свыше и что все равно сбудется воля Отца его небесного... А вдруг он и впрямь был сыном иудейского Бога?

— Я не уполномочен обсуждать такие вопросы. А вот то, что кто-то должен быть покаран за случившееся, — это факт. — Туллий выглядел крайне серьезным и сосредоточенным.

— Пусть это будет Марк, — вдруг предложил Пилат. — Ведь мы с тобой всадники, братья по оружию, а он кто? Простой писарь.

— Хорошо, — Туллий кивнул, — это выход. Но я должен, учитывая нашу старую дружбу, рассказать тебе еще кое-что. — И он поведал Пилату о своем разговоре с таинственным незнакомцем, который в точности знал обо всем, что происходило тогда на суде.

Префект на несколько мгновений задумался.

— Афраний! — вдруг вскричал Пилат. — Это же был Афраний! О боги! Как же я сразу не догадался?! Только он мог знать все подробности. Только он мог подслушивать, как всегда! И это он написал донос кесарю! Теперь я понимаю! Предатель! Подлый предатель!

Даже отъехав от дома префекта на приличное расстояние, Тит Валерий Туллий все еще слышал, как кричал взбешенный Пилат.

Возвращение Туллия в Рим прошло без приключений. Затем он посетил Капри, где изложил обнаруженные им обстоятельства дела императору. Вердикт Тиберия бы краток:

— Префекта Гая Понтия Пилата отозвать в Рим для дальнейшего разбирательства. Римскому наместнику, который столько лет управлял провинцией, непростительно делать

подобные ошибки. Писаря Марка арестовать и отправить на каторгу. Десяти лет, я надеюсь, ему будет достаточно, чтобы стать на путь исправления. Пусть в следующий раз подумает дважды, прежде чем давать советы римскому префекту. Первосвященника иудейского Иосифа Каифу сместить, пусть не строит козни против Рима. Ну а ты, мой друг, заслужил награду. — Тиберий снял с пальца перстень с огромным кроваво-красным рубином и протянул его Туллию: — Благодарю тебя за отличную работу, ступай.

Тем же вечером римскому наместнику в Сирии Вителлию был отправлен письменный приказ императора, и воля Тиберия была исполнена. Пилата отозвали в Рим, но пока он добирался до столицы, Тиберий неожиданно умер. Пришедшему ему на смену императору Гаю Калигуле не было до бывшего префекта Иудеи никакого дела, и Пилат, вернувшись в Европу, купил в Галлии большое поместье, где и прожил остаток дней и умер в одиночестве. Да-да, именно в одиночестве, ибо супруга покинула его сразу после смерти их сына, которая случилась три года тому назад вскоре за происшедшими в Иудее событиями.

Иосиф бар Каифа был смещен, пробыв в должности первосвященника восемнадцать лет. Но он еще долго оставался членом синедриона, ничуть не раскаялся в содеянном и мирно скончался в преклонном возрасте. Лишь много лет спустя после его смерти Каифа, как и весь род Ханана бар Шета, был проклят за свои черные дела своим собственным народом и в Вавилонском талмуде, а в дополнении к нему, называемом Тосефта, с тех пор и отныне навсегда записано: «Проклятие дому Ханана! Проклятие им за их заговоры! Проклятие дому Каифы!»

Марк был арестован и пробыл десять лет на каторге в каменоломнях, где встретил множество христиан. После выхода на свободу он удалился в Египет и там основал христианскую общину. Делом всей своей жизни он сделал написание книги о служении Иешуа из Назарета Галилейского — Иисуса по прозвищу Христос, как его стали со временем называть, — Сыне Человеческом, который принес в этот мир учение о Царстве Божьем и Новый Завет, был распят на кресте и воскрес после смерти. Марк написал свое Евангелие и тем деянием прославился навеки.

Глава 8

Римские каникулы Трубецкого

С некоторых пор к поездкам в Ватикан Трубецкой относился с осторожностью. То есть Рим он по-прежнему обожал, и собор Святого Петра был, как всегда, непостижим в своем великолепии, однако Сергей Михайлович не мог забыть, как однажды, во время одной из таких поездок, предпринятой вроде бы по приглашению местных исследователей, он чуть было не попал в одну крайне неприятную историю. Но о том случае он не особенно любил распространяться.

Собственно, в этот раз у него не было другого выхода. Анна попала в беду, и он должен был сделать все, чтобы разобраться в сложившейся ситуации и спасти ее, а в письме она настаивала на его поездке в Рим и даже умудрилась где-то раздобыть для него специальный пропуск в библиотеку Ватикана. С учетом этих обстоятельств Сергей Михайлович решил действовать в точности, как просила Анна, но на всякий случай проявить чуть больше осторожности, чем обычно. Пользуясь тем, что в маленьких

римских отелях обслуживающий персонал плохо говорит по-английски и уж точно совершенно не в состоянии различать длинные славянские фамилии, он забронировал номер в гостинице, расположенной недалеко от пьядца ди Сан Пьетро по телефону на имя Семена Трубниковского, что вполне адекватно сошло ему с рук при поселении. Затем он попросил метрдотеля вызвать ему такси и указал маршрут — до Колизея, а сам улизнул через черный ход и отправился совсем в другую сторону, к своей цели, в Ватикан, пешком. Разумеется, он понимал, что отсутствие клиента, который сам просил вызвать ему такси, вызовет в отеле целый скандал, за который ему придется заплатить, но безопасность требовала жертв.

В результате Сергей Михайлович добрался до библиотеки Ватикана без приключений. Переданный Анной пропуск отлично сработал на всех уровнях, и вскоре он уже сидел в прохладной комнате, специально оборудованной для работы с уникальными рукописями, в ожидании нескольких редких книг, в которых, как он предполагал, содержались письменные свидетельства участников Никейского собора — Первого Вселенского собора христиан. Однако уже первое прикосновение к проблеме показало, что поставленная задача намного сложнее, чем казалось в начале. Для того чтобы составить более-менее непредвзятое мнение о том периоде, нескольких источников было не достаточно. Необходимо было обработать огромное количество современной литературы, а также немало первоисточников в виде писем, заметок и воспоминаний участников Собора, из которых по крупинкам можно было бы составить картину происходивших в Никее событий. Но на все это требовалась уйма времени, а его-то как раз и не было. К счастью, в библиотеке имелись электронные копии большинства книг, и с помощью уникальной компьютерной поисковой системы ему удалось в течение нескольких часов свести разрозненные факты к общему знаменателю. И вот что выяснилось.

Во-первых, точное количество участников Собора до сих пор не известно. Евсевий Кесарийский, личный участник, называл цифру «более двухсот пятидесяти». Другой епископ — Евстафий Антиохийский — настаивал на двухстах семидесяти. Афанасий Великий, Папа Юлий и Люцифер Калабрийский упоминали о трехстах. Сам Константин Великий в своей вступительной речи выразился так: «более трехсот». В то же время в сохранившихся отдельных рукописных списках на греческом, коптском, сирийском и арабском языках насчитывалось лишь до двухсот двадцати имен. При этом некоторые исследователи утверждали, что приглашения посылались двум тысячам епископов, из которых прибыла лишь малая часть. По сути это означало, что участники Собора не представляли большинство христианских общин, разбросанных по бескрайним просторам Римской империи от Кавказа до Британии, однако Собор был признан состоявшимся, а его решения — обязательными для всех.

Во-вторых, протоколы заседаний этого Собора не сохранились, хотя в некоторых источниках утверждалось, что они велись и даже подписывались. Узнать, о чем шли споры и какие были приняты постановления, можно было лишь из более поздних документов, в частности из воспоминаний и переписки его участников.

В-третьих, среди дошедших до нас свидетельств участников Собора имелись расхождения относительно того, какие именно решения были приняты. Большинство утверждало, что на заседаниях, которые проходили на протяжении двух месяцев под

председательством самого императора Константина, был принят единый христианский «символ веры», который раз и навсегда должен был положить конец арианской ереси, то есть сомнениям в том, что Иисус Христос единосущен Богу-Отцу. Кроме того, были установлены правила исчисления дня празднования Пасхи, а также двадцать правил церковного канона. Но вот дальше начинались разногласия. Например, из некоторых записок следовало, что на Соборе был также утвержден канон Нового Завета, то есть принято решение, какие книги в него включать, а какие — нет. В то же время многие участники о столь важном событии умолчали.

Дело же было в том, что к моменту созыва Собора в христианском мире распространилось — по разным данным — от восьмидесяти до ста двадцати списков Евангелий, каждое из которых было претендентом на каноничность. Отделение зерен от плевел было нелегкой задачей, если учесть долгие годы преследований христиан со стороны императора Диоклетиана, который с особым рвением уничтожал их святыне книги. Каждый участник Собора защищал Евангелие, которое исповедовал сам. Обсуждения продолжались больше месяца, но, поскольку епископы не могли прийти к согласию, была использована обычная церковная техника чудес. Некто Паппус, якобы участник этого Собора, написал об этом в своем сочинении «Синодика Собора» так: *«Положив без разбора под стол причастий в церкви все книги, представленные Собору на рассмотрение, епископы стали молить Господа, чтобы вдохновенные им писания оказались на столе, а ложные — остались под столом, и так и случилось»*. Таким вот образом, посредством «чуда», четыре ставших каноническими Евангелия с другими принятыми писаниями запрыгнули за ночь с пола на стол. По этому поводу один из исследователей задался логичным вопросом: «Любопытно, однако, было бы узнать, у кого ночью были ключи от соборного зала?»

Очевидно, этот кто-то, заручившись согласием императора Константина и его фаворитов-епископов, положил четыре Евангелия по их выбору на стол причастий, сыграв роль Святого Духа. Так была решена проблема на Никейском соборе. Однако, как свидетельствовали документы, навязать эти каноны массам верующих оказалось не таким простым делом. Лодикейский и Карфагенский соборы, состоявшиеся позднее, столкнулись с той же проблемой. И лишь почти через сорок лет после Никейского собора Афанасий, епископ Александрийский, разослал знаменитое Пасхальное письмо по церквям Средиземноморья, предписывавшее двадцать семь канонических книг нынешнего Нового Завета.

Среди прочего в письмах некоторых епископов содержались также восторженные описания деяний царицы Елены — матери императора Константина, которая в те же дни, когда проходил Собор, неустанно трудилась над поиском святых реликвий в Иерусалиме. Так, по свидетельству некоего Евсевия Памфила, по дороге в Иерусалим Елена «осыпала бесчисленными благодеяниями как вообще народонаселение городов, так, в частности, и каждого приходившего к ней; ее десница щедро награждала войска, весьма много помогала бедным и беспомощным. Одним она оказывала денежное пособие, других в изобилии снабжала одеждой для прикрытия наготы, иных освобождала от оков, избавляла от тяжелой работы в рудниках, выкупала у заимодавцев, а некоторых возвращала из заточения».

В других письмах упоминалось, что вроде бы еще до этой поездки Елена во сне видела крест, якобы находящийся в Иерусалиме, в заброшенной каменоломне поблизости от Голгофы. И действительно, такая каменоломня была обнаружена, но там под слоем мусора и песка были найдены погребенными сразу три креста. Царица повелела вытащить их на поверхность, а затем, чтобы определить, какой же из них истинный, Елена и сопровождавший ее иерусалимский епископ Макарий распорядились принести к каменоломне тяжелобольного человека, находившегося при смерти. После прикосновения к одному из крестов тот чудесным образом выздоровел. Именно в месте обнаружения этого креста и было начато строительство храма. Елена же поделила истинный крест на две части и одну послала сыну в Константинополь. Вторая часть креста была оправлена в серебро и установлена впоследствии в Храме Гроба Господня.

Кроме того, как утверждал все тот же Евсевий Памфил, Елена «в память вознесения Спасителя на небо воздвигла высокие здания на горе Масличной: самую вершину этой горы увенчала она священным домом церкви и храмом. Побывала Елена и в деревушке Эйн Керем, где приказала разрушить возведенный императором Адрианом языческий храм Афродиты, а вместо него поставить церковь в память о замученных царем Иродом младенцах, а рядом — церковь Святой Елизаветы, матери Иоанна Крестителя. В Бейт Лехеме Елена воздвигла над гротом, где по преданию Дева Мария родила Иисуса, церковь Рождества.

Покинув в 327 году Святую землю, она по дороге в Византию сделала остановку на острове Кипр. Здесь она посодействовала строительству первого христианского монастыря Святого креста на высокой горе Ставрувони. Ныне там существует потайная часовня Константина и Елены, куда допускаются лишь посвященные. Столь бурная деятельность истощила силы уже далеко не молодой женщины, и в том же году она умерла».

Но и это было еще не все. Просматривая по диагонали критические материалы об арианстве, то есть о споре про божественную сущность Спасителя, Трубецкой неожиданно обнаружил версию, которая вроде бы содержится в Талмуде и свидетельствует о том, что земным отцом Иисуса был римский солдат по имени не то Пандира, не то Пантера, силой овладевший Марией. Мария, по данной версии, побоялась сказать об этом мужу и поведала ему историю о Святом Духе, от которого якобы и понесла.

Тема Рождества — одна из самых светлых и почитаемых в христианстве, и появление подобной версии смутило даже выдавшего виды Трубецкого. Он попробовал копнуть глубже и обнаружил, что на русских иконах конца XV—XVII веков, хранящихся, в частности, в собрании Эрмитажа, имеется косвенное подтверждение этой выдумки! Так, например, на некоторых иконах в сцене Рождества Христова присутствует довольно странная фигура некоего старца во власянице с кривым посохом в руке, который о чем-то беседует с Иосифом. Рядом со старцем также встречается надпись «Анень». Так вот, в некоторых христианских апокрифах, в частности в Протоевангелии от Иакова, рассказывается о старце Анене, который, узнав о рождении Иисуса, пришел к Иосифу со своими доводами и пытался вызвать сомнения в непорочности зачатия, а затем донес об этом событии первосвященнику. Мария с Иосифом были вызваны к первосвященнику, где им в качестве испытания была дана некая «вода обличения», но Иосиф и Мария

выдержали испытание. Посему старец этот на иконах изображался с кривым посохом, символом неправедных мыслей и побуждений.

Из всего прочитанного Трубецкой сделал вывод, что иногда история настолько тщательно хранит свои тайны, что и двух тысяч лет, а также усилий целой армии исследователей часто оказывается недостаточно, чтобы установить истину — касается это жизни одного, пусть и богочеловека, или целого Вселенского собора, участниками которого были сотни исторических личностей. Ему нужно было время, чтобы все обдумать. Он покинул библиотеку поздно вечером, одним из последних посетителей. После целого дня, проведенного взаперти, Сергей Михайлович не мог отказать себе в удовольствии пройтись до гостиницы пешком. Был теплый осенний вечер. Он вышел на площадь ди Сан Пьетро и окинул взглядом величественное здание собора и колоннаду. Они подсвечивались мягким, ровным светом и выглядели восхитительно. Вокруг бродили толпы туристов, и в разноязыкой, разношерстной толпе легко было затеряться. Очевидно, поэтому Трубецкой не заметил двух ребят крепкого вида, которые не спускали с него глаз. Он весьма беспечно вышел с площади и свернул на одну из боковых римских улочек, ведущих к отелю. Портфель с документами и записями был у него в руках. Уже через пару минут он оказался в полном одиночестве, лишь где-то за спиной кипела ночная жизнь туристов.

Вдруг из ближайшей подворотни выехал автомобиль, ослепил его фарами и преградил дорогу. Сергей Михайлович кинулся было назад, но двое крепких ребят, сопровождавших его от самого Ватикана, были тут как тут. Ему дали вдохнуть какой-то дряни, натянули на голову вязаную шапочку без прорезей для глаз и силой усадили в автомобиль. Сергей Михайлович потерял сознание. Все произошло так быстро и бесшумно, что никто из местных жителей ничего не заметил. Автомобиль развернулся и, мягко шурша шинами, скрылся в темноте южной ночи.

Глава 9 Символ веры

«Чем дольше я размышляю о задуманном тобой, тем больше я склоняюсь к мысли, что замысел сей превосходит все, ранее предпринятое римскими императорами. Ибо намерение об объединении христианских общин и церквей выходит за границы империи и приобретает истинно экуменический характер. Я только начинаю осознавать, как далеко вне римских колоний распространилось учение Христа, и посему, ежели говорить о всеобщем Соборе, следует звать также епископов Скифии, Армении, Персии, Боспорского царства... Да и важность такого Собора будет простираться далеко за нынешние границы государства и охватит своим влиянием множество племен и народов, о которых мы, может быть, доселе и не слыхивали...» Так или примерно так писал император Константин своей матери в Ершалаим, имея в виду подготовку к первому в истории христианства Вселенскому собору. Небольшому городку Никея, расположенному недалеко от Византии, было суждено стать местом этого исторического события.

Ибо к проблеме становления новой веры в империи Константин подошел с размахом. Будто прозрев, он вдруг увидел все свои раскинувшиеся повсеместно земли и населяющие их народы, разноголосицу существующих в империи верований, богов, культов и традиций. Не остались вне его пристального внимания и притязания иудеев на богоизбранность их народа, что, кстати, сильно его раздражало, а также фанатичная приверженность гонимых ранее христиан культу Иисуса Христа, распространившемуся опять-таки из Иудеи. Даже многолетние преследования Диоклетиана, казни, ссылки и пытки не смогли остановить последователей новой религии. Мощная объединяющая идея под протекторатом государства должна была прийти на смену этой разноголосице. Его мать, царица Елена, была права: христианство с его единым вселюбящим и милостивым Богом подходило для этой цели наилучшим образом.

Приглашения от его имени прибыть на экуменический Собор были разсланы христианским епископам во все концы восточных и западных провинций. Прогонны, почтовые лошади, пребывание в Никее — все это было предоставлено епископату и даже сопровождающим их особам империей. Еще до Собора он сделал попытку примирить враждующих между собой епископа Александрийского Александра и пресвитера Ария, которые яростно спорили о божественной сущности Христа, но безуспешно. Дело же было в том, что Арий и его сторонники отрицали изначальную божественность Христа, утверждая, что тот был лишь «превосходнейшим творением» Всевышнего, которое впоследствии подверглось обожествлению. Из отрицания божественной сути Христа вытекало, что Сын Божий не равен Отцу и, как все люди, подвержен греху и изменениям. Арий считал, что Христос «имел начало», тогда как Бог «не имеет начала», следовательно, до своего появления на свет Христос не существовал.

Арианская ересь в той или иной степени получила распространение практически по всей территории Римского государства, а Константину была нужна единая, гармоничная церковь, на которую он мог бы опереться в деле сохранения единства империи. Император написал письмо обоим зачинщикам богословского спора, в котором просил прекратить бесполезную, по его мнению, дискуссию. Как язычнику, ему было безразлично, кто такой Христос — Бог или лишь обожествленный человек, но сам факт ожесточенной вражды, связанной с этой темой, мешал реализации задуманного им и его матерью плана. Однако Александр и Арий отказались примириться, и вопрос был вынесен на рассмотрение Собора.

В Никею прибыли более трехсот епископов, среди которых были гости из Скифии, стран Кавказа и многих земель Причерноморья. При этом епископы Запада ограничились участием лишь нескольких делегатов, объясняя такое решение тем, что арианская ересь в западной части империи практически неизвестна. Участникам Собора предстояло, прежде всего, обсудить накопившиеся в жизни разбросанных по всей империи христианских общин разногласия, угрожавшие стабильности государства, которое Константин с таким трудом объединил.

На собрании председательствовал сам император, старательно вникавший в суть каждого спорного вопроса. Он был великолепен и, можно сказать, величественен в своих богато расшитых золотом одеждах, изумительной работы золотой короне с драгоценными камнями. Войдя в зал, он занял место во главе собрания, а рядом, по левую сторону от него, расположился председательствующий — епископ Евстафий Антиохийский. В своей

речи перед участниками Собора Константин заявил, что главное его желание и забота — достижение духовной гармонии, которая принесет народам империи мир и процветание. Основное внимание на Соборе, по его мнению, следовало уделить двум важным проблемам: окончанию спора о божественной сущности Иисуса Христа и установлению точной даты празднования Пасхи, которую Константин считал невозможным праздновать вместе с иудеями. По обоим вопросам участники Никейского собора больше всего расходились во мнениях.

Два месяца день за днем продолжались жаркие богословские споры. Но прежде всего слово было предоставлено зачинщику дискуссии — пресвитеру Арию из Александрии. Арий, ливиец по происхождению, был прекрасным диалектиком, красноречивым проповедником чинного и строгого поведения. Высокого роста, худощавый, внешне благообразный седовласый старик был кумиром своих прихожан, и слава о нем простиралась далеко за пределами александрийской церкви. Он вышел на середину зала перед всем собранием и без тени боязни или сомнения начал свою речь.

— В какого Бога веруете вы, собравшиеся здесь? — громогласно вопрошал пресвитер Арий. — Светоч правды и истины ведут вас или гордыня и заблуждение? Сам отныне предвечный Искупитель и Спаситель наш говорил, что Он — лишь Сын Отца Небесного, царство которого Он призван был принести на грешную землю. Вдумайтесь: то, что произошло, не могло быть прежде, чем произошло! Если Отец родил Сына, значит, Рожденный, как таковой, имеет начало бытия; следовательно, было время, когда Сына не было, и Он имеет свое существование из небытия. Размышляя о природе Сына, мы не можем утверждать ничего другого, как то, что Он — создание тварное.

Далее, если Сын имеет начало, то, значит, хотя Бог Отец и вечен, было время, когда Он не был Отцом и у Него не было Сына. Сын не вечный, но мы признаем, что Он выше всех тварей; Сын подобен Отцу — Бог по имени, но не по существу. Сын создан, сотворен Творцом прежде всего, и через Сына создан мир. Если так, то источник мудрости — Отец, который по благодати сообщил Сыну эту мудрость, но Сын не знает вполне Бога Отца и не единосущен Ему. Дух Святой тоже не вполне лицо Божие, а создан Сыном.

Вы же, утверждающие обратное, идете против понимания и рассудка, а между тем все, кто верит Церкви нашей, жаждут истины и в благодатном ожидании пребывают, что собор наш даст им эту истину.

Снова и снова возвращался он к обоснованию своего положения о том, что Сын вторичен по отношению к Отцу и не может быть ему единосущен. Ария поддерживали такие известные епископы, как кумир императора Евсевий Кесарийский и Евсевий Никомидийский, и поэтому пресвитер и его сторонники выступали очень смело и открыто, надеясь привлечь императора на свою сторону. Однако Константин искал не правды, а компромисса. Он не слишком разбирался в этих богословских тонкостях, но хорошо чувствовал настроение большинства. Когда он услышал, что речь Ария вызвала гул негодования в соборе, он счел за благо принять во внимание и мнения других выступающих, которые пытались сгладить разногласия и найти устраивающий всех

вариант. Одним из тех, кто особенно рьяно возражал Арию, был молодой помощник епископа Александрийского Афанасий.

— Но ведь это из-за нас Он стал плотью, — говорил Афанасий, — ради нашего спасения Он пришел и родился в человеческом теле. После того как Он доказал божественность своими делами, Он принес жертву ради всех и предал свое тело смерти, чтобы искупить первородный грех людей и доказать, что Он сильнее небытия... Ибо Он стал человеком, чтобы мы могли обожествиться; Он показал себя в теле, чтобы мы могли понять Отца; Он вынес все муки, чтобы мы могли наследовать бессмертие. Через Его смерть бессмертие стало доступно всем.

Ибо лучи солнца принадлежат самому солнцу, и солнечной материи от этого не становится меньше. Солнечная материя составляет одно целое, и лучи с ней — совершенны и неделимы. Эти лучи не уменьшают материи света, но являются ее плодом. Так и Спаситель наш един, неделим и единосущен с Отцом Его небесным....

Жаркие споры сторонников и противников Ария продолжались день за днем, пока однажды император не пригласил к себе в покои епископа Александра — главного оппонента Ария, Евсевия Кесарийского, мнению которого очень доверял, и нескольких своих советников.

— Вы все знаете, к чему устремлены мои помыслы. Пора прийти к какому-то мнению, — стал увещевать их Константин. — Я вижу, что большинство епископов Ария не поддерживает. Но ведь у него много сторонников среди верных, и не только в Александрии. Если Арий будет осужден, неминуемы волнения.

— А если ересь Ария будет принята, вере сей не быть! — Епископ Александр был категоричен. — Если мы не признаем, что Сын единосущен Отцу, иудеи скажут, что Сын — вторичен и тварен, а значит, имеются сомнения в том, чему Он учил; они будут смеяться над нами, ибо для них Бог Отец — это иудейский бог Яхве.

— Этого нельзя допустить! — воскликнул император. — Мы должны дать народам империи сильного Бога, более могущественного, чем иудейский, вера в которого объединит их и укрепит государство. Решено, пусть будет «единосущный»!

Искомый компромисс, который фактически означал осуждение арианцев, в угоду императору предложил Евсевий Кесарийский. Это и был принятый позже символ веры. Таким образом, взгляды Ария были объявлены «ересью», осуждены большинством голосов присутствующих епископов (кроме двух) и составлен символ веры, в который был внесен термин «единосущный Отцу», навсегда закрепивший в сознании христиан истину о божественности Иисуса Христа, принявшего человеческую природу для искупления грехов всего человеческого рода. Епископы сформулировали такой символ веры, в котором подчеркивалась божественная суть Иисуса Христа и триединство Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Как заявил по этому поводу епископ Александр Александрийский, «Святая Троица есть в троице единица».

Никейский символ веры гласил: *«Веруем во Единого Бога-Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца, Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, Отцу единосущного, чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле. Ради нас, человеков, и ради нашего спасения*

нисшедшего, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых; и в Духа Святого».

Пасху же поручили вычислять епископу Александрийскому, который должен был информировать все остальные епархии о дате празднования.

Удачное разрешение двух основных спорных вопросов предопределило следующий шаг — формулировку основных правил обустройства Церкви Христовой. Следовало раз и навсегда узаконить, кто, как и когда рукополагает епископов, каковы критерии, позволяющие получить сан, в чем заключаются основные моральные нормы их поведения и обустройства семейной жизни, а также другие схожие вопросы. Результатом кропотливой работы стало принятие двадцати канонов, одобренных как духовенством, так и вердиктом императора. Тем самым были заложены основы создания всемирной Церкви с общими для всех правилами. Наряду с другими, менее значимыми вопросами, были определены и географические границы церковной власти и юрисдикции Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима. В числе прочих было уделено внимание статусу священников, в частности, тех, кто намеренно оскотил себя, дабы получить духовный сан, и невозможности воцерковления лиц, отлученных от Церкви в других епархиях. Было также определено, какие книги будут входить в Библию, какие — нет. По наущению Евсевия Кесарийского, которого Константин необыкновенно чтит за ученость, император взял на себя труд оплатить изготовление пятидесяти — по тем временам огромного количества — полных Библий, по составленному Евсевием образцу Священного Писания.

Но как быть с язычниками, составляющими большинство в его империи? Этот вопрос не мог не мучить императора, и он не забывал о нем ни на минуту. При всей своей привлекательности и мощной духовной идее, заложенной в христианстве, новая вера все еще была достоянием меньшинства. Во многих городах империи христиане сосуществовали бок о бок с другими религиями, и император вынужден был с этим считаться.

Кроме всего прочего, он, как и его отец, был верным последователем Непобедимого Солнца, культа бога Митры, что, не подразумевая отвержения других богов, было поклонением высшему существу, символом которого было солнце. Именно с изображением Митры чеканил Константин свои монеты. В глазах императора Непобедимое Солнце и христианский Бог не были так уж несовместимы. Ему даже казалось, что их можно считать воплощениями одного высшего божества и что другие боги, хотя и занимающие подчиненное положение, тоже вполне реальны и обладают определенной силой. Поэтому при случае он не брезговал обращаться за советом к оракулу Аполлона, принял титул первосвященника, который традиционно был прерогативой императоров, и участвовал в разного рода языческих обрядах, вовсе не считая, что тем самым изменяет Богу, которого стремился дать своей империи.

Впрочем, Константин был проницательным политиком. Он обладал такой властью, что мог покровительствовать христианам, строить церкви и одновременно свозить со всей империи в Константинополь статуи языческих богов для украшения города своей мечты. Если бы он попытался запретить поклонение языческим богам, то очень скоро столкнулся бы с непреодолимым сопротивлением. Языческие боги отнюдь не были забыты. Христианство еще только начинало укореняться среди старой аристократии и сельского

населения провинций. В армии многие поклонялись Митре и другим языческим богам. В афинской академии и в александрийском музее, двух крупнейших учебных центрах того времени, учили языческой мудрости. Императорский указ не мог отменить всего этого, во всяком случае в тот момент не мог, да и у самого императора, не видевшего, в чем так уж несовместимы Непобедимое Солнце и Сын Бога, не было желания такой указ издавать.

И при этом Константин отлично понимал, каких успехов он может достичь, если сумеет приспособить христианство для своих политических целей. Он, безусловно, осознавал, что в нравственном отношении христианство стоит неизмеримо выше языческих верований. Однако в те годы он еще не пережил полного переворота в своей жизни, который однозначно привел бы его в русло христианства. Ведь по своему естеству он был грубый, бесцеремонный и властолюбивый человек. За годы правления он истребил почти всех своих соратников и родственников. В 324 году по его приказу был казнен Лициний — недавний союзник и соавтор Миланского эдикта, а в 326 году — подозреваемые в заговоре против императора его жена Фауста и сын Крисп. Все это произошло почти в то же самое время, когда Константин председательствовал на Никейском соборе, а царица Елена пребывала с миссией поисков христианских реликвий в Иерусалиме.

Надо полагать, что со временем его суеверный страх перед языческими богами уступил место суеверному страху перед Христом. В свое время, войдя в Рим, Константин прежде всего позаботился о том, чтобы в городе была воздвигнута его статуя с крестом в руке. В этом явно проявилось его желание прославить в первую очередь собственную персону и лишь между прочим отметить, что в победе ему помог тот Бог, которому поклоняются христиане. Статуя Константина стояла в языческом капище среди языческих богов, и он ее оттуда не удалял. Хотя он и назвал себя христианином по духу, но в то же время не отказался от титула верховного жреца язычников.

Константин принял святое крещение лишь в конце жизни, перед самой смертью, в 337 году, очевидно надеясь, что принятие христианства каким-то волшебным образом очистит его от прежних грехов. Об уровне истинного понимания им основ новой государственной религии говорит тот факт, что крестил его последователь Ария, епископ Евсевий Никомидийский, — и это после осуждения арианской ереси Никейским собором! Императору просто было все равно. Константин Великий скончался в день Пятидесятницы и был погребен в церкви Святых Апостолов, в заранее приготовленной им гробнице.

Глава 10 **«Мировое правительство»**

Когда Сергей Михайлович пришел в себя, вязаная шапочка все еще была у него на голове. Он сидел на стуле или, скорее, в кресле, с завязанными сзади руками, лишенный возможности двигаться. Голова слегка гудела от снотворного, действие которого, очевидно, прекратилось какое-то время тому назад. Он попытался восстановить в памяти, что же произошло с ним в Риме, и безуспешно. Трубецкой четко помнил, как покинул библиотеку Ватикана, затем прошел через площадь Святого Петра и углубился в боковую улочку, которая вела к отелю. На этом воспоминания обрывались. Сейчас он не имел ни

малейшего понятия, где находится и как сюда попал. «Вот сейчас снимут эту дурацкую шапочку и окажется, что ты в каком-нибудь подземелье или, что еще хуже, — в комнате для пыток», — так или примерно так размышлял Сергей Михайлович, когда с него наконец сняли головной убор и развязали руки. После длительного пребывания в темноте глазам необходимо было время, чтобы привыкнуть к свету. Через минуту он уже смог осмотреться как следует. Все выглядело совсем не так, как он только что себе представлял.

Трубецкой находился в комнате, возможно кабинете, заставленном дорогой эксклюзивной мебелью. Кабинет, видимо, принадлежал какой-то очень важной и состоятельной персоне, поскольку письменный стол, кресла, настольная лампа, шторы, картины — абсолютно вся обстановка поражала изысканностью и была просто наивысшего качества. В то же время какая-либо персонификация утвари отсутствовала — ни одной фотографии, портрета, визитки, монограммы не было видно. Мягкий свет струился из каких-то невидимых светильников, а пушистый ковер полностью поглощал звуки шагов. В этом Трубецкой убедился довольно быстро, поскольку дверь без единого звука отворилась и в кабинет совершенно бесшумно вошел невысокого роста, кругленький и лысоватый человек в безукоризненном костюме, начищенных до блеска штиблетах, однако без галстука. На левой руке, как успел заметить Сергей Михайлович, у него был массивный золотой «брегет», а на мизинце правой руки — золотое же кольцо с огромным бриллиантом. «Небедный, однако, товарищ», — мелькнула мысль. И тут этот самый товарищ заговорил по-русски слащавым голосом с едва заметным иностранным акцентом. Сомнений быть не могло: именно этот голос Трубецкой слышал по телефону в тот вечер, когда получил письмо от Анны, а затем в лондонской гостинице.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович, добро пожаловать, — сказал вошедший. — Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? После перелета и все такое? Хотите что-нибудь выпить? Кофе? Виски?

— Я до глубины души тронут вашей заботой, — ответил Трубецкой, — особенно насчет выпить. Однако для начала потрудитесь объяснить, где я нахожусь и кто вы такой. По какому праву меня похитили и привезли сюда? Что все это значит?

— О, я вас уверяю, что вы находитесь в одном совершенно великолепном, просто божественном месте, куда вы сами никогда бы не добрались, — сказал человек, присаживаясь на угол письменного стола. — Тысячи людей во всем мире мечтали бы сюда попасть, но, увы, для посторонних это никак невозможно. Если не верите, подойдите к окну и убедитесь сами, пока солнце не село. В этих местах это случается довольно рано.

Сергей Михайлович не преминул воспользоваться предложением. Он встал, подошел к окну и раздвинул плотные шторы. За окном было еще светло, и, сколько мог охватить взгляд, вокруг простирались покрытые снегом скалистые горы. Вид и вправду был величественный. Дом или, скорее всего, замок стоял, видимо, прямо над обрывом, так как далеко внизу тоже были видны лишь скалы да покрытые снегом сосны.

— Впечатляет, — сказал Трубецкой, — но на Богемскую рощу не похоже. Бьюсь об заклад, что это — Кордильеры.

— А вы не без юмора, — ответил лысоватый товарищ. — Но, увы, Кордильеры — это из сказки «Дети капитана Гранта». На самом деле все проще: вы — в Альпах.

«Слава Богу, — подумал Трубецкой, — все-таки Европа, почти дома. Ну, ничего, Суворов Альпы проходил, Ганнибал со слонами тоже проходил, может, и у нас получится».

— Не уверен, что вам удастся отсюда сбежать, — будто читая его мысли, заявил хозяин кабинета, — даже и не думайте. Пока, во всяком случае, еще никто не пробовал. Во-первых, тут так красиво, что жалко покидать эти места, а во-вторых, — там, за окном, очень, очень холодно и неудобно.

— Я вижу, вы тоже не без юмора. Наслаждение красотами окружающего мира — это роскошь, которую могут позволить себе лишь свободные люди. А в моем положении человека, которого удерживают силой, говорить о красоте этого места все равно что узнику Бастилии вдохновенно обсуждать с охранниками достоинства и недостатки архитектурных деталей здания его тюрьмы.

— Как угодно, как угодно... — Хозяин кабинета был, очевидно, настроен миролюбиво. — Хочу только сказать, Сергей Михайлович, что вам тут ничего не угрожает. Мы лишь намерены кое-что обсудить с вами и, я надеюсь, прийти к обоюдному согласию. Как только обо всем договоримся — вы свободны.

— И что именно вы желаете обсудить, позвольте поинтересоваться? Вы случайно меня ни с кем не путаете? — Сергей Михайлович решил не подавать виду, что он узнал его голос. — Я ведь всего лишь ученый, обыкновенный книжный червь. Не могу себе представить, что то, чем я занимаюсь, может для кого-то представлять угрозу или какой-либо особый интерес.

— Будьте покойны, мы за вами внимательно наблюдаем уже достаточно длительное время и ни с кем вас не путаем. Не скромничайте, вы — вовсе не обыкновенный ученый, а специалист высочайшего класса, деятельность которого может как создавать проблемы, так и способствовать их разрешению. Тем более что, как оказалось, создание проблем — это теперь ваш семейный бизнес.

— Что вы имеете в виду? — Трубецкой вел диалог спокойно, стараясь держать себя в руках.

— Вашу супругу Анну и то, что ей удалось раскопать в монастыре Святого Георгия. Вы ведь в курсе ее открытий, не так ли? Иначе зачем было ездить в Лондон и Ватикан?

— А вы хорошо осведомлены. — При упоминании об Анне Сергей Михайлович начал ощущать нарастающее беспокойство. — Могу ли и я узнать наконец, с кем имею дело? И где Анна?

— Меня зовут... м-м-м... ну, скажем, герр Миссершмидт. Пойдет?

— Мне все равно, хоть мистер Люфтваффе. И кого же вы представляете, герр Миссершмидт?

— Я говорю с вами от имени группы людей... э-э-э... ну, скажем, управляющих этим миром, — скромно, но очень серьезно ответил хозяин кабинета. Этой фразой он, очевидно, рассчитывал произвести впечатление. Но Трубецкой и бровью не повел.

— Это что же, вы не о «мировом правительстве» ли изволили упомянуть? — Сергея Михайловича почему-то потянуло на скептицизм. — Бильдербергский клуб? Трехсторонняя комиссия? Всемирный сионистский заговор? «Комитет 300»? И что, все эти триста «спартанцев» обитают в этом замке?

— Вы, по-видимому, совершенно не осознаете всю серьезность своего положения и силу людей, интересы которых вы с госпожой Шуваловой задели, — сказав эту фразу, герр Миссершмидт сделал озабоченное лицо. — И ваши шутки просто неуместны!

— А вы осознаете, что грубо нарушили кучу законов полдюжины стран, похитив и решив удерживать меня в этом замке? Вы не ответили на мой вопрос: где Анна? Вы считаете уместным захватывать заложников? Это что, бандитский притон? Я хочу ее видеть, причем прямо сейчас! — Трубецкой решил перейти в нападение. — И я требую немедленно предоставить нам свободу!

— Анну вы скоро увидите. Возможно. Учтите, что это, как и все остальное в нашем мире, зависит от воли людей, которых я представляю. Так что вам лучше оставить ваш агрессивный тон. Здесь вас никто не боится.

— Знаете, я много слышал и читал и о Бильдербергском клубе, и о прочих «комиссиях» и «комитетах» и на меня все эти «игры патриотов» при участии особ королевской крови, денежных мешков, прошлых, нынешних и будущих членов разнообразных правительств никакого впечатления не произвели. Во всяком случае то, что писали об этом клубе в прессе, напоминает скорее аристократические посиделки кучки бездельников, уставших от самих себя и жаждущих развлечений, а не реальное «мировое правительство».

— Боже, как это забавно! Ну, неужели вы думаете, что те, кто управляет этим миром, настолько тупы и бестолковы, что не в состоянии держать свои дела в тайне? Бильдербергский клуб? С офисом в Нью-Йорке? Телефонами и секретаршами? Короли, банкиры, политики? Журналисты? Вы шутите? Полноте, да все это просто декорации, целенаправленная подача информации, точнее — дезинформации, чтобы сбить со следа слишком любопытных писак. Настоящее мировое правительство стоит выше всего этого. Нам, точнее, ему паблисити ни к чему. Мы стремимся к достижению всего лишь одной, но глобальной цели, которую сформулировал еще Иисус Христос — построение Царства Божьего, то есть рая на земле. Зачем же нам паблисити? Помните, как это у Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво...»

— Построение Царства Божьего на земле? — переспросил изумленный Трубецкой. — Так вы претендуете не только на материальные богатства, но и на духовную составляющую жизни людей? — У Сергея Михайловича даже мороз по коже прошел. — Ничего себе претензии!

— Слава Богу! Мне приятно, что вы наконец начали воспринимать то, что я говорю, серьезно. На самом деле это просто, как все гениальное. Формула Царства Божьего на земле придумана не нами и давно известна: государство + деньги + Церковь. То есть, если у вас есть правильно построенная государственная машина, деньги, чтобы управлять материальной составляющей бытия, и Церковь, чтобы контролировать духовный мир, вы имеете все, что нужно для создания комфортного для всех мирового порядка. С этой точки зрения, мы — лишь те, кто проектирует его во всех возможных деталях и затем воплощает в жизнь. Но об этом мы поговорим чуть позже. — Он вдруг сменил тон и тему и добавил: — А пока... Хочу сделать вам приятное. Вы мне почему-то симпатичны. — Герр Миссершмидт кокетливо улыбнулся.

Он нажал какую-то кнопку, и часть стоящего в кабинете огромного книжного шкафа отъехала в сторону, обнаружив довольно широкий проход. Герр Миссершмидт встал и

шагнул внутрь. Не прошло и нескольких минут, как он вернулся, но уже не один. В кабинет, где находился Трубецкой, вслед за герром Миссершмидтом вошла любимая женщина и по совместительству жена Трубецкого — Анна Николаевна Шувалова.

Сергей Михайлович сделал над собой огромное усилие, чтобы не кинуться к ней и не обнять ее после столь длительной разлуки. Но в присутствии этого герра Миссершмидта он воздержался от проявления своих чувств.

— Ну, что же... Видите, с ней все в порядке, — сказал тот, — как я и обещал. Я вас оставляю, голубки, поворкуйте. — Герр Миссершмидт снова нажал кнопку, шкаф вернулся на свое место, а сам он вышел из кабинета и запер за собой дверь на ключ. Анна Николаевна и Трубецкой остались одни.

— Наконец-то, — Трубецкой нежно обнял и поцеловал супругу, — слава Богу, что ты жива и здорова.

— Я так по тебе соскучилась, — сказала тихонько Анна ему на ухо. — Ты только учти, что они все тут просматривают и прослушивают.

— Я и не сомневаюсь. Тем не менее расскажи, что с тобой приключилось?

— Ты уже практически все знаешь. Ты ведь получил мое письмо? — спросила она шепотом. Трубецкой кивнул. — Для начала мне в руки попался этот коптский манускрипт. Уж и не знаю, сознательно это было сделано или нет, но он там, в монастыре, хранился очень давно и был весьма надежно спрятан. Я на него случайно наткнулась, когда помогала библиотекарю разбирать завалы в хранилище. А уж когда его прочитала, то поняла, что это пахнет как минимум открытием.

— Это пахнет как минимум огромными неприятностями, — заметил Трубецкой. — Ты думаешь, что если вдруг заявишь на весь мир о том, что основная легенда Нового Завета есть просто плод чей-то фантазии и на самом деле никто никого не распинал, что все современные догматы христианства есть результат целенаправленных усилий царицы Елены и императора Константина, принятые простым голосованием на Никейском соборе и имеющие лишь немного общего с истинным учением Иисуса Христа, то все это сойдет с рук?

— Знаешь, мне было, да и сейчас тоже, по большому счету безразлично, к каким последствиям все это может привести. Мне важно установить истину, и я просто нестерпимо хотела поделиться с тобой своим открытием. Там, в монастыре, мне вызвался помочь один ученый из Британии. Он тоже работал над каким-то проектом. Его зовут Натан Ковальский, и он очень хорошо говорит по-русски.

— Что-что? Как? Как, ты говоришь, его зовут? — Удивлению Трубецкого не было предела. — Натан Ковальский?

— Вы что, знакомы с ним?

— В общем-то, да, немного знакомы. Мы лет десять в одном институте проработали, пока он не эмигрировал.

— Ничего себе! Но он ничего мне об этом не сказал, хотя я не раз упоминала при нем твое имя... Станный тип. Впрочем, наше с ним сотрудничество не сложилось. Он стал чересчур любопытным, и в какой-то момент я его, что называется, отшила. Но потом мне

вдруг стало казаться, что за мной следят и мешают работать. Начались какие-то сложности с получением книг... Я заподозрила неладное и решила отправить тебе пакет с наиболее важными документами почтой, но не через Ковальского, как он предлагал, а через местного водителя из бедуинов, который привозил в монастырь всякую необходимую утварь. А потом я однажды легла спать, а проснулась уже здесь. Я так рада, что мы теперь вместе. — Анна снова прильнула к нему.

— Между прочим, — Сергей Михайлович был явно обескуражен, — этот Натан Ковальский потом нарисовался в Лондоне, куда я летал делать перевод с твоего манускрипта, и пытался разведать, чем я там занимаюсь. Но я как чувствовал и ничего ему не сказал... А я-то думаю, как он там меня разыскал?! Только теперь до меня дошло, что он в Лондоне появился, видимо, не случайно. На кого же он, интересно, работает?

В этот момент дверь в кабинет снова отворилась и к ним вернулся герр Миссершмидт.

— Прошу прощения, что нарушаю ваш интим, — вежливо произнес он, — но у нас мало времени. Мы бы хотели познакомить вас с одним нашим, так скажем, консультантом. Думаю, вы не пожалеете. Попрошу вас в соседний зал.

Сергею Михайловичу и Анне ничего не оставалось, как последовать за ним. Они попали из кабинета в довольно большую комнату, где, кроме длинного стола для заседаний и стульев, ничего не было. В конце комнаты у большого окна, через которое виднелись заснеженные вершины Альп, спиной к ним стоял человек. Когда герр Миссершмидт вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, человек обернулся. Трубецкой и Шувалова испытали настоящий шок. Перед ними стоял Артур Александрович Бестужев, собственной персоной.

Дело в том, что всего лишь несколько лет тому назад Артур Бестужев был уважаемым профессором и заведующим кафедрой Санкт-Петербургского университета, а Анна Николаевна Шувалова работала под его чутким руководством. Но однажды он оказался вовлеченным в весьма рискованную историю, связанную с самыми сокровенными тайнами средневекового ордена тамплиеров и, более того, вовлек в эту историю и Анну, и даже Трубецкого, с которым был знаком и дружил много лет. Для Бестужева попытка раскрыть загадки древнего ордена едва не закончилась трагедией, и, если бы не Сергей Михайлович с Анной, которые буквально вырвали Артура Александровича из рук современных последователей рыцарей Храма, вряд ли бы он сейчас с ними разговаривал. В последний раз они виделись с Бестужевым на Святой земле, где тот, находясь под впечатлением от случившихся с ними событий, добровольно избрал путь духовного очищения через уединение и покаяние. Затерянный замок в Альпах, принадлежащий какому-то из вариантов «мирового правительства», был последним местом на земле, где Трубецкой и Шувалова готовы были встретить Бестужева.

— Артур Александрович? — прервала наконец затянувшуюся паузу Анна. — Это не мираж, это — вы? Как такое может быть?

— Здравствуйте, Аня, Сергей. — Бестужев был спокоен. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций: он, видимо, прекрасно себя контролировал. — Это я, и я рад вас видеть.

Бестужев выглядел великолепно. Среднего роста, коренастый, он ранее был склонен к полноте. Ныне же Артур Александрович похудел, и ему очень даже шел приталенный костюм, а лицо с несколько крупноватым носом, волевым подбородком и хитрыми глазами сияло ухоженной, гладко выбритой кожей и легким загаром.

— Но как... — Анна даже не нашлась, что сказать, а Сергей Михайлович хранил молчание. — Вы что же, имеете отношение к тому, что мы находимся здесь? — после паузы спросила Шувалова. — Что тут вообще происходит? Как вы сюда попали?

— Я могу объяснить, если интересно. После того как мы расстались тогда, возле горы Фавор, я много путешествовал по Святой земле, побывал в Сирии и Египте, изучал древние рукописи, в том числе видел и такие, о существовании которых современная наука даже не подозревает. У меня была возможность познакомиться со многими просветленными людьми — провидцами, монахами, раввинами, священниками. И я пришел к весьма неутешительным выводам, думаю, примерно к таким же, к каким пришли и вы, изучая коптский манускрипт и рукописи в библиотеке Ватикана. Прежде всего я понял, что на протяжении всей истории человечества духовные устремления людей были банально поставлены на службу сугубо материальным целям. Практически везде государственная машина просто и цинично использовала веру в Бога сначала для подчинения, а затем и управления отдельными кастами, целыми народами и странами. Причем началось это все задолго до Христа. Вспомните Египет, Вавилон, Иудею, Индию и так далее. Политика и религия особенно тесно переплетались на протяжении последних двух тысяч лет. И это происходило повсеместно, начиная с императора Константина и заканчивая современными исламскими республиками, Ватиканом, некоторыми монархиями и квазисекулярными государствами. Я убедился, что этому процессу бесполезно сопротивляться, все зашло слишком далеко. Даже если кто-то попытается раскрыть глаза людям на то, как цинично эксплуатируются их духовные потребности, они не поверят и просто забьют его камнями — это в лучшем случае. А раз так, то человечество заслуживает консервации существующего порядка вещей. Пусть люди и дальше продолжают покорно подчиняться воле служителей разнообразных культов, вместо того чтобы самим взять и во всем разобраться, самостоятельно выбрать, в кого и как верить, отделить веру в Бога от церемониальных и иерархических надстроек, принимая решения сознательно, имея всю полноту информации и необходимый объем знаний. Я просто встал на сторону сильных. Их организация, мощь, здоровый цинизм — вот что поражает и, я бы сказал, завораживает.

— То есть, я так понимаю, вы своего Бога или, вернее, богов уже нашли, Артур Александрович? И что же вы хотите от нас? — на этот раз слово взял Трубецкой. Он стоял, скрестив руки на груди, и молча, с весьма хмурым выражением лица разглядывал гладкого и холеного типа, который когда-то был его другом.

— Ну что ж, раз все ясно, тогда перейдем к делу. — Бестужева, видимо, сентиментальные воспоминания ничуть не тревожили, хотя Сергей Михайлович с Анной в свое время спасли ему жизнь. Впрочем, чему удивляться: *в мире власти и денег нет места человеческим чувствам и сентиментам.*

— Видите ли, — продолжил он, — у нас возникли некоторые проблемы. Если с западной частью христианского мира все более-менее ясно и нам удалось закрепить на II Ватиканском соборе в догматической конституции о Церкви «Lumen Gentium» догмат о непогрешимости Папы и обеспечить впоследствии его практическую реализацию, то вот с восточной частью, то есть с православными, одна морока. С Божьей и с нашей помощью институт Римских Пап теперь является неотъемлемой частью исповедуемой нами формулы Царства Божьего на земле. Однако при этом на православном, так сказать, фронте у нас гораздо более скромные успехи. Брожение среди восточных церквей, которые продолжают множиться и выступать самостоятельной интеллектуальной и организационной силой, является крайне нежелательным.

— Мы-то тут при чем? — не выдержала Анна. — Мы ведь сугубо светские люди.

— Вы, Анна Николаевна и Сергей Михайлович, волею случая узнали слишком много из того, что вполне серьезно могло бы поколебать авторитет Церкви в контексте ее взаимодействия с государством. Нас это не устраивает, и я уполномочен сделать вам предложение о сотрудничестве. — Бестужев выдержал паузу, как бы подчеркивая важность того, что он собирался сказать. — Мы хотим, чтобы вы стали проводниками идей мирового правительства на Востоке, в среде ортодоксальных христиан. Ведь если знание о том, что Иисус, возможно, не был распят, а догматы христианства в их современном виде являются продуктом совсем не его проповедей, но приняты голосованием собрания епископов, которых, кстати, на это никто не уполномочивал, да еще через триста лет после того, как Спаситель приходил к нам, станет всеобщим достоянием, то мир просто рухнет. Мы не можем этого допустить.

— Я правильно вас понимаю, — Сергей Михайлович говорил сухо и по-деловому, — что вы предлагаете нам принять непогрешимость Римского Папы, поверить в чистилище, в непорочное зачатие не только Иисуса Христа, но и Девы Марии, ее посмертное телесное вознесение на небо, о чем, благодаря тому же Папе, стало известно лишь в 1950 году, и все такое прочее? Без нашего участия процесс театрализованного почитания остатков «одежды Христа», кусочков креста, на котором он был распят, гвоздей, которыми его прибавали к кресту, и других чудотворных реликвий вам кажется неполным? Может, нам еще и обет безбрачия принять? Когда-то я думал, что целибат у католиков — это нечто вроде монашеского отречения от мира для достижения более высокой духовной гармонии... А оказалось, что его ввели в XIII столетии, чтобы не допустить раздела церковных земель между наследниками священнослужителя!

— Все это совершенно не обязательно, — Бестужев тоже перешел на сугубо деловой тон. — Католики верят в одни мифы, православные — в другие, а мы ничего не имеем против права свободного выбора, кому и в какие мифы верить.

— Ах, так! — разгорячился Трубецкой. — Тогда вы, кстати, не объясните ли нам, почему по церковным канонам принято крестить младенцев, хотя сам Иисус крестился в тридцать лет? Если вы за право выбора, то почему мы не даем нашим детям возможность самим выбирать, в кого верить и к какой конфессии присоединяться? Впрочем, я догадываюсь, каков будет ответ: ваше «мировое правительство» уже все решило за нас всех — что нам лучше, а что хуже.

— Не преувеличивай, Сергей. Тебя послушать, так все беды — от католиков и от заскорузлых традиций. А при Петре Первом православная церковь разве не стала частью

государственного аппарата? А разве монастыри в России не являлись крупнейшими собственниками земель и крепостных? Православная церковь активно противодействовала отмене крепостного права, выступала за сохранение телесных наказаний, призывала паству к покорности и смирению. Это все общеизвестно, и поэтому не стоит перекладывать все грехи на одни плечи. На самом деле ни Всевышнему нет никакого дела до наших мелких меркантильных интересов, дрызг и проблем, ни мировому правительству некогда заниматься такими пустяками. *Люди сами выбирают, каким реликвиям поклоняться и какие ритуалы соблюдать.* И если кому-то нравится обрезать, а кому-то креститься, то мы тут ни при чем. Так же, как никто никого не неволит крестить детей в младенчестве. Где такое сказано? Еще раз повторю тебе — каждый сам выбирает свой путь. Помнишь, как сказал святой апостол Павел в Первом послании к Тимофею: *«Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос...»* Кто же виноват в том, что люди просто-напросто ленятся самостоятельно прочитать не то что всю Библию, но даже Новый Завет, а слушают то, что скажут им проповедники? А проповедники ведь разные бывают. Так стоит ли служить им, этим ленивым и ограниченным людям, или лучше встать на сторону сильных и умных, которым хватает ума держать массы всех этих «человеков» под контролем?

— Где-то я такое уже слышала. Не в нацистской ли Германии похожие речи произносили про «высшую расу» и тому подобное? — Анна была вне себя от возмущения.

— Нацизм тут притянут за уши, бросьте. Мы ни в коем случае не призываем к насилию и вовсе не утверждаем, что одна раса или какая-то из религий выше другой. *Мы просто используем тот самый уровень погружения в духовное рабство, который человечество само, добровольно избрало для себя, для управления глобальными процессами.* В этом нет ничего плохого, если хорошенько подумать.

— Если хорошо подумать, то хочется дать тебе в морду, извини за недипломатическое выражение, — снова вступил в полемику Трубецкой. — Ты на полном серьезе предлагаешь нам присоединиться к вашей деятельности по управлению толпой, типа, как высшим существам? Ты в своем уме?

Бестужев, видимо, начал терять терпение. Он помолчал несколько секунд, затем произнес с нотками угрозы в голосе:

— Я не собираюсь долго вас уговаривать. От вас ничего особенного не требуется. Не нужно принимать католицизм, делать обрезание и надевать тюрбан. Живите, как жили. Просто со временем нужно будет опубликовать пару монографий, с десятков статей, выступить с серией лекций, тематику и направленность которых мы вам подскажем, да и с материалами поможем. Подумайте. У вас отсюда есть только два выхода: или туда, — он показал рукой на окно, где уже стемнело, — а там очень холодно и вы легко и просто замерзнете, а уж то, что вас никто там не найдет, так это гарантия. Во всяком случае, до сих пор не находили. Или — к нам. Так что или вы соглашаетесь сотрудничать, и тогда мы подпишем небольшой контракт, в котором все и оговорим, или... Решать вам. У вас есть время до завтра.

Глава 11

Я спасу мир от твоего бессмертия!

Гай Понтий Пилат, жестокий правитель Иудеи, тщетно пытался справиться с нахлынувшим на него раздражением. Было очевидно, что Каифа пытается втянуть его в какую-то странную историю, прислав этого полоумного арестанта на суд римского префекта, но в какую? Решение следует принять до наступления праздника, и времени на тщательное расследование просто нет. А еще этот хамсин...

— Что ты думаешь об этом деле, Афраний? Ты ведь все слышал, вернее, подслушивал, не так ли? — Пилат присел на кушетку. — Подать мне вина! — громко крикнул он. В зал тут же вбежал чернокожий слуга с кувшином прохладного красного вина, налил его в чашу и подал своему господину. Пилат взял чашу и сделал несколько жадных глотков. После этого префект жестом отпустил слугу.

— Конечно, я же должен знать обо всем важном, что происходит в Ершалаиме, — спокойно и с достоинством ответил стоявший перед Пилатом начальник тайной полиции Иудеи после того, как слуга вышел из зала. — Тем более когда рассматривается такой исключительно сложный случай.

— Да, случай непростой, — согласился с ним Пилат. — Скажи мне свое мнение об этом человеке. Что ты и твои люди знают о нем?

— Два дня назад он вошел в Ершалаим через Цветочные ворота. Его сопровождали несколько человек, которые называли его равви, то есть Учитель, величали также Сыном Отца Небесного. А еще на базарах и площадях вдруг стали повсеместно говорить об ожидаемом пришествии пророка из рода царя Давида, который станет новым царем Иудеи. Если соотнести эти факты, то получается, что он очень опасен. Хотя, с другой стороны, про приход мессии, который должен принести избавление иудейскому народу, они говорят каждый год.

— Вот-вот, и я думаю о том же. Тогда почему ты считаешь, что он опасен? Для кого? Для Ирода или для Рима? Он поддерживает повстанцев-зелотов? Состоит в сговоре с этими убийцами сикариями?

— Нет, — как-то неохотно признался Афраний, — я не могу этого утверждать. Впрочем, мы знаем, что некоторые из сопровождающих его людей вооружены.

— А как обстоит дело с его благородным происхождением из рода царя Давида?

— У нас нет уверенности и на этот счет, — снова, будто сомневаясь в сказанном, произнес начальник тайной полиции. — Но исключать ничего нельзя, поскольку точной информации о его родителях пока нет. Ищем.

— Я все равно не вижу никакого вреда от всего этого. Ну, называют его Сыном Отца Небесного, так что? Обычные для Иудеи дела. Пророки здесь на каждом шагу, какого иудея ни возьми — типичный пророк, да и только! Накануне праздника, когда в Ершалаим стекается столько народу, их должно быть в наших краях особенно много. Странно еще, что такой мессия только один объявился.

— Ты, префект, без сомнения, прав. Но в этом деле важно также и то, что до сих пор ни один из так называемых иудейских пророков не заходил столь далеко в споре с местными книжниками и фарисеями, как этот. Ибо иудеи верят в единого Бога, который, как они считают, избрал их народ среди всех других народов. И ты сам видишь — нет с ними сладу. Иешуа же из Назарета Галилейского говорит, что Бог един для всех и что все народы равны перед ним — иудеи, эллины, римляне. И еще говорит он, что Бог есть Любовь.

Представь себе теперь, что будет с империей, если все народы станут верить, как иудейский, в единого всеобщего Бога? И при этом они не будут бояться его, но будут любить. Они перестанут признавать римских богов и причисленных к ним императоров. Единый Бог может стать той объединяющей идеей, вокруг которой сплотятся те, кому ненавистен Рим. Как же тогда управлять этими народами? Как на это посмотрит кесарь? Именно поэтому я думаю, что следует утвердить приговор о его казни. Каифа хочет его смерти потому, что учение Иешуа есть покушение на власть первосвященника, на закон иудейский. Каифа злобен и честолюбив, но он не глуп. Мои люди также докладывают, что дело это рассматривал царь Ирод, который поддержал решение Каифы. Редкое единодушие для этих двух скорпионов, обычно готовых съесть друг друга! Для империи же Иешуа опасен с той точки зрения, что...

— Я хочу знать, что думают о нем иудеи, — грубым окриком прервал его Пилат. Заумные речи Афрания иногда его очень раздражали. — Не твое дело рассуждать об интересах империи! Это моя привилегия!

— Да, префект, — Афраний почтительно поклонился, — прошу простить меня. Я буду краток. Мы знаем, что у него есть последователи, точное число которых установить довольно трудно, но у него есть влиятельные враги, которые нам известны. Если казнишь его — нельзя исключить бунта кучки его последователей, а не казнишь — наживешь смертельных врагов среди его могущественных противников. Все равно ведь приговор вынес синедрион, ты лишь не противься ему...

В этот момент в комнату вошел писарь. Афраний поклонился и беззвучно ретировался на балкон. Он всегда чувствовал, в какой момент ему лучше было уйти.

— Прибыл Каифа, — доложил Марк. — Прикажете провести его сюда?

— Нет, пусть ждет в зале суда. Мы с ним там поговорим, — ответил Пилат. — А тем временем пусть стража приведет мне сюда этого Иешуа из Назарета.

— Так ты совсем не так прост, каким кажешься, — такими словами встретил Понтий Пилат арестанта. — Как успел ты за столь короткое время нажить себе столько смертельных врагов?

— У меня нет и не может быть врагов, — ответил на это Иешуа. — Я люблю всех людей, и я никому не сделал зла.

— Заблуждаешься, у тебя есть множество врагов, и они сильны и могущественны. А твоя проповедь о едином вселюбящем Боге и о его царстве на земле — это ошибка, цена искупления которой — твоя жизнь.

— О нет, префект, это совсем не так! Нести людям истину не может быть ошибкой. Бог — един, и я лишь его посланник, призванный свидетельствовать об этом. Он — Отец Наш Небесный, и для него все дети равны и любимы.

— Я это уже слышал, не утомляй меня понапрасну. Впрочем, оставим богов в покое. Ответь мне прямо и сейчас: являешься ли ты потомком царя Давида и — смешно сказать — претендуешь ли ты на царство Иудейское?

Иешуа пожал плечами.

— Зачем мне все это? Да и какой из меня царь?

Лицо Пилата вдруг налилось кровью. Он в ярости вскочил с кресла и закричал:

— Нет, я не верю тебе! Ты все лжешь! Я знаю, что ты задумал! Ты хочешь сделать людей равными перед единым для всех Богом? И плебея, и торговца, и римского гражданина, и сенатора? Эллины, римляне, сирийцы, египтяне — все одинаковы перед ним? С иудеями с их Богом и Храмом и так сладу нет, день ото дня ждешь то волнений, то восстания, так ты и всех остальных толкаешь на такой же путь? Конечно, зачем тебе какое-то царство, если ты задумал усадить над всеми единого Бога, стать его наместником и получить сразу всю Вселенную? Хочешь стать царем царей? Разрушить империю? Свергнуть власть Рима? Как смеешь ты подвергать сомнению божественность кесаря, как смеешь ты оспаривать пантеон римских богов?

Я, префект Иудеи, Идумеи и Самарии, всадник Гай Понтий Пилат, заявляю тебе, что знаю только одного Бога и служу ему, — это император Тиберий, и другого Бога для народов империи нет, быть не может и никогда не будет!

— Ну что ж, *каждый сам выбирает, кому служить и кому молиться*, — с необыкновенным спокойствием в голосе произнес Иешуа. — И в чем моя вина? Я же говорю тебе — я только выполняю волю Всевышнего, и не в твоей воле изменить то, что им предназначено...

— Ты ошибаешься! — вновь вскричал Пилат. — Лишь воля Рима есть воля богов, и эта воля священна! Я не дам распять тебя, обвинить Рим в убийстве пророка из рода Давида и поднять восстание! Я спасу мир от твоего бессмертия!

— Но это ничего не даст и ничего не изменит. То, что должно, все равно свершится, и истина о едином вселюбящем Боге останется истиной, которая не зависит от твоей власти. Я не знаю, о каком восстании ты говоришь, — насилие чуждо мне, ибо я точно знаю, что *нельзя сделать свободной жизнь одного, лишив свободы и жизни другого*.

Но Гай Понтий Пилат его уже не слышал. Он решительным жестом приказал страже увести арестанта, а сам отправился в зал суда. Там его ожидал первосвященник.

Иосиф бар Каифа, высокий, с длинной черной, тщательно расчесанной и завитой бородой, богато разодетый по случаю праздника в шелка и в мудреном головном уборе первосвященника, одиноко, опершись на посох, стоял в зале суда, когда туда вошел Понтий Пилат. Префект с трудом сдерживал свои чувства. Ему, наместнику Рима, хотелось не разговаривать вот так, запросто и на равных, с надоевшим ему служителем иудейского Бога, а судить его, сидя в кресле на возвышении, как это было только что с этим непонятным Иешуа из Назарета! Но до поры до времени он вынужден был мириться и с Каифой, и с его прислужниками.

Вслед за Пилатом в зал вошел и пристроился за своим столиком его верный секретарь Марк. Каифа обернулся на звук шагов и первым приветствовал префекта поклоном головы. Римскую власть он ненавидел, но уважал. Впрочем, иного выбора у него и не было.

— Мир тебе, Гай Понтий Пилат. Ты меня звал — я пришел, — сухо произнес Каифа. — Для меня это всегда честь и радость.

«Так я тебе и поверил», — подумал Пилат. Но вслух лишь ответил:

— И тебе желаю здравствовать, первосвященник Каифа. Тяжелый сегодня день. Каифа и глазом не моргнул.

— Да, хамсин... Да и праздник требует внимания.

— Все ли спокойно в городе? Как встречает Пасху народ иудейский? — для видимости поинтересовался Пилат, жестом приглашая Каифу пройти вдоль зала.

— Все хорошо, благодарю тебя, — осторожно ответил первосвященник. — Праздник — это всегда великая радость.

— А как чувствует себя уважаемый Ханан бар Шет?

Они остановились. Пилат знал, как задеть Каифу. Ханан бар Шет был тестем Каифы и занимал пост первосвященника до него. Многие в Ершалаиме говорили, что именно ему, а вовсе не Каифе по-прежнему принадлежит реальная духовная власть в Иудее. Он был главой влиятельного клана, и все его сыновья, как и теперь зять Иосиф, станут в свое время первосвященниками.

— В последнее время его здоровье несколько пошатнулось. — Каифа старался не показать своего раздражения, хотя у него это плохо получалось. — Но он бодр и шлет тебе свои приветствия.

Пилат вдруг решил перейти сразу к делу. Разводить длинные церемонии в такую жару ему было лень. Да и голова раскалывалась от ноющей боли в висках.

— Я позвал тебя, Каифа, чтобы обсудить одно весьма странное дело. Я тут сегодня разбираю обвинения против осужденного Малым синедрионом бродячего философа. — Он сделал паузу и нарочито демонстративно крикнул секретарю: — Марк, как его имя?

— Иешуа из Назарета Галилейского, — услужливо подсказал Марк.

— Да, этого самого, — продолжил Пилат. — Так вот, я решительно не понимаю: что мудрейшие и старейшие представители народа иудейского нашли крамольного в его проповедях и деяниях?

Каифа, очевидно, ожидал этого вопроса. Он посмотрел в глаза префекту и со всей возможной твердостью в голосе сказал:

— Мы требуем распять его.

«Требуем! — подумал Пилат. — Вот до чего доводит заигрывание с храмовыми служаками! Они теперь требуют».

— Но в чем его вина? — спросил он.

— Он покушался на закон иудейский, смущал умы людей в Храме, утверждал, что он — Сын Отца Небесного.

— Да он просто полоумный, этот Иешуа. Его, право же, не стоит распинать только за это. — Пилат подошел к своему креслу и уселся в него. Первосвященник остался стоять, словно подследственный, посреди зала. Это было унижительно, но Каифа стерпел.

— Мне жаль, Гай Понтий Пилат, но в этом наши мнения не совпадают, — холодно и даже с угрозой выговорил он.

И в этот момент Марк, писарь и секретарь суда, подал знак Пилату с просьбой разрешить ему подойти. Тот жестом велел Марку приблизиться.

— Простите, префект, что я вмешиваюсь. — Марк, согнувшись в почтительной позе, подошел к креслу, в котором сидел Гай Понтий Пилат, и тихо заговорил тому на ухо: — Я хотел бы вам кое-что предложить. Видите ли, у нас на утверждении есть еще один приговор — разбойнику и убийце по прозвищу Варавван. Имя этого разбойника — тоже

Иешуа! Такое вот совпадение. Кроме того, его прозвище по-арамейски звучит как Бар-Абба — в буквальном переводе это означает не что иное, как «сын отца». Каифа обвиняет Иешуа из Назарета в том, что тот величает себя «Сыном Отца Небесного». Тогда спросите его, как будто бы в насмешку, согласен ли он, что вы утвердите приговор Иешуа, «сыну отца». И когда он ответит утвердительно, отдайте приказ распять Вараввана. И никто не посмеет сказать, что вы не выполнили требование закона. Тем более что по закону одного из них вы можете помиловать в честь праздника, если пожелаете. А с Иешуа из Назарета мы потом разберемся.

Пилат внимательно выслушал Марка, склонив голову набок. Затем коротко кивнул, отпуская его на место, за столик писаря. Он ненадолго задумался, потом поднял голову и посмотрел прямо в глаза Каифе.

— Так ты, первосвященник, просишь — окончательно и бесповоротно — утвердить приговор бродяге и разбойнику по имени Иешуа, который именуется «Сыном Отца»?

— Да, и к этой просьбе присоединяется весь синедрион.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! Я утверждаю смертный приговор Иешуа...

Он сделал паузу. Каифа же удовлетворенно кивнул, поклонился и быстро вышел из зала. Ему просто не терпелось закончить этот неприятный разговор.

— Иешуа Бар-Абба! — продолжил Пилат, когда Каифа уже был за дверями. — Так и запиши, Марк: Иешуа Бар-Абба!

Каифа еще не успел покинуть пределы дворца Ирода, как решение римского суда было подготовлено, подано на подпись и утверждено Пилатом. Марк по поручению префекта отдал необходимые распоряжения страже и, сославшись на усталость, испросил разрешения удалиться в свои покои. Однако на самом деле он вовсе не имел намерения отдыхать. Первым делом Марк направился к стоящей на специальной подставке в углу его комнаты большой шкатулке с документами, открыл ее особым ключом, который был только у него, после недолгих поисков достал из нее какой-то свиток и торопливо пробежал его глазами. Убедившись, что это именно тот манускрипт, который он искал, Марк тщательно запечатал его в небольшую кожаную сумку и спрятал ее на самое дно стоящего здесь же, в комнате, сундука для одежды. Лишь после этого он позволил себе присесть и выпить глоток вина.

Все будет так, как приказал Гай Понтий Пилат. Однако нельзя было исключить, что префект принял бы другое решение, если бы знал, что к бумагам, представленным ему на рассмотрение по делу о подсудимом Иешуа из Назарета, в качестве вещественного доказательства прилагались найденные на месте его ареста свитки с записанными неизвестным учеником словами и деяниями Учителя. Очевидно, автор манускрипта случайно его обронил или намеренно выбросил во время стычки с солдатами из отряда храмовой стражи Баруха в Гефсиманском саду. Когда Марк прочитал эти свитки, он счел благоразумным не показывать их префекту, а сохранить у себя. Чутье подсказывало ему, что история Иешуа из Назарета только начинается и свитки, теперь надежно спрятанные среди его белья и одежды, еще сыграют в ней свою немаловажную роль.

Глава 12

Свобода для избранных

Утром следующего дня Сергея Михайловича разбудил настойчивый стук в дверь. Впрочем, разбудил — это громко сказано. Для того чтобы кого-то разбудить, нужно, чтобы этот кто-то спал. А Трубецкой едва сомкнул глаза после того, как вчера вечером их с Анной развели по разным комнатам с наглухо зашторенными окнами, где, кроме кровати, тумбочки и туалета с душем, ничего не было.

Он встал и только успел надеть свитер и джинсы, как дверь отворилась и вошел герр Миссершмидт. Он был одет в теплую куртку с капюшоном и сапоги из меха наподобие якутских анчур.

— Пойдемте, я хочу вам кое-что показать, — весьма неприветливо сказал он, забыв даже поздороваться. — Я вижу, вы меня плохо поняли, когда мы с вами разговаривали по телефону. Документы-то у вас в портфеле оказались совсем не те — копии, да еще и неполные. Я же вам ясно дал понять, что нам нужны только те, которые вам прислала Анна. Вы что, решили с нами шутки шутить? Ну что ж, пошли пошутим. — В его голосе сквозили раздражение и угроза.

Сергею Михайловичу ничего не оставалось, как выйти из комнаты и направиться за ним. Короткий коридор, в который выходило несколько абсолютно одинаковых дверей, упирался в площадку с лестницей и лифтом. У дверей лифта они столкнулись с Анной, которую сопровождал охранник. По ее воспаленным глазам Трубецкой понял, что она тоже не спала.

Прибыла кабина лифта. Они вчетвером зашли в нее, и герр Миссершмидт нажал на верхнюю кнопку с двумя английскими буквами «НР». Эта кнопка находилась над целым рядом других, обозначенных цифрами от -2 до 4. «Ничего себе, — подумал Трубецкой. — Да тут целое многоэтажное здание с подземным бункером... Интересно, что такое НР?» Лифт остановился. Герр Миссершмидт демонстративно запахнул куртку, застегнул ее, накинул капюшон, и дверь лифта отворилась...

Холод был такой оглушительный, что Трубецкой с Анной даже ничего не успели осознать. Они будто прыгнули в прорубь, почувствовав, как вмиг стало трудно дышать. Охранник весьма грубо подтолкнул их к выходу, и Сергей Михайлович понял, что они оказались, по-видимому, на крыше здания. Она была покрыта тонким слоем снега со льдом и продувалась ледяным ветром. Посередине крыши был нарисован светящийся круг с двумя буквами в самом центре: НР. «Heliport! Место для посадки вертолетов», — мелькнуло в замерзающей голове Трубецкого. Охранник подтолкнул их, и они прошли к краю крыши, которую опоясывал невысокий барьер. Герр Миссершмидт обернулся и прокричал, перекрывая шум ветра:

— Посмотрите вокруг хорошенько и подумайте о своем будущем! Если не согласитесь сотрудничать с нами, мы для очистки совести просто отпустим вас на волю, но при этом закроем дверь!

Сергей Михайлович подошел к краю крыши и посмотрел вниз. Обрыв был, очевидно, глубиной в несколько сот метров, а вокруг — скалы да снега. Он уже не ощущал ни рук ни ног, как вдруг они явственно услышали характерный гул двигателей. Прямо из низко висящей белоснежной тучи вынырнул небольшой вертолет. Когда машина мягко приземлилась на крыше, оттуда выпрыгнул человек и, не обращая на них внимания, сразу же направился к лифту. Охранник жестом велел Трубецкому и Анне сделать то же самое. Они — теперь их стало пятеро — вошли в лифт и начали спускаться. Сергей Михайлович

и Анна в своей легкой одежде промерзли до костей и с трудом понимали, что происходит вокруг. Однако даже в таком состоянии их удивлению не было предела, когда прибывший на вертолете человек откинул капюшон и расстегнул куртку. Это был Натан Ковальский.

Они вышли на разных этажах, но буквально через несколько минут встретились с ним все в той же комнате, где вчера беседовали с Бестужевым. На этот раз стол был сервирован всем необходимым для чая. Натан зашел в комнату, поздоровался и как ни в чем не бывало пригласил их присесть за стол. Так они и сделали — Натан сел рядом с Анной, а Трубецкой напротив них, через стол. Сергей Михайлович не стал церемониться и налил им с Анной чаю — согреться после такой прогулки было совсем не лишним.

— Спасибо, что пригласили на чай, — не без ехидства в голосе произнес он. — Весьма оригинально все получилось. А я-то уже подумал грешным делом, что нас там оставят замерзать.

— Я не буду вдаваться в прелюдии, Сергей, думаю, что вам с Анной в целом уже все понятно, — сказал на это Ковальский. — Ребята оттуда, — он показал пальцем вниз, очевидно намекая, что хозяева замка обитают на его нижних этажах, но вышло это очень символично, как намек на преисподнюю, — попросили меня приехать, чтобы дать вам еще один шанс. Будем обсуждать? Есть вопросы?

— Будем обсуждать. Есть вопросы, — ответила Анна. — Не кажется ли вам подлым ваше поведение в монастыре? Это благодаря вам я здесь?

Она обхватила чашку с горячим чаем обеими руками, стараясь хотя бы чуточку согреться, и не отрываясь смотрела прямо в глаза Ковальскому.

— Нет, мне ничего не кажется, — холодно произнес Натан. — Я только выполнял свою работу. А попали вы сюда благодаря не мне, а вашему неумному любопытству и брату Михаилу, который посмел не только допустить вас в хранилище, но и оставить в ваших руках крайне важные документы.

— А что, брат Михаил тоже на вас работает? — изумилась Шувалова.

— Ну, не то чтобы работает, но мы ему помогли в свое время, теперь он помогает нам. Вы попробуйте пересечь четыре границы — из Афганистана в Израиль без документов, сами все поймете.

— Но зачем вам все это?

— Ответ прост — в этом пространстве, между Тигром и Евфратом, в Персии, Сирии, Иудее зарождалась современная цивилизация. Тут много чего происходило, и не только и даже не столько в контексте истории христианства. Тут где ни копни — что-нибудь историческое да найдешь. А ребята оттуда, — он снова показал пальцем вниз, — уделяют очень большое внимание историческим корням, построению правильных исторических параллелей и меридианов, которые потом и становятся самой историей, попадают в учебники и обосновываются в научных трудах и монографиях.

— Вы хотите сказать, что они пытаются управлять даже историей? Влиять на будущее через прошлое?

— Еще как пытаются, — ответил Натан, — и у них это очень даже хорошо выходит. Поэтому все, что может поколебать утвержденный канон, подлежит либо уничтожению,

либо забвению. Их вполне устраивает современная концепция христианской религии, а вы нашли нечто, представляющее угрозу. Результат налицо: вы здесь, но из уважения с вами пытаются договориться.

— У меня тоже есть тьма вопросов, — вступил в разговор Трубецкой. — Например, как ты сюда попал? Впрочем, нет, это не столь важно. Ответь мне вот на какой вопрос: почему это ваше «мировое правительство» так печется о сохранении жестких и заскорузлых догматов Церкви? Вы умеете просчитывать наперед? Вы подумали, к чему это приведет в будущем? Давайте идти назад, к рабству, только теперь не к физическому, а к духовному? И как все это соотносится с гуманистической философской доктриной христианской религии?

— Сергей, ты всегда был интеллектуалом, что очень приятно. Ты попал в точку, хотя, конечно же, в данном случае речь не идет о рабстве в буквальном смысле этого слова, — это пройденный этап. Скорее, имеется в виду построение определенной системы духовного подчинения, корни которой скрыты в любой религиозной системе, в том числе и в христианской доктрине. Мы просто следуем канонам Святого Писания и тому, чему учили иерархи Церкви. Позволь сделать небольшой экскурс в историю, а потом будешь делать выводы сам.

30 октября 332 года император Константин, великий и просветленный творец христианской мифологии, издал грозный указ против бегства колонов: *«Тот, у кого будет найден чужой колон, должен не только вернуть его к месту его происхождения, но и заплатить за него подушную подать за то время, которое колон у него находился. А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковать в кандалы как находящихся в рабском положении, чтобы они были принуждены в наказание исполнять рабским способом обязанности, приличествующие свободным»*. Ты знаешь, кто такие колоны? Мелкие землевладельцы, использующие преимущественно свой труд и труд членов своей семьи для обработки арендованной земли. То есть, по-нашему, Константин ввел крепостное право. И это — в IV веке, всего через семь или восемь лет после Никейского собора, когда над ним, по идее, уже должна была бы воссиять благодать христианской философии всеобщей любви!

Далее. В проповедях Христа, донесенных до нас евангелистами в том виде, в котором они изложены в современном варианте Нового Завета, нет ни единого намека на призыв к борьбе с существующим тогда имперским строем, с Римом. Иисус никогда и нигде не выступал против рабовладения — экономической базы могущества империи. Еще более определенно по этим вопросам выступали апостолы. Особенно важны высказывания апостола Павла — одного из самых активных проповедников христианства среди язычников в разных регионах империи. Развивая мысли Учителя, в своем письме к эфессянам апостол Павел писал: *«Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом»*. В послании к колоссянам он повторяет эту же мысль: *«Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога»*. В первом послании к Тимофею апостол Павел обращается к этической стороне отношений рабов к рабовладельцам: *«Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, кто имеет господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны*

служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им. Учи сему и увещевай». В письме к Титу Павел требовал: «Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего Бога». Ту же мысль высказывал святой апостол Петр в своем первом послании: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым».

Очевидно, что подобный взгляд апостолов Христовых на рабовладение был не случайной оговоркой, а выражением соответствующей системы взглядов христиан. Столь же четко апостол Павел сформулировал отношение христианства к светским властям. В письме к римлянам он четко декларирует свою позицию по этому вопросу. *«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести».* В письме к Титу апостол Павел еще раз напоминает, что следует учить людей *«повиноваться и покоряться начальству и властям».* Ему вторит Петр в своем первом послании: *«...Бога бойтесь, царя чтите».* А теперь вспомни то, что тебе уже известно — процесс формирования композиции Нового Завета, то есть включения в него именно этих писем и посланий был начат в ходе Никейского собора под чутким руководством императора Константина лично. Нужны еще комментарии? Усилиями и устами самих апостолов почти две тысячи лет тому назад было обосновано взаимодействие власти и Церкви, ибо *«нет власти не от Бога»!* Нам ли спорить с этим? В одной из богословских новелл византийского императора Юстиниана, датированной 535 годом, четко и прямо говорится: *«Высочайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, — это священство и царство. Первое служит делам божественным, второе заботится о делах человеческих... Оба исходят из одного источника...».* Из всего этого следует, что заскорузлые, по-твоему, догматы Церкви и ныне очень выгодны тем, кто находится при власти и правит этим миром. Было бы удивительно, если бы они не воспользовались таким мощным инструментом.

— Я просто в ужасе, — выслушав его, произнес Трубецкой. — Ты же ученый, как ты можешь все так передергивать? Ведь известно, что все эти апостольские призывы и заявления нельзя понимать буквально и, кроме того, их следует рассматривать в конкретном историческом контексте! В первом веке нашей эры, в условиях Римской империи, ни на что другое и нельзя было рассчитывать, ибо рабовладение было основой экономики того периода. В то же время зарождающееся христианство проповедовало всепрощение, милосердие, любовь и мир, так чего же еще можно было ожидать от апостола Павла, тем более что сам он никогда Христа не видел и все, что говорил и писал, — тому позже научился. Ведь ты же отлично знаешь, что первоначально он был гонителем христиан и лишь со временем переменял свое мировоззрение! И потом, Новый Завет — это не буквальное руководство к действию, а собрание философских трактатов, по анализу и интерпретации которых написаны тома... Разве становление единой Церкви,

пусть с жестким внутренним устройством и каноническими правилами, не сыграло положительную роль в развитии Римской империи, как и Византии, как и Киевской Руси, других государств? Был ли другой рецепт выживания новой религии в языческом окружении? Да, возможно сейчас следует кое-что пересмотреть, потому и простили друг другу раскол католики и православные, потому и идут дискуссии, как, например, об отношении Церкви к абортам. И поныне во многих молодых странах Церковь помогает сформировать национальную идею, идентичность, если хочешь... Это никак не вяжется с твоим передергиванием догматических фраз из Нового Завета. Кстати, я тебе как лингвист скажу — еще неизвестно, правильно ли переведены эти фразы с оригиналов. Да, власть повсеместно стремится к использованию духовной сферы в своих интересах, это очевидно, так не есть ли благородной задачей просто дать людям честную информацию и предоставить возможность самим выбирать, во что верить, кому служить, каким канонам и традициям следовать. Ну и что, что непогрешимый Папа Римский издал чуть ли не запрет на использование противозачаточных пиллюль? А миллионы католиков во всем мире как их принимали, так и продолжают принимать! И слава богу, что люди имеют свою голову на плечах. Таких примеров десятки! Вот те же протестанты, они ведь вообще, в принципе, не признали непогрешимость римского епископа.

Сергей Михайлович сделал паузу и продолжил:

— Ты же сам мне рассказывал в Лондоне о существовании версии, по которой Иисус не был распят. Ты что, врал или потчевал меня детскими сказками? С каких пор ты, серьезный ученый, начал думать, что кто-то должен решать за людей, что им нужно знать, а что нет, во что им верить и каких богов отправить в небытие? Натан, я просто не верю, что ты мог так изменить свое мировоззрение. *Люди сами должны выбирать себе богов, и никто не имеет права влиять на их свободный выбор.*

Ковальский сидел склонив голову и слушал весь этот монолог молча. Потом он взял лист бумаги и, делая вид, будто просто чертит карандашом, написал: «Они помогли мне с работой и обустройством, когда я выехал. Конечно, я не верю в этот бред. Я помогу вам». Он незаметно показал этот лист Трубецкому, затем Анне, сложил его пополам и, спрятав во внутренний карман, опустил руки под стол.

— Аня, а ты что думаешь? Ты с Трубецким заодно или как? — громко спросил он для отвода глаз.

— Конечно, заодно. Особенно как женщина, то есть свободное духом существо, я совершенно не приемлю никакого духовного насилия. Я хочу сама все знать и сознательно делать выбор! Я не берусь оценивать то, что случилось в прошлом, но, с моей точки зрения, продолжать использовать институт Церкви для достижения меркантильных целей в наше время — просто подло. И мы в этом участвовать не собираемся.

Иисус, в моем понимании, принес в мир идею о любви как о силе, которая только и способна поднять человечество на новый духовный уровень развития, минуя страдания и конфликты. Поэтому он не мог говорить в своих проповедях ни о каком насилии. Его послание было простым: Бог есть Любовь, примите Его, следуйте Ему, ибо это и есть тот путь, которым нужно идти. Он говорил: любите Бога, себя, окружающий вас мир, других людей, даже врагов. Но человечество так до сих пор и не услышало его, во многом подменив истинное духовное совершенствование ритуальной и обрядовой оболочкой. Я не исключаю, что одна из причин такой ситуации — неправильное толкование его учения

теми же апостолами. Они ведь не родились святыми и вполне могли неверно истолковать идею о любви как идею о подчинении, подменив эти понятия и освятив тем самым рабство. И это неминуемо должно было быть использовано властью имущими! Но так ведь не может продолжаться вечно, и я верю, что наступит день, когда люди сами, без посредников и переводчиков, научатся говорить с Богом и поймут, что истинный путь — это любовь без изъятий и ограничений, а не подчинение и не слепое следование догматам!

Пока она говорила, происходило следующее. Ковальский незаметным движением передал ей под столом какой-то предмет. На ощупь Анна поняла, что это небольшой пистолет. Натан взял еще один лист бумаги и написал: «Я сейчас встану и повернусь так, чтобы прикрыть камеру наблюдения. Когда зайдет герр Миссершмидт, вы приставите пистолет к моей спине и потребуете, чтобы вас и меня вывели наверх, на вертолетную площадку. Вертолет еще там, он ждет меня, но мы сможем улететь вместе. Это единственный шанс».

— Ну что ж, — громко сказал он вслух, — я сделал все, что мог, и, как Понтий Пилат, умоваю руки. Теперь мы не скоро увидимся, если вообще увидимся когда-нибудь.

Он встал, повернулся к ним спиной, одновременно закрывая Анну от камеры наблюдения, и нажал на какую-то кнопку. Дверь отворилась, и вошел герр Миссершмидт. В этот момент Анна достала пистолет и решительным движением приставила его к спине Ковальского. На лице Миссершмидта, очевидно, не ожидавшего такого развития событий, отразились удивление и испуг, и он тотчас замер. Трубецкой приблизился к нему и с угрозой в голосе произнес:

— Только без глупостей!

— Тихо, не нужно волноваться, — добавила Анна. — Мы просто поднимаемся все вместе наверх, все будет хорошо. И никто не пострадает.

— Но у вас ничего не выйдет, — сказал герр Миссершмидт, — охрана уже все засекла и заблокирует лифт.

— Не выйдет у нас, не выйдет и у вас, — ответила Анна и коротко приказала: — Пошли!

— Секундочку, — вмешался Трубецкой и спросил, обращаясь к герру Миссершмидту: — У вас же есть средства связи? — Тот утвердительно кивнул. — Тогда передайте охране, чтобы она нам не препятствовала.

Герр Миссершмидт после короткой паузы достал рацию и сказал несколько коротких фраз по-немецки. Затем они все вместе вышли в коридор и направились к лифту. Охраны действительно не было видно. В такой комбинации — Анна вплотную с Ковальским и Трубецкой, прикрываясь Миссершмидтом, — они зашли в лифт и стали подниматься вверх. На крыше было так же холодно, как и ранее, только ветер чуть стих. Через считанные секунды они уже сидели в вертолете и Анна, пригрозив летчику, велела заводить двигатели. Когда они были готовы к взлету, Сергей Михайлович оттолкнул от машины герра Миссершмидта и скомандовал летчику: «Взлетай!» Еще через минуту вертолет уносил ее, Трубецкого и Ковальского прочь от замка. Сергей Михайлович оглянулся и посмотрел вниз. Место, где они провели два последних дня, действительно поражало. Прямо над отвесным обрывом, среди неприступных скал, стоял величественный замок, слегка напоминающий «Ласточкино гнездо». В его окнах на нижних этажах горел свет. Видимо, там шла кропотливая работа над составлением новых

планов. К счастью, это уже никак не касалось ни Анны Николаевны, ни Трубецкого. Во всяком случае, пока не касалось.

Глава 13

Он не был распят, но спасен

«Афраний! Значит, это все-таки был он, верный, надежный, незаменимый и всезнающий начальник тайной службы Иудеи. Предатель! Доносчик!» — Гневу Гая Понтия Пилата не было предела. В ярости он мерил широким шагом зал для гостей в его резиденции в Кейсарии Приморской. Спасибо Титу Валерию Туллию, старому боевому товарищу, а то он так бы никогда и не узнал о предательстве Афрания и продолжал бы доверять ему самое сокровенное. Теперь его, Гая Понтия Пилата, отзывают в Рим, и защиты ждать неоткуда — Сеян обвинен в заговоре и казнен, и все это еще неизвестно чем кончится. Пригрел змею на груди! Ему, больше солдату, чем политику, было совершенно непонятно, как такое могло произойти. Десять лет они вместе с Афранием обходили все хитросплетения местной политики. Десять лет в боях означали бы для Пилата братство, которое ничто не могло порушить. Такими всегда были его соратники по оружию — командиры римских когорт, манипул и центурий, и даже здесь, в Иудее, они оставались честны друг с другом. Впрочем, следует признать, что в политике дела обстоят иначе, чем в боевом товариществе, и как раз с этой точки зрения все было понятно и объяснимо: *если кто-то доносит тебе на всех остальных, то стоит ли удивляться, что и на тебя рано или поздно тоже настрочат донос, причем сделать это могут одни и те же люди.* Запросто! Гнусная, подлая страна!

Пилат велел позвать командира центурии разведчиков Гнея Корнелия. А когда тот, как и положено боевому разведчику, неслышно вошел, коротко приказал:

— Найти и арестовать Афрания! Сделать все тихо, чтобы ни одна живая душа не узнала. Будь осторожен, у него повсюду свои люди. Возьми с собой только фрументариев, а из них — самых надежных, которым можно доверять, как самому себе.

Гней Корнелий даже глазом не моргнул, хотя приказ префекта был более чем неожиданным. Афраний пользовался в Иудее уважением и авторитетом, его исчезновение не пройдет незамеченным, и не исключено, что в результате они утратят контроль над ситуацией в провинции... Но он привык не обсуждать приказы, а выполнять их. Так будет и в этот раз.

Старому и опытному солдату было невдомек, что Гая Понтия Пилата проблема контроля над ситуацией в Иудее и Самарии больше не волновала. Его вызывали в Рим. И то, что должно произойти с Афранием, было его последним приветом как ненавидимой префектом провинции, так и тому достойному всяческого сострадания римлянину, которому предстояло занять его место.

На сей раз префект Иудеи назначил Афранию встречу не в своих личных покоях, как это иногда случалось, и не в саду, как обычно, а в ненавистном Пилату зале суда. Именно туда привели арестованного начальника его собственной тайной службы. Судя по докладу

Гнея Корнелия, Афраний был выслежен, а затем арестован — тихо и без сопротивления. Как это ни удивительно для такого сурового внешне человека, но схватили его тем же вечером, просто и без затей — в доме у одной из женщин, которые время от времени привлекались тайной службой для выполнения заданий. Видимо, и Афранию ничто человеческое не было чуждо.

Когда Афрания ввели в зал, на Ершалаим уже спустилась ночь. Пилат сидел в своем кресле, положив руки на подлокотники и слегка склонив голову набок. Он пристально смотрел в глаза стоящего перед ним Афрания, будто пытаясь что-то в них прочесть без слов. Бесплезно. В мерцающем свете факелов глаза арестованного были темны, неподвижны и непроницаемы.

— Я даже затрудняюсь, с чего начать, — наконец произнес Пилат. — Может быть, ты сам ответишь на вопросы, о которых, учитывая твой проницательный ум, ты, несомненно, догадываешься?

— Догадываюсь, — с достоинством ответил Афраний. — Но, согласишься, отвечать на незаданные вопросы — это верх неосмотрительности, граничащей с глупостью. А пребывая в зале римского суда со связанными руками, следует быть вдвойне осторожным.

— Да, ты знаменит своей осторожностью. Но и у тебя случаются промахи. Особенно это касается донесений кесарю. Зачем ты сделал это? Кто тебе платит, Афраний? Вернее, платил, потому что деятельность твоя подошла к концу.

— Миром, префект, правят страх и деньги. Страх — это мое ремесло, а что до денег... Я всегда делаю только то, во что верю, и за это беру плату. Это — честный подход.

— Ты смеешь говорить о честности?! Твой донос кесарю — это честно?

Услышав о доносе кесарю, Афраний, как показалось Пилату, вздохнул с облегчением. Очевидно, у него были и другие грехи, по сравнению с которыми письмо Тиберию было не самым ужасным проступком.

— Я обязан был предупредить императора о той ошибке, которую ты совершил, будучи ослеплен ненавистью к Иудее и Каифе. Я же говорил тебе тогда, в тот день перед Пасхой три года назад, что приговор Иешуа из Назарета Галилейского следует утвердить. Ты меня не послушал, и теперь христиане распространились повсюду, а ты ничего не предпринимаешь!

— Какая тебе была разница, Афраний? Ты ведь не римлянин и не иудей — сириец, а это дело касалось только Каифы и Рима. Между нами оно и должно было быть решено.

Афраний, похоже, предпочел бы не отвечать на этот вопрос. Он стоял молча, отведя глаза в сторону. Пилат почувствовал, что попал в точку.

— Почему ты не отвечаешь? Говори! — грозно крикнул Пилат и стукнул кулаком по подлокотнику.

— Да, префект, я сириец, но я римский гражданин, — произнес наконец Афраний. — Твое решение освободить назаретянина было ошибкой, которая, может быть, приведет к непоправимым последствиям. И я не жалею о том, что сделал. Больше я тебе ничего не скажу.

Афраний замолчал.

— Я знаю, — понизив голос, почти шепотом, но злобно произнес префект, — я знаю, в чем дело. Это все ложь для отвода глаз. Что ты понимаешь в делах империи! Просто

Каифа заплатил тебе. Это из-за него ты склонял меня утвердить приговор. Тебе нет и никогда не было никакого дела до судьбы Рима. Он же подговорил тебя написать донос. Ты просто алчный человек, притом — бесчестный. Ты будешь наказан.

Пилат встал и позвал стражу:

— Уведите его. И пришлите ко мне Гнея Корнелия.

Афраний ожидал чего угодно, но только не этого. Без сомнения, он предпочел бы тюремному заключению казнь, но Пилат, видимо, рассудил по-иному. Когда после продолжительной тряски в повозке и перехода по ступеням, которые вели куда-то вниз, ему развязали глаза и руки, он увидел, что находится в каком-то подземелье, выдолбленном в скале, куда свет проникал только через маленькое отверстие в потолке. Вход в пещеру был перекрыт двойной массивной железной решеткой. Двое солдат приковали Афрания одной ногой к железной цепи, длина которой позволяла ему перемещаться по пещере, но не давала дотянуться даже кончиками пальцев до решетки у входа. Очевидно, это было сделано с целью предосторожности, чтобы узник даже и не пытался открыть ее.

Гней Корнелий проследил, чтобы все было сделано, как велел префект, собственноручно закрыл замок на решетке, однако ушел не сразу. Он постоял еще несколько секунд, с сожалением взирая на Афрания с внешней стороны решетки, отделяющей узника от свободы.

— По приказу префекта ты проведешь остаток своих дней здесь, — произнес он. — Незавидная судьба. Впрочем, Понтий Пилат милостив. Он сказал, чтобы я передал тебе, что место это не простое. Эта пещера находится на вершине горы Фавор. Это, кстати, в Галилее, тут и Назарет неподалеку. Последователи бродяги Иешуа из этого самого Назарета верят, что именно здесь, на этой горе, он, которого ты так хотел убить, узнал о своей божественной сущности и преобразился. Они так и говорят об этих местах — гора Преображения. Хотя я лично в это не верю: вот уже скоро год, как тут находится римский гарнизон, и с ним никаких чудес до сих пор не произошло.

Так вот, префект сказал, что если Он захочет простить тебя, то пусть сотворит чудо преобразования и с тобой. А если Он оставит все как есть — так тому и быть, до конца дней твоих ты будешь помнить о том, что намеревался свершить. Все на этом. Прощай.

Гней Корнелий удалился.

Афраний не проронил ни слова. Слишком много он видел в своей жизни, слишком часто сам принимал решения относительно судеб других людей — жить им или не жить, быть или не быть. Он знал, что уговоры и посулы тут бесполезны. Да он никогда и не опустился бы до мольбы. Афраний лишь мысленно послал проклятие Пилату. Это было единственное, что он мог сделать в тот момент.

Сидя в заключении, он часто возвращался к событиям тех дней в поисках согласия со своей совестью и укреплял свой дух. Ведь все было не так, совсем не так, как рассудил Пилат. Никаких денег от Каифы он не брал — это было совершенно невозможно. Просто Афраний понял, какую угрозу несет новое учение Риму, и по своему разумению искренне считал, что требование Каифы о казни Иешуа следовало удовлетворить.

Пилат был прав — Афраний был по происхождению сирийцем из города Босра. Римляне принесли в его город процветание, и, если бы не прозелиты, как называли местных жителей, принявших иудейскую веру, и не переселенцы из Иудеи, все было бы хорошо. Однако гремучая смесь из переселенцев, местного коренного населения и той растущей его части, которая приняла иудаизм, была весьма взрывоопасной. В городе время от времени возникали беспорядки и столкновения, которые жестоко подавлялись римским гарнизоном. Именно тогда он свято поверил в могущество империи и невзлюбил иудеев. Став со временем начальником тайной полиции при префекте Понтии Пилате, он с редким рвением выполнял все, что ему приказывали, был беспощаден и хладнокровен в своих действиях во славу Рима.

Однако после того, что случилось с этим бродягой из Назарета, Афраний затаил злобу на префекта, который не послушал его совета. Ныне Иешуа был признан его учениками и последователями мессией по прозвищу Христос, фактически — Богом. Число их в римских провинциях множилось, а Пилат умыл руки и просто-напросто самоустранился от дел. Христиан, как они себя называли, теперь можно было встретить и в его родной Сирии, и в Египте, и в Малой Азии. Для Афрания же их вера была лишь продолжением веры ненавидимых им иудеев, только отныне они говорили не об абстрактном невидимом и непостижимом Боге, а о вполне реальном Сыне Божьем, которого якобы распяли и который якобы воскрес. И все это — из-за необъяснимого упрямства Гая Понтия Пилата, а он, Афраний, мог поспособствовать окончательному решению этого вопроса и не сумел!

Так что на самом деле Афранию не было никакого дела до Иешуа. Мечь Пилату — все, к чему он стремился. Он долго выжидал, пока наступит подходящий момент, и, когда заговор Сеяна был раскрыт, решил написать кесарю. Афраний знал, что Пилат был назначен по протекции Сеяна, и надеялся таким образом устранить префекта. И он теперь ни о чем не жалел.

Но вот что было необъяснимо и странно: в подземелье ему часто снился этот самый Иешуа из Назарета, причем всегда один и тот же сон: Сын Человеческий в белой тоге идет по пустынной, потрескавшейся от жары и жажды земле Иудеи, и там, где ступает его нога, расцветают цветы и всякие травы и вырастают плодоносные деревья. Они даже разговаривали во сне о Царстве Божьем на земле, о едином вселюбящем Боге, об искуплении грехов и о спасении... «Он был спасен, — стучала в его висках одна и та же мысль, — он был спасен...»

А когда настал его черед и Господь смилостивился и прибрал его к себе, стража просто вынесла тело Афрания и закопала без почестей прямо тут, на горе. Никто из охранников не додумался осмотреть пещеру, а иначе они заметили бы выпарапанную каким-то острым предметом на неподатливом камне короткую надпись на латыни, которую оставил после себя заключенный. Она состояла всего из нескольких слов, которые становились отчетливо видны, если смочить камень водой. Вот они, эти слова: *«Он не был распят, но спасен»*.

Глава 14 В мире православном

Всю дорогу домой, которая заняла у них пару дней, Сергея Михайловича не покидало ощущение какой-то нереальности происходящего. И оно только усилилось, когда им удалось беспрепятственно взять билеты, добраться до аэропорта и сесть в самолет. За время полета Натан не проронил ни слова, и у Трубецкого, сидящего в кресле рядом с уснувшей от усталости Анной, было время спокойно обдумать то, что с ними произошло.

Все выглядело как-то уж чересчур театрально. Похищение в Риме, замок в Альпах, появление Бестужева и затем Ковальского, наконец, — и это самое странное — их чудесно удавшийся побег. Все это напоминало, скорее, очередной фильм об агенте 007, чем реальные события. Ему ужасно хотелось расспросить Натана о пресловутом «мировом правительстве», но тот угрюмо молчал, и Сергей Михайлович решил отложить свои вопросы до Киева. «Может, человек очень переживает по поводу того, что случилось, — думал он, — а я лезу тут со своими вопросами».

И все-таки что-то было не так. Неужели у людей, которые, как утверждал этот недобитый Миссершмидт, правят миром, не было иных возможностей достичь желаемого результата, кроме как похищать их с Анной и устраивать весь этот цирк в замке? Хотя, с другой стороны, соперника не стоит недооценивать — возможно, это была самодеятельность бестолковых подчиненных, а возможно, — какой-то особый план, пока Трубецкому не понятный.

Первые сомнения в его душе зародились уже тогда, когда примерно через час полета над альпийскими вершинами их вертолет благополучно приземлился вблизи маленького австрийского городка с ласковым названием Киндерберг. Там, на стоянке у микроскопического аэропорта, у Ковальского оказалась машина, и они ею воспользовались, чтобы добраться до Вены. Каждую секунду Трубецкой ожидал погони, однако, как это было ни удивительно, никто их не преследовал. Ничто не помешало им взять билеты на самолет до Киева. Сначала было неясно, едет ли с ними Натан, однако когда тот заявил, что у него теперь нет другого выбора, было решено лететь вместе. Два часа полета — и они были дома, где, по мнению Ковальского, им ничего не угрожало.

В городе их пути разошлись. У Ковальского, по его словам, в Киеве были родственники, и он отправился к ним, а Трубецкой с Шуваловой — к себе, на Андреевский спуск. Они ужасно соскучились друг за дружкой и с нетерпением ожидали момента, когда смогут наконец-то остаться одни. *Пусть жизнь и больше, чем любовь, но и любовь занимает в нашей жизни слишком много места, чтобы безрассудно ею пренебрегать.* Впрочем, даже с учетом романтического мировосприятия, которое сейчас одолевало Сергея Михайловича, ему, несомненно, было бы любопытно взглянуть на Ковальского буквально через полчаса после того, как они с ним расстались.

А случилось вот что. Обменявшись с Трубецким телефонами и договорившись созвониться на днях, Натан направился по своим делам. Но по дороге он задержался возле витрины какого-то магазина, заставленной телевизорами. Видимо, в рекламных целях по ним всем одновременно показывали сводку «Евроньюс». Равнодушным голосом диктор сообщал о совершенно неожиданном и резком падении финансовых и фондовых рынков, которое случилось сегодня, банкротстве ряда банков, вооруженных столкновениях в некоторых странах. Между этими новостями затерялось короткое сообщение о происшедшем буквально несколько часов тому назад землетрясении в высокогорной части Альп восточнее города Леобен, которое сопровождалось массовым сходом лавин и

сильнейшим снегопадом. О жертвах не сообщалось, лишь несколько горнолыжных курортов оказались временно закрыты. Услышав эту новость, Натан побледнел, дрожащими руками достал мобильный телефон и начал лихорадочно набирать какой-то номер, затем следующий, затем — еще. Однако куда бы он ни звонил, ему каждый раз на хорошем немецком языке отвечали, что интересующий его абонент находится вне зоны досягаемости станции. И предлагали перезвонить позднее. Ответил лишь один номер, но зато с его обладателем они говорили долго. Очень долго.

Впрочем, что бы ни происходило в мире, сейчас Сергею Михайловичу и Анне было не до того.

— Я тебя больше одну никуда не отпущу, — сказал Трубецкой и двумя руками со всей возможной нежностью обнял супругу, когда они наконец добрались до дома и остались одни.

— Вообще-то, не отпускать — это женская привилегия, — ответила она. — Это мужчины вечно собираются куда-то: то за мамонтом, то на войну, то в поход. Так что ты тоже особо не надейся.

Все дела в тот вечер были отложены. Опьяненные любовью, словно хорошим вином, они просто наслаждались друг другом, впитывая с восторгом каждое мгновение близости, и, казалось, этому блаженству не будет конца... Но уже утро следующего дня застало Трубецкого за рабочим столом, а Анну — сидящую с поджатыми ногами в единственном имеющемся в доме кресле. Глядя на нее, Сергей Михайлович мысленно отметил, как удивительно уютно умеют устраиваться на мягкой мебели женщины: ножки под себя, закуталась в плед, головку склонила набок — и уже такое чувство, что это не она «вписалась» в кресло, а как раз оно окутало свою повелительницу в точном соответствии с очертаниями ее фигуры.

— Мы с тобой должны во всем разобраться. Поскольку манускрипт, Натан, фантазмагория с похищениями, Бестужев, наше чудесное избавление — все это пока с трудом объяснимо и напоминает плохой детектив, — задумчиво сказал Сергей Михайлович. При этом он с нежностью погладил рукой благополучно доставленный на его домашний адрес конверт с отправленными им самому себе из Лондона документами.

— Я могу добавить к этому еще целый ряд «легких» вопросов по содержательной части. Например, так был ли Иисус распят или спасен Пилатом, где он провел восемнадцать лет своей жизни, правду ли о нем написали евангелисты и, наконец, кто он был — тот Бог, в которого мы все теперь верим, или человек, подвергнувшийся обожествлению? — продолжила Анна. — Что будем делать? С чего начнем?

— Я бы не хотел ставить перед собой задачи, которые так и не удалось разрешить людям значительно более информированным, чем мы с тобой, — принялся рассуждать Трубецкой. — Ну, вот скажи, например, а какая, собственно, разница, где провел Иисус часть своей жизни? Пусть в Египте, Индии или в столярной мастерской его земного отца — разве это принципиально? Важно, что в нужный момент он оказался готов к свершению того, что ему было предназначено. С евангелистами вопрос значительно сложнее. Написанное пером — это уже документ, с которым можно и нужно работать.

Однако, например, никто толком не знает, кто такой был этот евангелист Марк, хотя утверждают, что он был ученик Петра. В то же время апокрифическое Евангелие от самого Петра каноническим не признано. Да и насчет евангелиста Луки есть вопросы. Кроме того, как ты хорошо знаешь, существует достаточно обоснованная версия, что Евангелие от Иоанна написано на самом деле Марией Магдалиной, и так далее. Изданы по меньшей мере десятки, если не сотни толстенных книг, в которых скрупулезно, построчно и побуквенно разобраны все четыре Евангелия, выявлены неточности и проблемные моменты, выдвинуты версии — как в поддержку евангелистов, так и против них. Но опять-таки, разве дело в том, насколько точно они описали часть событий из жизни Иисуса из Назарета по прозвищу Христос? Мне кажется, значительно важнее, понимает и принимает ли душой каждый конкретный человек, который считает себя христианином, основную идею христианства, его философию, есть ли в его сердце истинная вера или он способен только обряды соблюдать, да и то максимум — это не есть скоромного в пост.

— Боюсь, что здесь все сильно запущено, — заметила Анна. — Это только для очень продвинутых и хорошо знакомых с первоисточниками людей посредники между ними и Всевышним не нужны. А для большинства простых верующих крайне важно не только придерживаться официального, общепринятого толкования Святого Писания, но и соблюдать обычаи и ритуалы. Все-таки и двух тысяч лет оказалось недостаточно, чтобы окончательно уйти от языческих традиций...

— Подожди-ка, — Трубецкой вдруг стукнул себя ладонью по лбу, — до меня только сейчас дошло... Крутилось-вертелось в голове и наконец сварилось. Скажи, как звали того разбойника, которого, по Новому Завету, требовали освободить иудеи после суда над Иисусом? Варнава?..

— Да нет же, Варавва.

— Точно? Давай проверим.

Они проверили.

— Ну конечно, Варавва, — еще раз сказала Анна с оттенком обиды в голосе. — Почему ты мне не веришь?

— Не сердись, я верю, верю, не в этом дело. А в том, что Варавва — по-арамейски Бар-Рабба́ — буквально переводится как *Сын Учителя*. Однако если исходить из канонического греческого написания этого имени, то выходит Бар-Абба́ — буквально *Сын Отца*. Но такое прозвище означает или просто насмешку, поскольку все мы сыновья каких-либо отцов, или следует сделать отсюда один логический шаг в другом направлении, до сына какого-то особенного отца, а именно — до *Сына Отца Небесного*... Но и это еще не все. Буквально перед тем, как получить твое письмо из монастыря, я занимался изучением вопроса о переводах Библии и мне попался в руки тбилисский кодекс IX века, где, как я припоминаю, указывается, что Варавву звали *Иисусом*. И в армянском кодексе говорится то же самое. Об этом даже Ориген упоминал в своих трудах! И хотя имя разбойника Вараввы встречается только в Евангелии от Матфея, нет оснований отвергать эту версию. Но тогда Иисус Варавва превращается в Иисуса Сына Божьего, в Иисуса Христа! Как тебе такой вариант?

— Звучит заманчиво, хотя и слегка натянуто... — Анна пожала плечами. — Однако какие последствия может иметь эта игра слов?

— Как ты не понимаешь? Вспомни, после суда Понтия Пилата толпа у дворца Ирода кричала: «Отпусти нам Варавву!» Но теперь выходит, что под этим именем можно было легко понимать и Иисуса, Сына Божьего, так что окончательное решение оставалось лично за Пилатом — свободу для кого из них требуют иудеи.

— Не слишком ли много, как для Пилата? И кого распять — ему решать, и кого на свободу отпустить — тоже. Я вообще сомневаюсь, что римский префект — кстати, знаешь ли ты, что он был *префектом* Иудеи, а не прокуратором? — Трубецкой кивнул, — стал бы спрашивать у толпы иудеев совета, что ему делать с заключенными. Это похоже на дешевое заигрывание и для такого жестокого и властного правителя, каким был Гай Понтий Пилат, совсем не характерно.

Они только вошли во вкус дискуссии, как зазвонил телефон.

— Знаешь, после того звонка, когда мне сказали, что тебя похитили, я все еще боюсь брать трубку, — после паузы произнес Сергей Михайлович.

— Нет проблем, — отозвалась Анна, — мы-то с тобой здесь, так что красть им больше некого, — и ответила на звонок. Это был Натан Ковальский. Он звонил, чтобы пригласить их на ужин.

Они встретились через несколько часов в ресторане «Да Винчи» на Владимирской. «Тут все очень дорого, — шепнул Трубецкой Анне, когда они присаживались за столик, — но пицца — лучшая в Киеве, да и кофе неплохой. Очень рекомендую». Однако, как оказалось, чувство голода вовсе не было той основной причиной, по которой Ковальский позвал их в «Да Винчи». Он просто опасался безлюдных мест, а «Да Винчи» безлюдным не бывает.

Он вообще выглядел неважно и совершенно не был похож на человека, воссоединившегося после долгих лет разлуки с Родиной, которая, в общем-то, ничего плохого ему не сделала. Натан все время оглядывался на посетителей, нервно ерзал на стуле и постоянно с жадностью пил воду.

— Натан, успокойся! — наконец сказал ему Трубецкой. — Что с тобой произошло? Мы только вчера расстались, а на тебе уже лица нет.

Ковальский вздрогнул при этих словах, еще глотнул воды, но оглядываться и ерзать перестал.

— Дело в том, что случилось нечто невероятное, невысказанное, — выдавил он из себя полупшепотом. — Они, — он показал на этот раз пальцем вверх, — исчезли.

— Кто это — «они»? — спросила Анна. — А-а-а, эти ваши, я надеюсь, бывшие боссы из «мирового правительства»?

— Тише, тише, я прошу вас, — замахал руками Ковальский, — вы не знаете, с кем имеете дело, не поминайте их всуе.

— Ты про них говоришь, как про имя Божье, — вставил реплику Трубецкой. — Однако если они исчезли, так чего же ты боишься?

— Но этого не может быть. Они — все-мо-гу-щи! — по слогам произнес Натан. — На телефоны не отвечают, а в новостях говорят, что вскоре после нашего побега в Альпах

случилось землетрясение. Кроме того, сообщают о банкротствах банков, падении бирж... Все это плюс их исчезновение — взаимосвязанные вещи, я уверен.

— Вы хотите сказать, что этого замка, где мы были, уже не существует и он исчез вместе с его обитателями? — Удивлению Анны не было предела. — Как это чудесно с их стороны — нагадить и сразу после себя убрать!

— Простите, Анна Николаевна, но ваш сарказм... — Натан, казалось, подыскивал подходящее слово, чтобы продолжить фразу, но не находил.

— Подожди, Натан. — Трубецкой был крайне серьезен. — Какие биржи и банки? Они, по-моему, все время то падают, то банкротятся, в чем же сейчас специфика ситуации?

— Банки, — почти торжественно произнес Ковальский, — просто так никогда не банкротятся. И биржи ни с того, ни с сего никуда не падают. Поверьте, мне известно об этих ребятах не так уж и мало, поэтому я могу утверждать, что все это плановая, даже рутинная работа по легальному перекачиванию больших, очень больших денег из одних карманов в другие. Вот, например, банк с активами в сотни миллионов долларов объявляет, что он банкрот, потому что у него якобы обязательств во много раз больше, чем активов, да и кредиты невозвратные накопились, то да се... Проходит некоторое время, и какой-нибудь другой банк, у которого большое, доброе сердце, берет и тихо забирает этого «банкрота» с потрохами, и все успокаиваются. В результате эти миллионы, или даже миллиарды, преспокойно перекачываются из одного кармана в другой. А как иначе это можно было бы сделать — враз переместить такие суммы? Наличкой? Банковский трансферт? Исключено! А так все просто и красиво, никаких тебе налогов и минимум контроля. Но вот если надо какую-нибудь собственность трансфернуть, то тут им лучший помощник — фондовая биржа. Сначала играешь на понижение, затем скупаешь акции за бесценок, потом присылаешь в облюбованную тобой компанию пару хмурых ребят с документом от регистратора, что собственник-то уже другой. — Ковальского, как это с ним иногда бывало, понесло. — Но вершина мастерства — это какой-нибудь локальный или глобальный финансовый кризис. Тут, правда, без прессы не обойтись. Одно-два громких дела о нецелевом, как у вас тут говорят, использовании средств какими-нибудь инвестиционными фондами, ну, к примеру, пенсионными, — и ага, имеете панику, падение валют, все начинают скупать доллары и фунты, закрывать заводы... А никто почему-то не задумывается над простой истиной: ведь сумма общественных богатств никуда же не делась, просто произошла переоценка единиц измерения. То есть деньги в печку никто не бросал, дома в преисподнюю не попадали, заводы и фабрики как стояли, так и стоят, люди продолжают есть, покупать вещи, дома и машины, любить, рожать. Просто надо было кому-то расчистить рынки, кому-то похоронить конкурентов, где-то поменять правительство, кого-то посадить на иглу внешних займов. Ну, несколько перераспределятся финансовые потоки, ну, станет немного меньше «воздушных» или, точнее сказать, виртуальных денег, подумаешь... Так что, кому кризис, а кому отец родной.

Сергей Михайлович слушал и все больше поражался сказанному. Пусть Ковальский и не был великим экономистом, но вещи, которые он говорил, выглядели вполне логично.

— Да кто они такие, в конце-то концов? — возмущенно спросил он. — У них есть имена, фамилии, семьи, дома? Они едят? Спят? Или это какие-то полубоги?

— Не волнуйся, все у них есть, только в отличие от многих плохо воспитанных выскочек, которые лишь недавно стали миллиардерами, *они могут позволить себе роскошь жить скромно*. Например, я как-то случайно в Нью-Йорке встретил одного из них, так он приехал в офис на «линкольне» — модель «таункар» 1992 года выпуска. А второй мой знакомый уже чуть ли не третий год ходит в одном и том же галстуке... Так что в миру ты их можешь и не признать — им не нужны дешевая реклама и публичная демонстрация их состояний и возможностей. А у этих ребят, поверь мне, и то и другое — практически безграничны.

— Хорошо, — вмешалась Анна, — давайте вернемся к нашим проблемам, мы ведь не из тех, кому есть что терять, кроме как только друг друга. Хотелось бы услышать ваши разъяснения, Натан, что же все-таки от нас хотели эти «мировые правители»?

— Ладно, отбросим ложный стыд и скромность, — махнул рукой Натан. — Я, конечно, не имею права вам все это рассказывать, но теперь уж будь что будет. Дело в том, что одним из концептуальных вопросов, над которым работают сейчас десятки специалистов в разных странах по заданию этих ребят, — это разработка технологий активной манипуляции общественным сознанием. Для этого используются различные каналы массовой информации, культурные проекты и тому подобное. Но особый интерес в этом контексте представляют религиозные институты. Их «технологи» уже преуспели в католическом мире, несколько меньше — среди протестантов, очень успешно сработали в исламских государствах, все просто отлично налажено в ортодоксальных иудейских общинах по всему миру. А вот с православными вышла незадача. Понимаешь, у вас тут нет четкой и понятной организации. Пять, так сказать, главных патриархатов, еще то ли двенадцать, то ли тринадцать канонических, несколько непризнанных, каких-то автокефальных, — в общем, полный хаос или, как это любят у вас называть, демократия. Никто не понимает, как с этим бороться и как всем этим управлять. Особенно сложно разобраться, что к чему, и действовать здесь, в славянском мире, ведь главные патриархаты Восточной церкви — Константинопольский, Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский — находятся в чуждых православию странах. Только Московский — здесь. Но патриархат-то в Москве, а духовная столица славянского мира, восточный Иерусалим, — это же Киев, что бы там Москва ни говорила. Все отсюда началось, поэтому и возникла идея привлечь к работе экспертов, желательно именно из Киева, а тут вы, Анна, подвернулись с этим манускриптом. Ну а Сергей Михайлович — известный ученый, практически классик, иметь такой штык любому отряду почетно. Там, в замке, были лишь несколько человек, которые занимаются именно духовной составляющей проекта рая будущего. В другом месте другие люди занимаются геополитикой, а где-то решают финансовые вопросы. Но как там дальше у них все устроено, я, честно говоря, не знаю — не допущен... Но теперь что уж говорить, — закончил он свою речь, пожав плечами, — наверное, вся эта деятельность надолго прекратится.

— Будем надеяться, — сказала Анна. — Что вы теперь намерены делать?

— Я вернусь в Лондон, — ответил Натан. — У меня там дом, семья, работа. Ведь есть «мировое правительство» или нет, а история жизни и служения Иисуса Христа по-прежнему полна загадок и интересуется миллионы людей. Значит, нам есть еще над чем

работать. — Кстати, — спросил он, как будто бы мимоходом, — а вы обработали материалы по тому коптскому манускрипту, который обнаружился в монастыре?

— Да, — беспечно ответила Анна, — я уже подготовила статью и планирую отослать все документы в редакцию институтского журнала прямо на днях.

Ковальский одобрительно кивнул. Он подозвал официанта и расплатился за ужин.

— Понимаю, понимаю. Ну что ж, желаю успеха, — сказал он, вставая из-за стола и уже собираясь уходить, как вдруг Трубецкой его остановил.

— Подожди секундочку, Натан. Ты прости меня за этот вопрос, но я все же хочу тебя спросить: в чем была основная причина того, что ты эмигрировал на Запад? Обида? Поиск лучшей доли? Деньги?

Упоминание о деньгах было не слишком вежливым жестом, но Натан, очевидно, пропустил его мимо ушей.

— Видишь ли, Сергей, однажды я понял простую истину: *чтобы стать пророком в своем Отечестве, его сначала нужно поменять*. Вот я и менял, — сказал он без малейшего сожаления в голосе и с тем откланялся.

Сергей Михайлович и Анна Николаевна вышли из «Да Винчи», когда уже начало смеркаться. По дороге домой Трубецкой поинтересовался мнением Анны об услышанном.

— Мне почему-то кажется, что все это звучит как-то чересчур, — ответила она. — Ты не находишь? Послушать Натана, так нет объективных экономических законов, реальных ошибок людей и банков, настоящих банкротств и приобретений — все это тайный план и козни всемогущего «мирового правительства», которое паутиной своих планов и проектов опутало весь мир. И с религией он это все сильно преувеличивает, все-таки сегодня XXI век на дворе, и не так уж просто манипулировать людьми с помощью церковных институтов. А ты что думаешь?

— Трудно сказать... Скорее всего, ты права. Складывается впечатление, что у него была цель сильно нас напугать, но при этом создать видимость, что все позади и никакого «мирового правительства» уже не существует. Тебе не кажется? Иначе зачем было обо всем этом говорить? Мы ведь не собирались распространяться о путешествии в Альпы, а даже если бы и собрались, кто бы нам поверил — сказали бы, что все это выдумки. Честно говоря, я думаю, что мы об этих горных ребятах еще услышим. Но знаешь, там, в ресторане, пока Натан излагал нам все эти свои теории, мне почему-то вдруг вспомнилось, как я сам пришел к Богу. Хочешь, расскажу? — неожиданно спросил Трубецкой, сменив тему. Анна кивнула. — Так вот, мне было тогда лет семь или восемь и я никогда в жизни не слышал ничего ни об Иисусе Христе, ни вообще о существовании Бога — в моей семье это было не принято. Родители не верили ни в какие высшие силы, я был некрещеный, книг в доме на эту тему не водилось, а вокруг — коммунизм в самом расцвете. И вот однажды ночью я проснулся от боли в животе с правой стороны. Мне стало страшно, что это аппендицит, — а про него я уже был в курсе, — и надо было что-то предпринять. Нормальный ребенок что делает? Бежит к маме, и она его успокаивает. А я ни с того, ни с сего вдруг начал молиться. Я даже помню, что придумал какую-то свою особенную молитву и принялся неистово креститься, хотя до этого никто меня не учил, как это делается, — в общем, чистая мистика. И что ты думаешь? У меня все прошло! С тех пор боль в том же месте возникала много раз, я вырос, но продолжал с ней бороться тем же способом, одной и той же придуманной мною молитвой, — и всегда помогало. И

только уже в зрелом возрасте я узнал, что эта боль была вызвана какой-то врожденной проблемой и ее легко было устранить с помощью диеты. Но тот случай так на меня повлиял, что на следующий день, когда я перестал быть комсомольцем, я надел крестик и с тех пор, как ты уже знаешь, никогда его не снимаю. Только попов не очень люблю — слишком редко мне встречались среди них действительно умные и просветленные люди.

— А у меня все было как раз наоборот. И дедушки с бабушками, и папа с мамой были верующими, в церковь по воскресеньям ходили, иконы в доме держали. С самого детства Дед Мороз был для меня непонятным персонажем, а вот прихода Святого Николая с его подарками я ждала с нетерпением. Я же ко всему еще и Николаевна! Только помню, что первые сомнения у меня в душе зародились, когда я случайно попала в дом к нашему местному священнику. Городок-то у нас был рабочий, не очень зажиточный, а настоятель местного храма жил, как падишах — в огромном доме, с хозяйством, садом, машиной... Я тогда вернулась домой в шоке. Как же так, думаю, мои родители честно работают день и ночь, но у нас максимум роскоши — это черно-белый телевизор, а у батюшки — дворец, полный добра, это почему? Я даже для себя решила — пойду в священники, хорошая это, наверное, работа. И когда в классе мы писали сочинение о том, кто кем хочет быть, я взяла и написала, что хочу стать священником. Вот скандал был! Маму в школу вызывали, грозили всякими карами, так она сначала хотела меня наказать, а потом на смех подняла — хохотала вместе с отцом до слез. Тогда-то я и узнала, что девочки священниками быть не могут. Это было огромное разочарование! Но с тех пор я для себя решила, что у меня с Всевышним будут свои отношения, без всяких посредников и толкователей! Так вот и живу.

Они миновали Андреевскую церковь и Замоктовую гору и уже через несколько минут были дома, где любовь снова накрыла их своим невесомым, но таким сладким покрывалом... Трудно сказать, осознавали ли они в тот момент, что *именно так, через Любовь, которая делает двоих единым, Бог снова и снова приходит в наш мир. Именно так, через Любовь, Он проявляется в судьбе каждого человека, кто сумеет принять Его, приближая тем самым истинное Царствие Небесное, о наступлении которого две тысячи лет назад говорил Иешуа из Назарета по прозвищу Христос...*

Прошло несколько дней, и жизнь покатила своим чередом. Анна подготовила к публикации сенсационную статью об открытиях, сделанных ею в монастыре Святого Георгия, а Сергей Михайлович продолжил работу над проблемами перевода Библии. Однажды вечером он сидел в своем домашнем кабинете и смотрел по телевизору программу новостей. Вдруг, словно маленький ураган, в кабинет ворвалась Анна и возмущенно сообщила, что все материалы по статье о коптском манускрипте, отосланные ею в журнал, затерялись и их никак не могут найти. Сергей Михайлович утешил ее, как мог, и пообещал завтра же связаться с редактором и попросить его личного вмешательства. После этого он отправил Анну в кухню заваривать чай.

И тут Трубецкой увидел нечто, с трудом поддающееся осознанию. Передавали очередной сюжет из новостей. Как сообщил за кадром диктор, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры по случаю какого-то религиозного праздника состоялась торжественная

литургия, которую служил сам киевский митрополит при участии многих православных иерархов, приглашенных в качестве гостей. И вот в одном из высокопоставленных священнослужителей, которых показали во время торжественной службы крупным планом, Трубецкой без труда опознал своего бывшего друга и в прошлом профессора истории Санкт-Петербургского университета Артура Александровича Бестужева. В тот же день по каналу «Би-би-си» сообщили о банкротстве одного из старейших банков Англии и назначении нового президента Библейского общества Великобритании. Им стал, как подчеркнул комментатор, выходец из бывшего СССР Dr. Natan Kovalski. Журналисты, разумеется, не связывали эти два события между собой, а Сергей Михайлович Трубецкой, для которого они могли бы означать нечто большее, чем для всех остальных, этот выпуск новостей пропустил.

Глава 15

Не убий!

Когда брат Михаил вышел из монастырской библиотеки, уже стемнело. Он тщательно запер дверь, положил связку ключей в карман надетых под рясой брюк и на минутку остановился, чтобы полюбоваться необыкновенной красотой ночи, опустившейся на окружающие монастырь горы.

Стояла полная луна, и в ее холодном голубоватом свете редкие деревья, колючий кустарник и разбросанные повсюду огромные валуны отбрасывали продолговатые тени, напоминая не то театральные декорации, не то космический пейзаж. Было свежо, как это всегда бывает вечером в пустыне, когда солнце, безжалостно палящее целый день, скрывается наконец за горной грядой. Брат Михаил глубоко втянул ноздрями уже ставший для него родным воздух, напоенный едва ощутимым ароматом трав и накопленным за день теплом камней.

За все в жизни нужно платить, и за спокойные годы, прожитые в трудах духовных, — в том числе. Собственно, выбора-то у него и не было, как и паспорта, и поэтому покинуть монастырь по своей доброй воле и удариться в бега было для него делом практически невозможным. Те же люди, которые много лет тому назад помогли ему пересечь четыре границы, теперь предъявили счет. И все это — из-за той русской женщины, которую он допустил в хранилище. Не нужно ему было с ней связываться, ни к чему хорошему это не привело... Но кто же взялся бы тогда предположить, что среди какого-то хлама ей удастся раскопать настоящую сенсацию, которая, как выяснилось позднее, могла иметь плохо предсказуемые для верующих-христиан последствия? И все же, хотя в Бога брат Михаил верил искренне, глубоко чтил традиции и наставления Церкви и свято придерживался канонов Нового Завета, он не раскаивался, что так вышло, только сожалел о случившемся, ведь никакого злого умысла в его действиях не было. Знал бы — и сам бы не допустил, чтобы какие-то манускрипты, написанные неведомо кем и неизвестно когда, поставили под сомнение всю ту целостную и гармоничную картину мира, в котором он жил на протяжении стольких лет после побега из афганского плена.

Поэтому, когда к нему заявился этот Натан Ковальский и изложил суть того, что от него требовалось, брат Михаил сначала решительно и категорически отверг поступившее предложение. Когда-то давно покушение на жизнь других людей было для него, в

прошлом боевого офицера, делом вполне привычным. Теперь же об этом и помыслить было совершенно невозможно. Но ему не предоставили выбора, и под угрозой сдачи властям брат Михаил был вынужден принять условия игры. Он еще раз вдохнул прохладный воздух пустыни, в котором явно чувствовалась горчинка припозднившихся к осени трав, и отправился в келью. Ему нужно было еще собраться, приготовить все необходимое и помолиться перед дальней дорогой.

— Ну что, Герхард, как я вижу, побег вам удался, — произнес человек, сидевший в огромном глубоком кресле, отделанном темно-зеленой кожей с золотой инкрустацией и от этого весьма смахивающем на трон. Честно говоря, он выглядел в нем весьма забавно, так как человек и кресло были по своим размерам совершенно несоизмеримы. Для любого стороннего наблюдателя при одном взгляде на кресло становилось вполне очевидным, что место для сидения было специально спроектировано так, чтобы подчеркнуть важность его хозяина. То есть это был именно тот случай, когда место красило человека, а не наоборот.

Герр Миссершмидт, которого хозяин кресла называл просто по имени — Герхард, вошел в комнату минутой ранее и ныне с подобострастным выражением на лице внимал каждому слову этого человека.

— Да, сэр, — отвечал герр Миссершмидт. — Все получилось как нельзя лучше, сэр.

Они вместе смотрели на экран большого монитора, где снова и снова прокручивалась видеозапись недавнего побега Шуваловой и Трубецкого из замка.

— Однако вы рано радуетесь. — Человек сдвинул брови и слегка подался вперед. — Вы сделали огромную глупость, привезя этих двоих сюда. В этом решительно не было никакой необходимости, и ваша самодеятельность в перспективе может дорого нам обойтись. Теперь они слишком много знают и с них нельзя спускать глаз. — Он постучал своей холеной ручкой по столу, и Миссершмидта на мгновение ослепил отблеск перстня с огромным кроваво-красным рубином на безымянном пальце правой руки хозяина. — Натан должен сделать все, чтобы наконец изъять эти коптские документы, но вы в любом случае готовьте план ликвидации ненужных свидетелей. Какие предложения?

— На этот случай у нас продуманы два взаимодополняющих сценария развития событий. — Герр Миссершмидт горел желанием сгладить свою вину. — Для начала через контролируемые нами средства массовой информации уже сегодня пройдет дезинформация о землетрясении, которое якобы случилось в нашем районе Альп, а также о паре банкротств и падений индексов бирж в Азии. Мы также сменим номера, известные членам нашей сети, чтобы создать видимость катастрофических последствий мнимого стихийного бедствия. Даже Натан об этом плане пока ничего не знает, поскольку мы хотим, чтобы его реакция на эту новость была естественной, мы все объясним ему позже.

Далее, в одном из христианских монастырей в Израиле у нас есть законсервированный человек, который просто идеально подходит для выполнения задания по ликвидации ненужных свидетелей. Во-первых, он в прошлом — боевой офицер, то есть владеет всеми видами оружия. Во-вторых, он знает Анну Шувалову и Натана Ковальского в лицо, но при этом больше никого из сети не знает. В-третьих, он немой, что исключает утечку информации через телефон, да и вообще затрудняет его

общение с окружающим миром. В-четвертых, он по происхождению русский и поэтому для него поездка в Киев — все равно что на родину. Наконец, у него нет паспорта, а угроза тюрьмы для человека, который провел много лет в афганском плену, хуже смертной казни. Так что мы его полностью контролируем. Прикажете активировать?

— Действуйте! А вы умеете быть расторопным, Герхард, когда захотите, — прозвучало из глубины золотисто-зеленого трона. — Мне нравится ваш план. Только уж в этот раз попрошу без излишней самодеятельности! А я, пока у нас тут будет землетрясение, пойду сыграю пару партий в бридж. Идите, вы свободны.

Герхард, не меняя преданного выражения лица, вышел. Оставшись один, человек в кресле сладко потянулся, зевнул, поднялся из глубин своего трона и, неслышно ступая по мягкому ковру, удалился в боковую дверь.

Тит Валерий Туллий вышел из дворца Юпитера и вздохнул с облегчением. Кажется, ему удалось и императора удовлетворить, и спасти своего боевого товарища Гая Понтия Пилата от немедленной и жестокой расправы, на которые был скор — и тем знаменит — император Тиберий. Поговаривали, что многие, очень многие представители римской знати были казнены по его приказу за значительно меньшие проступки. В Риме шептались, что вроде бы бывали случаи, когда император приглашал того или иного сановника на прогулку и, проходя с ним вдоль тропы над высоким обрывом, просто сталкивал бедолагу в море, что затем преподносилось публике как несчастный случай. Так что префект Иудеи еще хорошо отделался.

Он все еще сжимал в руке только что дарованный ему императором перстень с огромным кроваво-красным рубином, не решаясь его надеть. Настроение было превосходным, и Туллий решил немного прогуляться по парку, разбитому вокруг стоящего на скале над морем дворца. Выйдя из тени деревьев на освещенную солнцем дорожку, он с удовольствием позволил его лучам поиграть с драгоценным камнем. Подарок выглядел восхитительно. Тит Валерий так засмотрелся на камень, что не обратил внимания на стук копыт, который быстро к нему приближался. Когда он поднял голову и оглянулся, было уже поздно. Прямо на него неслась запряженная парой лошадей римская боевая колесница. Единственное, что он успел разглядеть перед тем, как лошади смели его с дороги, это то, что управлял колесницей сам Невий Серторий Макрон — префект преторианской гвардии, сменивший несколько лет назад некогда могущественного Сеяна, обвиненного в заговоре и казненного по решению сената.

Сделав свое дело, Макрон остановил колесницу. Лошади еще храпели от быстрой скачки и нетерпеливо перебирали ногами. Префект преторианцев сошел с колесницы, погладил каждую из лошадей по морде, успокаивая их, и лишь после этого приблизился к распростертому на дороге телу Туллия. Тот лежал без движения, но еще дышал. В пыли возле тела Макрон вдруг увидел перстень с рубином, который больше был похож на сгусток живой крови, чем на бездушный камень. Он взял перстень в руки, очистил от пыли и надел на безымянный палец правой руки. Кроваво-красный рубин восхитительно сверкал на солнце. «Отличная плата за работу, — подумал он, — хотя, конечно, кое-что еще причитается и с Калигулы». Макрон снова обратил внимание на подающего признаки

жизни Туллия. Дело еще не было сделано! Он вернулся к колеснице, подогнал ее поближе и не без труда взгромоздил на нее тело. Затем, уже никуда не спеша, проехал в самый конец парка к обрыву. Там он без всякого сожаления и угрызений совести буквально выкатил Туллия на дорогу, дотащил до края скалы и столкнул вниз... Он уже не раз проделывал эту процедуру. Будучи сыном раба, Макрон сам — своей силой, напором, не останавливаясь ни перед чем, — пробил себе дорогу в командование преторианской конницей. Теперь он хорошо знал себе цену — за ним стояла императорская гвардия, которая видела в нем не столько политика и царедворца, везде воздвигавшего свои статуи и требовавшего им поклоняться, но равного с ними солдата. Однако при этом Макрон не гнушался самой грязной работы — как было и в этот раз, — если она позволяла укрепить его положение. Гай Калигула — будущий властитель Рима — искал повода ускорить уход Тиберия, и одним из возможных способов было вызвать неудовольствие двора ничем не объяснимой жестокостью императора. Гибель одного из близких к нему людей, каковым был Тит Валерий Туллий, должна была спровоцировать очередную волну слухов и озлобленности. Это была его, Калигулы, идея — убрать Туллия, и Макрон лишь помогал молодому наследнику трона расчистить путь к вершине...

Тогда Макрон еще не знал, что жить ему осталось менее двух лет и что, видимо испытывая особую благодарность к префекту преторианцев, который помог ему прийти к власти, Гай Юлий Цезарь Германик, уже став императором Калигулой, не станет его убивать. Он просто принудит Макрона и его жену совершить самоубийство. А перстень с кроваво-красным рубином, ставший символом обмана и измены, тогда же перейдет к новому правителю Рима.

Чем дольше брат Михаил размышлял о том, какое испытание ему предстоит, тем более глубокие сомнения его охватывали. И он решил испросить совета у высших сил. Он взял лестницу и тихонько, чтобы его никто не видел, взобрался в расположенную прямо на отвесной скале рядом с монастырем келью пророка Илии, который, как верили монахи, провел в ней в свое время несколько лет. Там, в тесной и закопченной комнатке, где было лишь несколько икон, подсвечники и импровизированное ложе, он упал на колени и начал неистово молиться.

«Илия сокрыт был вихрем, — и Елисей исполнился духом его», — так описывает апокрифическая Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, вознесение пророка Илии на небо. Согласно ей Илия оставил пророку Елисею свою верхнюю одежду, сбросив ее к тому же с огненной колесницы. Величайший из святых, само имя которого переводится с древнееврейского «Элияху» как «Бог мой Господь» не раз приходил на помощь пребывающим в заботе и печали послушникам монастыря. Но говаривали, что являет он мудрость и милость свою лишь изредка, когда воля самого Творца излиться желает. И проявляется это якобы в том, что лампадка перед его иконой чудесным образом загорается сама, да таким пламенем, которое не обжигает.

Брат Михаил молился долго и горячо. Он испрашивал совета у Того, Кто Знает Все, и просил укрепить его дух перед неожиданным испытанием. А когда открыл глаза, то увидел, что лампадка перед ликом святого пророка зажглась и горит крохотным золотым

огоньком. Он поднес к ней ладонь правой руки. Огонь не обжигал. И в тот самый миг он вдруг чудесным образом понял, что ему нужно делать...

Следующим вечером брат Михаил, уже переодетый в гражданскую одежду, с аккуратно подстриженной бородкой и новеньким паспортом гражданина Греции в руках, без проблем прошел паспортный контроль и контроль безопасности перед полетом. Он расположился в кресле в зале ожидания аэропорта Бен Гурион, с немалым удивлением рассматривая окружающий, ныне чуждый ему, суетный мир. Рейс на Киев был через час, и у него было время собраться с духом и мысленно вознести еще одну молитву пророку Илии с благодарностью за поддержку и наставление. Однако ему не дали сосредоточиться. Все произошло, как в киношном детективе про шпионов. Какой-то тип в темных очках подсел к нему в соседнее кресло и тихо сказал:

— Здесь инструкции относительно того, что вам следует предпринять в Киеве. — Он показал на скомканную в руках газету. — Я оставлю газету на сиденье, а вы ее заберете. — После этих слов он встал и растворился в разноязыкой толпе пассажиров, спящих по переполненному аэропорту.

Из инструкции следовало, что по прилету в Борисполь Михаил должен получить багаж в виде небольшого чемодана нестандартного размера, предусмотрительно завернутого в целлофан. Там он найдет разборную снайперскую винтовку, которая будет ему нужна для выполнения задания. Указывалось место и приблизительное время, когда два объекта, Анна Шувалова и Сергей Трубецкой, будут вечером возвращаться по Андреевскому спуску из ресторана «Да Винчи» домой. Ему следовало занять позицию на Замковой горе и в подходящий момент убрать обоих. В конце инструкции содержалось предупреждение, что в случае невыполнения задания его вернут не в монастырь Святого Георгия, а в Афганистан, к его прежнему хозяину. У Михаила по спине пробежал холодок. Его пытались использовать как банального убийцу, да еще угрожали! Но как оружие может пройти через строгий и один из лучших в мире контроль безопасности в аэропорту Бен Гурион? Ответ на этот вопрос он получил уже в Киеве.

Самолет, направляющийся в столицу Украины, был набит битком, причем значительную часть пассажиров составляли весьма ортодоксального вида иудеи-хасиды, летящие на празднование еврейского нового года — праздника Рош-ха-Шона в Умань, где похоронен основатель движения брацлавских хасидов цадик Нахман. В этом и была разгадка упрощенного таможенного контроля как перед рейсом, так и после прилета — хасиды народ непростой, и даже израильская полиция не любит с ними связываться. Ну а в Киеве для гражданина Греции, который случайно оказался в одном самолете с паломниками, проблем с получением и выносом багажа и вовсе не возникло.

Брат Михаил примирился со своей судьбой. Он уже все решил и знал, как ему действовать, и в который раз вознес молитву Господу за наставление и поддержку. Он

всегда верил, что в момент крайней нужды Всевышний услышит его молитву и поможет, как это было тогда, в страшном афганском плену. Так случилось и в этот раз.

Прилетев в Киев, он без труда заметил, что за ним следят. Это было удивительным чувством, но навыки, наработанные за годы службы в армии и особенно за время войны в Афганистане вдруг в один момент вернулись. Он все менее чувствовал себя монахом и все более — боевым офицером, причем находящимся во вражеском окружении. Михаил взял такси и попросил отвезти его на Андреевский спуск. В молодости он бывал в Киеве неоднократно, однако по прошествии стольких лет совершенно не помнил, как выглядит эта часть города. К счастью, она не сильно изменилась, и ему не составило труда найти Замковую гору, еще до вечера побродить там и подобрать подходящую позицию для реализации задуманного им плана.

Слежка была с ним все это время, но он лишь мысленно усмехался. Господь стремился укрепить его в мыслях и действиях — Михаил почувствовал это сразу, посетив Андреевскую церковь. Он не мог упустить случай вознести молитву своему Богу в одной из прекраснейших жемчужин православного Киева.

— А ты знаешь, что говорят, будто под этой церковью есть другая, подземная часовня, и там схоронены мощи Андрея Первозванного, — говорил своей подруге шепотом стоящий рядом с Михаилом молодой человек. — Я в одной очень интересной книге прочитал, что эти мощи княгиня Ольга привезла в Киев из Константинополя еще в X веке, когда приняла крещение в храме Святой Софии. Представляешь, если это правда? — восторгался он.

«Правда, — мысленно поддержал его Михаил, — это истинная, суцая правда, я чувствую, я знаю это».

И вот наступил вечер. Чтобы не вызвать подозрения тех, кто за ним наблюдал, брат Михаил демонстративно направился к Замковой горе, взобрался на нее и занял позицию. Он даже успел разглядеть в снайперский прицел эту русскую красавицу Анну и симпатичного с виду, долговязого, с курчавой шевелюрой и приветливым, открытым лицом мужчину, который, очевидно, и был Сергеем Трубецким. Они беспечно шли по Андреевскому спуску, взявшись за руки, и о чем-то оживленно беседовали. Только брат Михаил не собирался никого убивать. Ибо явившийся ему тогда в келье пророк Илия сказал всего одну простую фразу, предопределившую все, что должно было теперь произойти: «Не убий!» Но и возвращение в афганский плен было выше его сил. Он еще раз мысленно вознес молитву Всевышнему, поблагодарил его за посланные ему в земной жизни испытания и блаженства, отложил винтовку в сторону, достал из кармана небольшой целлофановый пакет с коричневым, похожим на пластилин веществом, скатал его в шарик и положил в рот. Это была опиумная лепешка. Еще со времен Афганистана он научился обращаться с опиумом и гашишем и точно знал, как приготовить смертельную дозу наркотика. Перед отъездом в Киев он выменял у арабов необходимые компоненты и заранее все подготовил. Теперь, перевернувшись на спину и раскинув руки так, будто хотел обнять распростертое над Киевом роскошное звездное небо, брат Михаил медленно разжевал во рту упругий шарик...

Через минуту, когда опиум поступил в кровь, его уже не было на этой земле. Вокруг сиял яркий свет, уходящий прямо в черное небо, и оттуда, из бесконечной неведомой дали, к нему плавно спустились два прекрасных ангела. Они нежно подхватили

освободившуюся от земных оков душу брата Михаила и стали кружиться с ней в божественном сиянии, медленно поднимаясь все выше и выше... В какое-то мгновение он еще осознал себя, смотрящего вниз, на свое расprostертое тело, увидел улыбку на собственных устах и ощутил умиротворение: именно так, легко и с улыбкой, ему всегда хотелось покинуть этот мир. Но теперь — все, теперь — только туда, вверх, к сияющим вершинам света! Он столько лет ждал встречи со своим Богом и сейчас наконец был на пути к заветной цели. Он ушел, так и не узнав, что человека по имени Алекс, определившего много лет назад его судьбу, на самом деле звали Артур Александрович Бестужев. Случай свел их в земной жизни, но теперь уж точно им не суждено было увидаться там, на небесах, после смерти.

Глава 16

То, что предназначено, да свершится

Богатый и влиятельный член синедриона по имени Иосиф из города Аримафеи должен был бы в такую жару лежать где-нибудь в тени под опухалом и пить лимонную воду, а он не находил себе места и покоя. Он ведь мог спасти его и не сумел...

Ну почему он узнал обо всем: и о предательстве Иуды, и про тридцать монет, и про Гефсиманский сад так поздно? Он должен был бы догадаться, к чему клонит Каифа, сразу же после того, как малый синедрион постановил арестовать Иешуа из Назарета без какого-либо рассмотрения этого дела по сути. Ведь происшедшее той ночью никак нельзя было назвать судебным заседанием. Всего чуть более двадцати старейшин собрались после захода солнца, что уже само по себе было против закона, и, посоветовавшись, решили, что следует арестовать новоявленного смутьяна по имени Иешуа, о котором повсеместно ширились необыкновенные слухи. Никто о нем толком ничего не знал, но когда Каифа в своей речи сказал об Иешуа, что тот мнит себя новоявленным пророком и что «многих увлечет он своей проповедью и овладеет местом нашим и народом», судьба смутьяна была предрешена. Тогда же стало ясно, что план первосвященника увенчался успехом и приказ начальнику храмовой стражи Баруху задержать возмутителя спокойствия уже отдан. В тот момент единственное, что успел сделать Иосиф, — это послать своего верного человека с оружием в Гефсиманский сад, чтобы спровоцировать стычку с солдатами, во время которой Иешуа мог бы скрыться. Неподалеку, в Кедронской долине, уже готовы были лошади, а на границе с Сирией их ждали проводники... Но Иешуа отказался следовать за ними. Он просто сказал, что не следует мешать тому, что должно было случиться, ибо на то есть воля Всевышнего, и весь план побега рухнул.

Вторую попытку Иосиф предпринял на следующий день, когда Иешуа уже был осужден судом синедриона на смерть и помещен в тюрьму. Узнав, что Пилат утвердил приговор, Иосиф воспользовался своей дружбой с римским префектом и положением знатного члена синедриона, был пропущен стражей к заключенному, виделся и говорил с ним.

— Чем я могу тебе помочь? Как мне спасти тебя, равви? — вопрошал Иосиф, с болью и состраданием взирая на избитого и окровавленного Учителя, единственного из множества встреченных им в жизни иудейских пророков, который смог всколыхнуть его душу своей проповедью, восхитительной мудростью и бесконечной любовью к людям.

— Пусть печаль покинет твое сердце, добрый человек, — отвечал тот без тени отчаяния. — Сын Человеческий пришел в этот мир не для того, чтобы ему служили, но ради того, чтобы послужить самому для спасения многих... Я приму на себя их грех и искуплю его, ибо не ведают они, что творят. Пусть же свершится все так, как уготовано Отцом Моим, ведь предначертанное Им верно и незыблемо, и воля людей бессильна перед Его волей...

Но Иосиф никак не мог смириться с неизбежностью его казни и потому решился на подлог. Когда он узнал, что рядом с Иешуа в подземелье содержится разбойник и убийца Варавван, который за свои преступления вполне заслуживал смерти, было решено подкупить стражников, и теперь они ждали сигнала. Ведь накануне Пасхи по традиции одного из заключенных префект имел право помиловать и отпустить. В последний момент подкупленные Иосифом люди из тюремной стражи поменяли Иешуа и Вараввана местами в надежде, что для римского караула оба заключенных были на одно лицо. Иосиф слишком хорошо знал первосвященника — Каифа не отступит, пока не получит желаемого. Ему нужна была жертва — Иешуа из Назарета, и эту жертву должна была дать римская власть. Но тут случилось непредвиденное, то, что невозможно было даже вообразить — Пилат решил сохранить жизнь Иешуа и утвердил приговор Вараввану! Так он, Иосиф Аримафейский, невольно способствовал исполнению того, что с таким рвением пытался предотвратить...

Воистину, благими намерениями выстлана дорога в ад.

Иешуа был распят.

Теперь Иосиф не мог простить себе его смерти.

Он стоял у креста и плакал. Рядом рыдала какая-то женщина, бился в истерике один из учеников Иешуа. Но все это теперь не имело никакого значения. Он, Иосиф, мог спасти его и не сумел...

А началось все в тот день, когда уважаемый Иосиф из Аримафеи получил приглашение без промедления прибыть в Ершалаим для участия в собрании синедриона. О причинах такой спешки не сообщалось. К вечеру следующего дня он уже был во дворце Каифы, где собрались прибывшие на призыв первосвященника старейшины. Как оказалось, Каифа призвал их для того, чтобы рассмотреть дело некоего Иешуа из Назарета Галилейского — как было сказано, бродяги и разбойника, смущавшего умы народа иудейского дерзкими речами о едином всемилостивом и равном для всех Боге и о грядущем пришествии на землю Царства Божьего. Кроме того, упомянутому Иешуа вменялось в вину провозглашение самого себя царем иудейским и мессией.

Дело было более чем странное. Еще тогда Иосиф, а с ним еще один член синедриона, фарисей по имени Никодим, усомнились в истинности выдвинутых обвинений и оспаривали правомерность его рассмотрения.

— Как можно судить человека, если мы даже не увидели, не выслушали его и не разобрали того, что он совершил, по закону нашему? — возмутился Никодим. — Если это дело о богохульстве, то судить его следует не здесь, а судом Великого синедриона, праведно, свободно и не ранее завтрашнего утра! Нельзя вершить суд под покровом ночи. Это против закона!

Но первосвященник настаивал, что Иешуа крайне опасен и задержать его нужно немедленно. «Лучше пусть один человек погибнет, чем весь народ», — сказал тогда Каифа. Приближенные к Каифе саддукеи, а именно они составляли в синедрионе большинство, уже тогда все решили и постановили арестовать смутьяна, осудить и добиться его казни.

Но так случилось, что к тому времени Иосиф был наслышан об этом человеке. О нем ширилась молва в народе; говорили, что он якобы потомок царя Давида, рассказывали о совершенных им чудесных исцелениях, изгнании бесов и прочих необыкновенных вещах. Было ясно, что человек этот пришел не случайно, и, даже если он в чем-то виноват, нельзя судить его, не выслушав, без допроса и свидетелей.

И тогда он решился сам пойти к Каифе, чтобы попытаться убедить его не отдавать Иешуа под суд, но позволить провести тщательное расследование, дабы установить истину. Иосиф Аримафейский был известным человеком, стража дворца первосвященника признала его и не посмела задерживать. Он направился прямо в покои Каифы, но, подойдя к отделяющей их занавеси, Иосиф вдруг услышал голоса и остановился. У Каифы кто-то был, и то, о чем они говорили, имело непосредственное отношение к Иешуа.

— Я выполню то, что обещал, — произнес какой-то довольно молодой, судя по голосу, человек. — Ты получишь его.

— Все, что ты, Иуда, должен сделать, — это передать смутьяна в руки храмовой стражи. Сейчас в Ершалаим стеклись тысячи людей и найти его будет нелегко. Ты должен узнать и сообщить начальнику храмовой стражи Баруху, где Иешуа намеревается провести сегодняшнюю ночь, — говорил Каифа. — Остальное — не твоя забота. Вот тебе плата за труды. Раздался звук монет. Здесь тридцать серебряников. Иди же!

Иосифа передернуло от брезгливости. Предательство! Тут, в доме первосвященника, замыслили преступление и предательство! Он спешно покинул дворец Каифы и решил действовать. Побег в Сирию был подготовлен тотчас же — благо, вопрос о деньгах не стоял. Не составило особого труда и проследить за подкупленным Каифой осведомителем.

Но у Иосифа ничего не вышло. Этой же ночью Иешуа был арестован в Гефсиманском саду отрядом храмовой стражи.

И вот его привели на суд синедриона. К тому времени священники и старейшины собрались во дворце Каифы, хотя никто не смог бы утверждать, что их собрание было полным. Впрочем, для первосвященника это не имело значения, так как все уже было предрешиено заранее.

Иешуа было не узнать. Обвинители именовали его «бродягой» и «разбойником», и стражники действительно сделали немало, чтобы он походил и на того, и на другого. Но даже связанный, в разорванной одежде и с кровоподтеками на лице и теле он оставался исполненным достоинства и внутренней силы пророком и философом, который умудрился своим словом больше, чем иные делом, вызвать гнев и ненависть служителей Храма и самого первосвященника.

Обычно на заседаниях синедриона часть мудрейших и старейших откровенно зевала, часть — попросту спала. Каифа не раз возносил хвалу иудейскому Богу за мудрую заповедь, записанную в Книге чисел. Она предписывала собрать семьдесят старейшин народа иудейского в совет — синедрион, который призван был рассматривать самые

важные дела и судить по Закону Моисея. Однако в данном случае Каифа воспользовался советом своего тестя Ханана бар Шета и счел разумным созвать лишь Малый синедрион, из двадцати трех членов. Ведь старейшины есть старейшины, и меньшим их числом управлять было легче, в чем Каифа убеждался не раз. Первосвященник как никто другой умел ценить видимость коллективного принятия решений при полном контроле с его стороны над членами собрания. Именно поэтому на их заседаниях чаще всего происходило то, что хотел Каифа. Но с этим смутьяном все было не так, как всегда. Несколько членов синедриона, и среди них влиятельный Иосиф из Аримафеи, высказались за расследование дела в соответствии с Второзаконием, а это означало, что нужны свидетели и публичный допрос. Что ж, будут им свидетели, и допрос тоже будет...

Если судить по масштабу комплексов, которыми, очевидно, страдал хозяин золотисто-зеленого кресла, то он был очень влиятельным человеком. Невысокого роста, с непропорционально большой головой, узкими плечиками и с мешками под глазами, он вряд ли мог нравиться кому-то, даже себе. Однако нравился же, и объяснение этому факту было простое. Выйдя после разговора с герром Миссершмидтом из кабинета в боковую дверь, он оказался в специальной комнате, оборудованной особой системой зеркал и подсветки. Главной и единственной целью этой системы было создание у хозяина иллюзии, что он высок, широк в плечах, блещет молодостью и здоровьем. А других зеркал для него в замке не существовало, как не было там и людей, которые могли бы сказать ему правду. Вот и в этот раз хозяин кресла с удовольствием осмотрел свое безукоризненное отражение, поправил и без того идеально сидящий костюмчик и, насвистывая что-то безумно знакомое, крайне довольный собой отправился на один этаж вниз, в зал для игр. Там его уже заждались.

Убранство зала, куда через минуту вошел хозяин кресла, по простоте и изяществу напоминало античность. Высокие потолки, ажурная лепка, бельгийские гобелены и тяжелые шторы, мягкий, приглушенный свет — здесь все дышало покоем и утонченным вкусом, под стать гостям, среди которых случайных посетителей не было. «Нет власти не от Бога» — данное изречение из Нового Завета следовало бы написать большими буквами на стенах этого зала, если бы это не было местом для игр, а значит, — греха. Впрочем, это изречение и так было отлито из золота в головах и душах присутствующих здесь людей, каждый из которых олицетворял собой власть в чистом, рафинированном виде, а все вместе, как было ясно даже без слов, они и были той самой властью, которая от Бога.

— Димитрий, ну сколько же можно вас ждать, — капризным голосом трансвестита сказал один из гостей. — Без вас игра не идет.

Это было сущей правдой, ибо играть без председательствующего считалось дурным тоном, а обряды и традиции принято было соблюдать.

Димитрий, а именно так в земной жизни звали хозяина кресла, не спеша, с достоинством присел за стол для бриджа и оглядел присутствующих в зале. Раньше их, стоящих на страже интересов правительств, корпораций и Церкви, было всего восемь, но со временем стало двенадцать, не считая председательствующего. Как любили шутить по этому поводу игроки, — ровно по числу апостолов. Сегодня они славно потрудились на

утреннем заседании и теперь были всецело поглощены игрой — кто в бильярд, кто в «блэк джек», а кто — в бридж. Игра была именно тем занятием, в котором они проявляли себя высочайшими профессионалами. Там, внизу, на земле, их правительства и корпорации играли почти непрерывно, то демонстративно отстаивая «национальные интересы», то отыскивая «пути борьбы с кризисами», а порой и проводя «мировые операции». Эта деятельность была важнейшей частью созданного ими же мирового порядка, и от мастерства игроков зависело многое. А оттачивалось это мастерство вот в таких комнатах для игр. Ибо если ты не умеешь рисковать, просчитывать свои ходы, отличать блеф от истины и побеждать соперника серией выверенных, точных и сильных ударов, то как же можно доверить тебе судьбу всего неразумного человечества или хотя бы какой-либо его части?

— У меня были важные дела, Сильвио, — наконец произнес Дмитрий, — а дела требуют жертв. Но теперь я с вами. — Он потрепал загорелого южанина по плечу. — Прошу вас, начнем!

— Вы слишком много времени уделяете делам, Дмитрий, — сказала единственная присутствующая в зале дама, присаживаясь к ним за покерный стол. Она была намного старше Дмитрия и, видимо, решила дать волю своим материнским чувствам. Однако это безобидное, в общем-то, замечание вывело Дмитрия из себя.

— Знаете, Мадлен, — произнес он с раздражением, — в нашем деле нет мелочей, и внимания требуют все мало-мальски заметные события. Во времена Римской империи на крестах было распято немыслимое количество людей. И когда две тысячи лет тому назад в Иерусалиме распяли очередного иудейского пророка, никто не мог предугадать, что это кончится возникновением новой мировой религии. А случилось так потому, что не все действующие особы того времени утруждали себя чуть более глубоким анализом происходящих вокруг событий и обращали внимание лишь на то, что лежало на поверхности. Слава Богу, что потом все же нашлись умные люди, которые использовали сосредоточенную в их руках власть, чтобы исправить допущенные ошибки и создать современную концепцию христианства. И они, насколько нам известно, уделяли этому процессу весьма значительное количество времени и средств. С точки зрения вечности, очень глупо будет выглядеть, если мы по причине элементарной лени или интеллектуального чванства утратим то, что было создано за двадцать столетий нашими мудрыми предшественниками.

Мадлен вспыхнула и надулась.

— Но ведь вы же в любом случае не можете контролировать абсолютно все! — сказала она с вызовом. — Это просто нереально!

— Я вижу, Мадлен, вы по-прежнему сомневаетесь в наших возможностях, — с оттенком иронии и превосходства в голосе произнес Дмитрий. — Они безграничны, уверяю вас! К примеру, я приглашаю вас через пару часов посмотреть новости, из которых вы, в частности, узнаете, что у нас тут произошло землетрясение. — Дмитрий развел руками, как бы показывая, где именно будет трести. — С самыми что ни на есть разрушительными последствиями, — язвительно и с противной улыбочкой добавил он. — Все в точности по разработанному нами плану.

— Ну, если так, если дело дошло до землетрясений, то, значит, случилось нечто действительно неординарное, достойное нашего внимания, — без тени иронии прокомментировал его слова Сильвио.

— Да, случилось. Это у вас в Италии, дорогой друг, все просто и понятно, и Ватикан работает точно по графику, как хороший металлургический комбинат. А мы, православные, все еще ищем черную кошку в темной комнате, причем ищем все вместе, одновременно, и каждый хочет найти ее первым. А если ее там нет? А если есть? А если там что-то есть, но это не кошка? Вот вам и весь Конфуций в православном, так сказать, исполнении!

Димитрий, чрезвычайно довольный своим остроумием, положил карты на стол рубашками вверх, встал, подошел к стоящему у стены столику с напитками и налил себе коньяка. Это был старый добрый «Луи XIII». Но насладиться напитком стоимостью в целое состояние он не успел.

Первый толчок был такой силы, что Димитрий едва удержался на ногах, расплескав коньяк и больно ударившись бедром о столик с напитками. «Что за черт? — мелькнуло у него в голове. — Ведь землетрясение должно быть липовым!» В комнату, наполненную криками перепуганных «апостолов», многие из которых оказались на полу, вбежал Герхард. Он был бледен как мел, а его губы что-то беззвучно шептали. Димитрий подскочил к нему, схватил двумя руками за лацканы пиджака и зашипел ему прямо в лицо: «В чем дело? Что происходит? Ведь землетрясение должно быть липовым!» Но Герхард только мотал головой и смотрел куда-то сквозь Димитрия невидящими, наполненными ужасом глазами. Второй толчок сбил их обоих с ног. Затем вдруг стены замка задрожали, раздался громкий треск, удар — и все вокруг полетело куда-то вниз. Вызванная землетрясением лавина смела и сам замок, и всех его обитателей. Создавалось впечатление, как будто здесь их и не было никогда. Последнее, что успел услышать и осознать Димитрий перед тем, как уйти в небытие, — это молитва «Господи, спаси и сохрани меня, грешного», которую без остановки шептали губы его верного слуги Герхарда.

Иешуа стоял посреди зала со связанными сзади руками и, как казалось, равнодушно взирал на происходящее. «Зал из тесаных камней», где, в соответствии с законом Торы, обычно собирался Верховный суд Иудеи, сегодня был полупустой, что объяснялось как срочностью рассматриваемого дела, так и участием в заседании лишь членов Малого синедриона. Каифа встал со своего места и, важно расхаживая перед сидящими полукругом мудрейшими и старейшими представителями народа, начал допрос:

— Ты ли тот, кто называет себя Иешуа из Назарета, что в Галилее?

— Что в имени тебе моем? — отвечал Иешуа. — Ты знал, за кем посылал стражу. Зачем понапрасну спрашиваешь?

— Ты ли тот, кто называет себя Сыном Божьим? — воскликнул тогда Каифа.

— Я — сын своего Отца. А Господь Всемогущий — Он Отец и Создатель всякой твари, говорящей или немой, поклоняющейся в заблуждении идолам или Господу нашему. Как же я могу сказать иначе, чем ты говоришь?

— Ты — злодей! — вдруг закричал Каифа, указывая на арестанта пальцем. — Ты призывал разрушить Храм, где обитает сам Господь, так не смей поминать его всуе!

— Это неправда, — спокойно отвечал Иешуа. — Нигде и никогда я не призывал к этому, но то, что Храм истинной веры будет открыт всем народам, — это я и правда говорил.

— Ты смущал народ иудейский дерзкими проповедями, говорил о Царстве Божьем, которое якобы наступит на земле, учил о едином вселюбящем Боге!

— *Каждый народ достоин тех богов, которых он сам себе выбирает.* Но не тебе судить об этом, ибо высший суд — это дело Всевышнего, а не тех, кто, прикрываясь его святым именем, противные ему дела земные творит, — смело отвечал Иешуа.

— Однако есть люди, которые истинно свидетельствуют о том, что ты объявил себя царем иудейским и призывал к неповиновению Риму! — продолжал кричать Каифа.

— Я не знаю, кто эти люди и кого они слушали, но я никак не мог объявлять себя царем, ибо это не нужно мне. И до Рима мне нет никакого дела — я молюсь другому Богу.

— И какому же Богу ты молишься? — почти шепотом, источая злость, произнес Каифа.

— Богу-Отцу, он у нас всех один.

Иосиф из Аримафеи слушал его, затаив дыхание. В тот момент он понял, что тоже готов сделать свой выбор. Он вдруг ясно увидел, словно в зеркале, всю подлость происходящего, и в его душе возник ужас от того, что может случиться дальше. Иосиф отчетливо вспомнил слова великого иудейского законоведа Рамбама, записанные им в талмудическом трактате «Синедрион»: «Они (члены синедриона) должны быть твердыми в исполнении заповедей, критически относиться к себе и унимать свои страсти, и тогда они избегнут позора и дурной славы. Они должны обладать стойким сердцем, чтобы суметь отстоять справедливость и спасти притесненного от рук притеснителя...» И тут раздался громкий голос Каифы.

— Вызвать свидетелей! — приказал тот страже.

В зал заседаний ввели двух человек странного вида. Они были одеты как бродяги, но с сытыми лицами, на которых выделялись лишь бегаящие плутовские глазки. Их можно было бы и не слушать — все было понятно заранее, а если и слушать, то лишь для того, чтобы снова и снова дивиться той степени подлости, до которой может пасть иной человек за деньги или в обмен на милость первосвященника. Они лжесвидетельствовали перед собранием мудрейших и старейших граждан своего народа о всяких преступлениях, якобы совершенных Иешуа, и утверждали, что тот достоин смерти. Иосиф даже не заметил, как среди обвинений появились вдруг заявления о хуле на римского кесаря и о том, что подследственный призывал не платить подати Риму, а также много другой неправды. Саддукеи были единодушны — подследственный виновен, следует предать его смерти, но через римскую власть. Так и было решено — утром отправить его в преторию, на суд к жестокому и беспощадному префекту Иудеи Гаю Понтию Пилату...

* * *

Иосиф не находил себе места, и сон не шел к нему. Он не мог смириться с таким приговором. «Отстоять справедливость и спасти притесненного от рук притеснителя...»

— эти слова Закона стучали у него в висках и никак не шли из головы. Когда Каифа, не скрывая удовлетворения, сообщил членам синедриона, что Пилат утвердил приговор назаретянину, он решил предложить деньги, много денег, взять Иешуа в свой дом и не позволять ему проповедовать более — что угодно, только не распятие. Однако он не знал, кому предложить эти деньги. С красными воспаленными глазами, неопрятный, с растрепанной бородой и волосами, он теперь мало напоминал богатого и влиятельного члена синедриона. Иосиф Аримафейский решил попытаться спасти Иешуа во второй раз.

Но и во второй раз у него ничего не вышло. Иешуа был спокоен и полон достоинства. Иосиф не смог его уговорить, хотя деньги все равно сделали свое дело — стража поменяла Иешуа и Вараввана в их камерах местами. Иосиф теперь вспоминал, как Иешуа увещевал его не делать и этого:

— Послушай, добрый человек, — говорил он ровно, с достоинством, будто объясняя вполне очевидные истины маленькому ребенку. — *За деньги нельзя купить свободу, как нельзя купить любовь. За право верить в того Бога, которого ты избрал для себя, стоит заплатить любую цену, которая больше, нежели деньги и положение, а может, и сама жизнь. Бог есть Любовь, потому что ни то, ни другое не имеют меры и людскому уму непостижимы. А видимость свободы, как и видимость жизни, мне не нужна. Ведь жизнь тогда имеет смысл, когда она осуществляется по доброй воле, свободно и осознанно. И смерть — это вовсе не конец, но начало пути, просто тот путь — иной. Если хочешь жить — не бойся смерти, она скорее приходит туда, где от нее прячутся.* Пусть же свершится то, что предначертано...

Так все и произошло.

И теперь Иосифу более ничего не оставалось, как снять тело с креста и похоронить. Согласие Пилата было получено, и они с кем-то из учеников Иешуа перенесли его тело в сад, где, заботясь о своем собственном бренном теле после смерти, Иосиф выкупил гробницу. Там, в пещере, они уложили завернутое в саван тело Иешуа на каменное ложе, прикрыли вход камнем и удалились.

Они пришли через три дня. Тела в гробнице не было.

О Нем плакал Иосиф: не смог, не спас...

О Нем рыдали ученики: не смогли, но спасены...

О Нем шептал народ: распят, спасен...

О Нем звенели небеса: Он смог и воскрешен,
спасен, спасен, спасен...

Часть 2

Перстень святой Катерины

Глава 1

Codex Sinaticus

— Так вы хотите, чтобы я отправился в Египет? — Сергей Михайлович оторвал глаза от лежащих на столе бумаг и взглянул на сидящего перед ним посетителя. — И сделал это незамедлительно?

— Ну что вы, профессор, разве я смею настаивать? Просто мне почему-то кажется, что вам и самому не терпится пройти по стопам барона Людвиг фон Бекендорфа. Разве поездка в Египет не стала бы логичным продолжением ваших исследований в области библейских рукописей? — Голос Ганса Мюллера, а именно так представился неожиданно заявившийся к Трубецкому домой иностранец, звучал уверенно и даже несколько вальяжно.

Что же, он был прав, и Сергей Михайлович был вынужден мысленно признать сей очевидный факт. Их беседа продолжалась уже больше часа, и то, что незваный гость рассказал Трубецкому, было просто невероятно заманчиво.

Было воскресенье, на дворе — середина ноября, слякоть и гололед, и Сергей Михайлович счел за благо провести этот день дома, посвятив его своим исследованиям. За последние несколько месяцев он значительно продвинулся в изучении проблемы перевода Библии и ныне добрался до самых ее истоков, то есть буквально — до первоисточников. Задача на данном этапе формулировалась просто: где же все-таки находится начало всех начал? Какую из известных науке древних рукописей следует считать истинным Новым Заветом? Существуют ли подлинники Ветхого Завета, учитывая более чем солидный возраст Священного Писания? Оказалось, что в мире насчитывается всего три наиболее древних и хорошо сохранившихся списка Библии: Александрийский, Ватиканский и Синайский кодексы, каждый из которых содержит полностью или частично оба завета, причем в некоторых случаях с неканоническими дополнениями. Все эти кодексы написаны по-гречески и, по некоторым признакам, датируются IV—VI веками от Рождества Христова. Впрочем, достоверных данных о возрасте этих рукописей до сих пор нет.

Каждый из кодексов имеет свою историю, полную загадок. Считается, что наибольший вклад в их изучение внес живший в XIX веке немецкий ученый — палеограф, богослов и русский дворянин, барон Людвиг фон Бекендорф. В частности, с его именем связывают сенсационное открытие так называемого Синайского кодекса в монастыре Святой Катерины, что у подножия горы Синай. Бекендорф был профессором Лейпцигского университета и оставил огромное богословское наследие, с которым каждый уважающий себя ученый-палеограф просто обязан был ознакомиться. Трубецкой не был исключением. Это как раз в одной из работ Бекендорфа, посвященной критическому анализу Нового Завета, Сергей Михайлович как-то прочитал удивительный вывод немецкого ученого: «Во многих отрывках Нового Завета содержатся такие серьезные искажения смысла, что мы вынуждены с болью в сердце признать, что не знаем, о чем на самом деле писали апостолы». Вот так, ни больше и ни меньше!

Именно поэтому, когда воскресным вечером в его дверь позвонил незваный гость, представившийся Гансом Мюллером из Лейпцига, который приехал к профессору Трубецкому по срочному делу, связанному с именем Бекендорфа, Сергей Михайлович проявил гостеприимство и пригласил иностранца в дом. Впрочем, уже тогда кое-что его насторожило. «Иметь в Германии имя Ганс и фамилию Мюллер — все равно что не иметь ни имени, ни фамилии, — мелькнула у Трубецкого мысль, когда он закрывал за гостем дверь. — Наверное, это вымышленное имя... Однако посмотрим, что ему нужно». Он предложил господину Мюллеру оставить пальто в прихожей и пройти в его кабинет.

У Сергея Михайловича была буквально минута, чтобы рассмотреть гостя. Иностранец был худощав, лет пятидесяти и, видимо, в прекрасной физической форме. Отличный темно-серый костюм из холодной шерсти в мелкую полоску, безукоризненная белая сорочка и со вкусом подобранный галстук свидетельствовали о респектабельности посетителя. Он был аккуратнейшим образом подстрижен и чисто выбрит. Трубецкой же был одет и выглядел по-домашнему, что, к счастью, его совершенно не смущало.

— У меня обстановка рабочая, я гостей не ждал, — сказал для проформы Сергей Михайлович, занимая место в своем любимом кожаном кресле и указывая на заваленный бумагами стол. — Прошу вас, садитесь, — пригласил он гостя.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — заметил на это иностранец, присаживаясь на единственный имеющийся в комнате стул. — Незваный гость хуже хазарина — так, по моему, говорят в России? Это я прошу прощения, что потревожил вас без предупреждения, однако дело, по которому я прилетел из Германии, не терпит отлагательств. Кстати, чтобы развеять ваши возможные сомнения о незваном госте в моем лице, я хотел бы предложить вашему вниманию письменную рекомендацию от одного вашего старого знакомого. Он же дал мне ваш домашний адрес.

Мюллер протянул Трубецкому незапечатанный конверт, в котором лежало адресованное Сергею Михайловичу письмо на русском языке. В нем содержались самые положительные рекомендации относительно господина Мюллера и просьба содействовать ему по мере возможности. Письмо было написано на бланке Библейского общества Великобритании, а под ним стояла подпись: доктор философии Натан Ковальский.

— Вот как? — спросил с удивлением Трубецкой. — Натан теперь возглавляет такую авторитетную структуру? Не знал. Рад за него. Так чем могу служить, господин Мюллер? Где вы научились так хорошо говорить по-русски?

— Я учился в Москве, в 80-х, еще до объединения Германии. Но позвольте, я опущу вступительную часть и перейду сразу к делу. Вы, возможно, знаете, что в этом году должен быть завершен весьма амбициозный проект по размещению в Интернете полного текста Синайского кодекса — не только древнейшего, но и наиболее полного списка Библии, открытого Людвигом фон Бекендорфом в середине XIX века. Так вот, в связи с этим проектом было решено восстановить в деталях биографию известного ученого и историю его основных открытий. Как ни удивительно, но до сих пор этого никто не сделал. И вот тут-то у исследователей возникла масса вопросов.

Во-первых, как оказалось, существуют обоснованные сомнения относительно времени написания многих открытых им документов. Ведь то, что возраст всех трех основных кодексов — Ватиканского, Александрийского и Синайского — установлен исключительно палеографически, то есть по стилю письма, является непреложным фактом. Однако, к примеру, Ватиканский кодекс попал в Ватикан лишь около 1475 года, первое упоминание о нем в Ватиканской библиотеке относится к 1481 году, а до этого история его туманна. К нему не было и практически нет доступа, но я могу вам сказать, что кодекс этот написан по-гречески на превосходном, сохранившем свою гибкость пергаменте, отдельными мелкими заглавными буквами, в три столбца на странице. Никому неизвестно, как этот список попал в Ватикан. И надо же — не кто иной, как именно Бекендорф, был первым исследователем, который получил к нему доступ. К вящей радости Папы Римского молодой ученый возвеличил его, а вместе с ним и

Ватиканское книгохранилище, и себя самого, заявив — без всяких доказательств, только на основе «стиля письма», — что этот список относится к IV веку нашей эры, а потому является самым древним из известных на тот момент. Ватикан охотно поверил «авторитетному» заявлению молодого европейского ученого, и все были довольны, хотя и до поры до времени. Лишь недавно эти оценки Бекендорфа были подвергнуты обоснованной критике. Теперь Ватиканский кодекс относится к периоду между VI и XII веками, хотя следует признать, что ничто не мешало любителю красивых книг древнего образца заставить хорошего писца и в XVI веке сделать себе на пергаменте такую копию по древнему способу писания, как его тогда понимали. Позднее, когда Бекендорф открыл и Синайский кодекс, он стал утверждать, что оба эти документа написаны чуть ли не одним человеком, хотя никаких доказательств не существует.

Про Александрийский кодекс, который ныне хранится в Лондоне, известно лишь то, что патриарх Кирилл Лукарис подарил его в 1628 году английскому королю Карлу I. Он, как утверждается, написан ориентировочно около 400—450 годов нашей эры и является самым неполным документом из трех. Синайский же кодекс был обнаружен в середине XIX века лично Людвигом фон Бекендорфом, и история о его находке является чем-то средним между легендой в стиле Поджо Браччолини² и боевиком из серии про Индиану Джонс. Она требует отдельного разговора, и мы к ней еще вернемся.

Во-вторых, к этому же типу документов относится и так называемый кодекс Ефрема Сирина, хранящийся в Париже. В нем имеются только четыре Евангелия и Деяния Апостолов в параллельных, греческой и латинской, версиях, а ветхозаветные книги — только в отрывках. Во многих отношениях этот кодекс интереснее остальных, так как принадлежит к отделу так называемых палимпсестов, то есть вторично восстановленных документов. Согласно легенде в XII или XIII веке некий безвестный писец в одном из парижских монастырей якобы взял старую Библию, старательно стер с нее весь текст (между прочим, как вы, наверное, хорошо понимаете, это — адский труд) и на этом пергаменте записал сочинения христианского богослова Ефрема Сирина. В таком виде пергамент находился сначала во Флорентийской библиотеке семейства Медичи, а оттуда попал в Парижскую национальную библиотеку, где консерватор рукописей по фамилии Гозе химическими средствами «восстановил первоначальный текст». Однако реставрация была сделана почему-то очень неумело, и читать этот «текст» было практически невозможно. И тут появился маг и волшебник Бекендорф. В 1840 году, находясь в Париже, в возрасте 25 лет, он «прочел» этот текст без привлечения каких-либо технических средств, только с помощью своего, очевидно, очень острого зрения, и издал его с незначительными пропусками как образчик Библии V столетия. Никаких оснований этой датировки приведено не было, кроме пресловутого «стиля письма», да их никто и не требовал. Именно с этой работы началась мировая слава барона Бекендорфа и его триумфальное шествие по миру в поисках древних рукописей Библии, «подлинного Нового Завета».

Таким образом, мы видим, что репутация необъятной древности за указанными библейскими документами создана авторитетом одного и того же лица, Бекендорфа. А его

² Поджо Броччолини (1380 — 1459) — видный итальянский гуманист, писатель и собиратель античных рукописей.

авторитет, при полном отсутствии методов проверки его утверждений, создан древностью этих самых документов. Достоверная же история всех упомянутых рукописей прослеживается, как я уже сказал, начиная с XV столетия.

Сергей Михайлович молча слушал этот рассказ и, лишь когда Мюллер сделал паузу, поинтересовался:

— Простите, но что же мешает ныне, при наличии современных физических методов, того же углеродного анализа, установить истинный возраст рукописей? Все сомнения развеялись бы сами собой. Как палеограф я могу вам сказать, что, действительно, возраст рукописей можно установить по стилю письма, однако свои выводы нужно подтверждать объективными методами – это факт.

— Вот в этом-то все и дело! Складывается такое впечатление, будто теперь это никому не нужно! На древнем авторитете упомянутых мною рукописей уже основаны целые направления палеографии и теологии, они прочно вмонтированы в современную инфраструктуру библеистики. Сами посудите: если, к примеру, почтенный возраст Ватиканского кодекса окажется выдумкой, то репутации Ватикана будет нанесен серьезный ущерб, а этого никто не хочет. То же самое и с остальными документами. Вот библиотеки и отказываются проводить экспертизу. Есть еще один, даже более принципиальный вопрос: если, скажем, Синайский кодекс такой древний, содержит практически всю Библию, прекрасно, к слову, сохранился за полторы тысячи лет и был обнаружен полтора века тому назад, то почему его до сих пор не перевели ни на один из живых языков? Разве не было бы важно иметь древнейший из текстов Священного Писания в церковном употреблении?

— И почему же этого не было сделано? — спросил заинтригованный Трубецкой.

— Если бы мы знали ответы на все эти вопросы, Сергей Михайлович, я бы тут сейчас не сидел. — Господин Мюллер чуть подался вперед и продолжил: — Именно это мы и хотим узнать с вашей помощью. Для начала я принес фотокопии нескольких страниц каждого из этих кодексов — вы сами посмотрите, как бережно отнеслось время к пергаменту, на котором они были написаны, и как аккуратно умели писать наши предки полторы тысячи лет тому назад.

Он положил перед Трубецким стопку цветных фотографий испещренных греческими буквами страниц, которые тот не без любопытства просмотрел.

— Да, складывается впечатление, что вы правы, тут есть над чем поработать, — сказал Сергей Михайлович после паузы. — Я, конечно, польщен вашим предложением, и ваш рассказ весьма любопытен, но почему именно я, по вашему мнению, могу разрешить все эти загадки?

— Видите ли, нам нужен незаангажированный эксперт, занимающийся библейской проблематикой, причем желательно из православной среды, так как монастырь Святой Катерины находится под протекторатом православной церкви. Мы изучили вопрос и воспользовались рекомендациями таких специалистов, как Натан Ковальский. Вы — лучший, и именно поэтому я здесь.

«Любопытно, — подумал про себя Трубецкой, — значит, Ковальский рекомендовал меня им, а их — мне. Здорово это у него получается!»

— Все ваши расходы будут оплачены, — добавил Мюллер.

— Надеюсь, — пробурчал вполголоса Сергей Михайлович. — Я в принципе согласен, но мне нужно обдумать все детали и посоветоваться с женой. Я ведь правильно понимаю, что Синайский кодекс теперь хранится частично в Лейпциге, частично — в Британской библиотеке, а изданная при жизни Бекендорфа сотня экземпляров разошлась по всей Европе?

Мюллер утвердительно кивнул.

— Да-да, конечно, — сказал он, — думайте. Я приду завтра. Снова прошу прощения за беспокойство и срочность, но вы сами понимаете, если такой проект международного масштаба, как публикация в Интернете Синайского кодекса, будет осуществлен с привлечением непроверенных и неподтвержденных данных, это будет грандиозное фиаско. Лейпцигский университет, который я имею честь представлять, этого допустить не может. Я только хотел добавить, что несколько фрагментов Кодекса все же сохранились и в Санкт-Петербурге, в публичной библиотеке, а недавно в монастыре Святой Кaterины были найдены еще двенадцать листов того же Кодекса и четырнадцать различных его фрагментов. Так что вам предстоит немного попутешествовать. Хотел бы еще раз подчеркнуть: наша цель проста и благородна — установить истину. Помните, как сказано в Евангелии от Иоанна: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными...»? Не к свободе и не к познанию ли истины призывал сам Христос?

На этом они и расстались.

Следует сказать, что Трубецкой упомянул о необходимости «посоветоваться с женой» совсем не просто так. Это не было бы пустой формальностью в любом случае, ибо его супруга Анна Николаевна Шувалова была не только историком, но и мудрой женщиной, и ее взгляд со стороны на происходящие события часто привносил такие аспекты, которые Сергей Михайлович в силу традиционного мужского пренебрежения мелочами просто не замечал. В сложившейся же ситуации мнение Анны было исключительно важно еще и потому, что она никак не могла сопровождать его в путешествии на Восток. Причина тому была самой замечательной, какая только может существовать в жизни, — Анна была беременна. А каждый мужчина, который готовится стать отцом, знает, что в состоянии беременности женская интуиция обостряется необыкновенно и становится особенно мощным инструментом познания, если только правильно использовать его в мирных целях.

Когда Анна вернулась домой с прогулки, а к тому времени гость уже ушел, Сергей Михайлович в деталях рассказал ей о странном посетителе и его предложении предпринять путешествие в Египет. Реакция Анны поставила его в тупик. Первый же вопрос, который она задала, застал Трубецкого врасплох:

— А откуда это Натан Ковальский может знать твой домашний адрес? Мы его домой не приглашали, и, как я понимаю, у нас не было повода сообщать ему, где мы живем.

Сергей Михайлович даже не нашелся, что ответить, поскольку Анна была совершенно права.

— И потом, я надеюсь, у тебя не возникает сомнений, что имя Ганс Мюллер — вымышленное?

Трубецкой утвердительно кивнул.

— Тогда я предлагаю вот что. Ты садись за компьютер и шаг за шагом попробуй проверить в Интернете все, что он тебе наговорил про кодексы и Бекендорфа, а я пока сделаю пару звонков.

Буквально через час Трубецкой убедился, что практически все рассказанное ему господином Мюллером соответствует действительности. Некоторые факты, например, о том, что в Санкт-Петербурге остались на хранении фрагменты Синайского кодекса, еще требовали своего подтверждения, однако общая картина, похоже, была правдивой. Примерно такие же результаты принесло общение Анны со своими бывшими коллегами из Санкт-Петербургской исторической тусовки. Бекендорф повсеместно рассматривался как выдающийся палеограф, ученый-первооткрыватель, авторитет своего дела и в чем-то даже классик. Лишь старый добрый друг и учитель Шуваловой профессор Синельников, который не признавал авторитетов и в прошлом неоднократно выручал Трубецкого и Анну своими советами, добавил, как обычно, перцу в довольно постную и однообразную картину всеобщего восхищения Бекендорфом.

Иван Степанович Синельников — доктор, профессор и лауреат разнообразных премий — был легендарной личностью среди историков Санкт-Петербурга. Он давно уже вышел на пенсию, но когда-то читал лекции молоденькой студентке Шуваловой, и именно он привил Анне настоящую страсть к истории. Иван Степанович был умнейшим и очень светлым, даже счастливым человеком. Однако, к искреннему сожалению всех, кто когда-либо с ним пересекался, пару лет назад ему сделали — и крайне неудачно — операцию на позвоночнике, и теперь он был прикован к инвалидной коляске. Тем не менее духом профессор не пал и продолжал активно работать. Так вот, в разговоре с Шуваловой он выразил недоумение в связи с тем фактом, что в России и доселе практически не знают имя архимандрита Порфирия Успенского, который в 1845 году также посетил монастырь Святой Катерины и видел те листки Синайского кодекса, которые монахи не отдали Бекендорфу. Архимандрит Порфирий был не только священником, но и ученым, и он бросил вызов молодому немецкому палеографу в его утверждении о древности Синайского кодекса. Так, Синельников рассказал, что в «Трудах Киевской духовной академии» за ноябрь 1865 года содержится весьма аргументированное письмо Порфирия Успенского к Бекендорфу, в котором он, указывая на содержащиеся в тексте документа факты, прямо заявляет: «Вы возвышаете достоинство Синайского манускрипта; но позвольте мне понизить его цену. Невозможно признать такой глубокой древности, какую вы присуждаете ему». К сожалению, по словам Синельникова, голос архимандрита не был услышан научным сообществом, и Бекендорф сполна насладился лаврами первооткрывателя «древнейшей из известных» Библий, невзирая на множество критических замечаний по поводу обоснованности его аргументации.

— Сережа, я считаю, что тебе совершенно необходимо ехать в Египет, и немедленно, — так закончила свой рассказ о том, что ей удалось узнать, Анна. — Это просто подарок судьбы, что именно тебе предложили закрыть существующие во всей этой истории пробелы. А за меня не беспокойся: в конце концов, беременность — это естественное состояние женщины, и я с ним справлюсь. Только будь осторожен с этим Мюллером, не доверяй ему, он, как мне кажется, какой-то многослойный! Когда все сделаешь — возвращайся живой и невредимый, а мы, — она нежно провела рукой по животу, — будем тебя ждать.

Глава 2 Обретение святынь

Когда после кажущегося бесконечным подъема в горы сверкающий великолепием караван царицы Елены вступил весной 325 года в Ершалаим, город больше напоминал военный лагерь, чем столицу Иудеи. Только что вновь завоеванный императором Константином, он так и не оправился от причиненных несколькими последними войнами ран, да и господство римлян после разрушения Храма в 70 году и подавления восстания Бар-Кохбы в 135-м не принесло городу процветания. Святыни иудейского народа были сожжены и разграблены, а на их месте построены языческие капища. Ныне иудеям было запрещено жить в Ершалаиме, однако при этом в городе уже сформировалась христианская община во главе с епископом Макарием. С учетом этого обстоятельства и с целью подчеркнуть важность и преемственность ее миссии, царица Елена приказала процессии вступить в город через те же Цветочные ворота, через которые триста лет тому назад в Ершалаим вошел сам Спаситель. Само собой разумеется, что ее воля была исполнена. Макарий лично встречал ее у ворот и сопровождал к своему, пусть и скромному, но при этом достаточно просторному дому.

— Именно Ершалаим должен стать духовной столицей христианского мира. — Елена смотрела прямо в глаза Макария и говорила медленно, как и полагается августу. — Этого хочет император, этого хочу я. И вы должны сделать все, от вас зависящее, чтобы это произошло уже в ближайшее время.

Они сидели за столом торжественного ужина, накрытого в честь царицы, и Макарий просто не верил своему счастью. Свершилось то, о чем он даже мечтать осмеливался лишь тайно — в империи наконец воцарился император, который не только прекратил гонения на христиан, но и признал христианство равным всем остальным религиям. Более того, он вознамерился всячески способствовать становлению новой прекрасной веры по всей империи. Макарий был готов на все, чтобы помочь ему и его матери-христианке. Даже на небольшой, но хорошо поставленный спектакль.

Тем более что декорации к нему были созданы самой историей и повсеместно встречались в Ершалаиме и его окрестностях. Так, на месте древнего, погребенного под многометровым слоем земли и песка еврейского кладбища, где, как считал Макарий, был похоронен Иисус, ныне возвышался языческий храм Венеры. Неподалеку от места распятия Спасителя римляне устроили каменоломню, которая позднее была заброшена и завалена всяким хламом. В запустении пребывали и расположенные за городом Елеонская гора и Гефсиманский сад. Но теперь, когда сам император признал Христа, все эти места ожидало преобразование. Работы были начаты без промедления. Прежде всего надлежало снести храм Венеры, что и было сделано буквально за три дня. Вскоре радостная весть полетела к императору Константину в Византию: под языческим капищем найдено место погребения Иисуса и епископ Макарий нижайше просит его императорского благословения воздвигнуть в этом месте Храм Гроба Господня. Константин приветствовал Макария, строительство храма одобрил, а тем временем последующие открытия не заставили себя ждать. Куда бы ни приезжала высокочтимая царица, всюду ее сопровождали находки, одна чудеснее другой. Так были найдены крест, на котором

распяли Спасителя, и гвозди, которыми Он был прибит к кресту, а также многие другие свидетельства земной жизни и страданий Иисуса Христа. Слово о том, что царице помогает сам христианский Бог, прокатилось по всему Ершалаиму и распространилось далеко за его пределами, что способствовало укреплению христианских общин по всей империи. Во многих городах христиане, уже не таясь, возводили свои храмы и проповедовали среди язычников во имя Иисуса Христа. Лишь один народ оставался глух к этой проповеди. Это были иудеи.

И не то чтобы царица была сильно обеспокоена нежеланием иудеев признать Иисуса Христа Сыном Божьим и перейти в новую веру. Но ведь они продолжали упорствовать в своей богоизбранности, и это при том, что Иисус вовсе не отрицал их Бога, а распятие Спасителя напрямую связывали с кознями иудейского первосвященника Каифы и членов высшего суда Иудеи — синедриона. Эту проблему следовало как-то разрешить.

— Но разве Иисус Христос не был Сыном того Бога, в которого вы верите? — вопрошала Елена однажды иудейского священника Иегуду из Лода, который за деньги помогал Макарию отыскивать древние свидетельства, касающиеся устройства Ершалаима три века тому назад. — Почему же вы не признаете его и упорствуете в заблуждении, что он был лжепророком?

— История народа иудейского началась не сто и не двести, а две тысячи лет тому назад, когда Моисей вывел народ из Египта и привел к горе Хорив, которую сам Господь избрал, чтобы даровать нам свои заповеди и Тору. Именно тогда народ иудейский заключил завет с Господом, что все его заповеди будут «сделаны и услышаны». Именно так, я не оговорился, «сделаны и услышаны». Ибо Бог предлагал Тору всем народам, но только иудеи согласились исполнять все заповеди даже еще до того, как они были озвучены, и тогда Всевышний сам отметил избранность народа иудейского. Он же даровал нам эту Землю Обетованную, ныне отнятую у нашего народа Римом. Тот же, кого вы называете Иисусом, был лишь одним из нас, но при этом он покушался на древний Закон. Он говорил, что Творец, пусть будет благословенно имя его, един для всех народов и все народы одинаково близки для него, а это противоречит основам основ Закона Моисея. Этого народ, избранный самим Создателем, принять не мог и никогда не сможет. Христиане верят в то, что есть и Бог-Отец, и Бог-сын, и даже Дух Святой. Я же верю полною верою, что Творцу одному подобает молиться, и никому другому не подобает, поскольку Он — первый и Он — последний.

— Почему же ты помогаешь христианскому епископу и мне?

— Я смиренно надеюсь, что в знак благодарности за мою помощь император разрешит иудеям вернуться в Ершалаим. Здесь, где был дважды построен и дважды разрушен Храм, находится престол нашего Господа, место сосредоточения Божественной святости, само сердце моего народа. Пока будет жив хоть один иудей, он будет стремиться в Ершалаим.

Елена выслушала его и призадумалась.

— Так ты говоришь, все началось с дарования Моисею заповедей и Торы на горе Хорив? Сам Творец говорил с ним на этой горе? А где эта гора Хорив? — неожиданно поинтересовалась она.

— Никто не знает, где находится Божия гора. Одни говорят — на Синае, иные указывают на пустыню Аравийскую... Скрыта она была в тучах и клубах дыма, молнии и

гром слышны были, когда Господь спускался на ту гору говорить с Моисеем... Только он один и знал туда дорогу.

— На Синае? — переспросила Елена. — Это в Египте?

— Да, в Земле Мадиамской, — ответил Иегуда.

Вопрос был задан не из праздного любопытства, ибо все земли Синая и Верхнего Египта находились тогда под властью Восточной Римской империи, и это значительно облегчало выполнение воли императора, какой бы она ни была. В тот же день царица отослала своему сыну письмо, в котором просила его направить в Египет доверенных людей, поручив им поиск Божией горы, называемой иудеями Хорив или Синай, столь ими почитаемой. Какова же была ее радость, когда вскоре пришла весть о том, что гора Синай найдена! Ибо среди безжизненной пустыни, простирающейся до самой долины Нила, была обнаружена горная гряда, а у подножия одной из ее гранитных гор — колодец со свежей водой. Вокруг той горы в вырубленных прямо в скалах кельях жили христианские монахи. Как свидетельствовали побывавшие там посланцы императора Константина, вершина той горы скрыта была в тучах, а наверху сверкали молнии и слышался гром... Местные племена называли ту гору Джабал-Муса — гора Моисея. И тогда повелела Елена построить у подножия той горы церковь, чтобы монахам-отшельникам было где молиться. Ибо так задумала она показать христианам, что есть у них отныне высочайший покровитель — император Константин, воля которого простирается до самых отдаленных уголков империи, а иудеям — что Моисей признается христианами как пророк, а христианский Бог есть Сын Божий — плоть от плоти Творца, да будет благословенно имя Его...

Тогда-то через коптских монахов и дошла до царицы Елены необыкновенная история про девицу Катерину Александрийскую, замученную во времена императора Максимиана. Будто бы была та Катерина из владетельной в Александрии фамилии Консты и в семнадцать лет отличалась необыкновенной красотой, богатством и ученостью. Но среди всех женихов, сватавшихся к ней, не было ни одного, равных ей. И вот однажды Катерине во сне явился сам Господь со своей Пречистой Матерью и подал ей перстень в знак своего обручения с ней, который и надел ей на палец. Катерина, проснувшись и увидев на руке перстень, исполнилась величайшей радости и воспламенилась желанием служить лишь славе Божьей. Позже она явилась к императору Максимиану, приносящему жертву идолам, чтобы обличить заблуждение язычников и доказать истину христианской веры. За это, после тщетных убеждений, ласкательств и лукавств, подвергли римляне девицу жесточайшим истязаниям. Великие страдания Катерины и крепость ее духа убедили многих язычников в истине христианской веры, среди прочих и саму царицу Василису, супругу Максимиана, ночью посетившую ее в темнице, а с ней и вельможу Порфирия с воинами, которые затем все вместе с царицей были за измену лишены жизни. Саму же Катерину после долгих истязаний Максимиан приказал обезглавить мечом. Монахи, живущие у Божьей горы, верили, что тело Катерины сразу после казни было вознесено ангелами на самую вершину горы Синай, где она и упокоилась.

И молились те монахи, чтобы однажды обрести святые мощи, воздать честь великомученице, пожертвовавшей свою младую жизнь, но Иисуса Христа не предавшей. Плакала царица Елена над судьбой девичьей, снова и снова дивилась той силе, которую дает иным людям истинная вера...

Глава 3 Разведка боем

Встреча с господином Мюллером, которая состоялась на следующий день на нейтральной территории, была посвящена обсуждению деталей будущего путешествия. Было решено, что прежде всего Трубецкой отправится в Санкт-Петербург, чтобы ознакомиться с оставшимися там на хранении фрагментами Синайского кодекса. Невероятно, но факт — подаренные в свое время Бекендорфом российскому императору Александру II листы кодекса были проданы в 1933 году правительством СССР Британии за смехотворную сумму в сто тысяч фунтов стерлингов. Государству верных большевиков-ленинцев оказались не нужны прекрасно сохранившиеся страницы старейших, по убеждению научной общественности, списков Библии. Именно эта их часть и находилась с тех пор в Британской библиотеке.

Однако уже в наше время выяснилось, что то ли по недосмотру, то ли по случаю, но в Санкт-Петербургской публичной библиотеке сохранились несколько фрагментов кодекса. Была надежда, что отечественная наука все же не обошла столь уникальные документы вниманием, и, возможно, благодаря этому удастся пролить свет на вопрос о возрасте и происхождении найденных на Синае документов. По настоянию немецкого гостя после Санкт-Петербурга Трубецкому следовало посетить Лондон и лишь затем во всеоружии отправиться в Египет на Синай. Таким выглядел план «разведки боем», предложенный Мюллером. Сергей Михайлович с ним согласился, а чуть позже этот план одобрила и Анна.

Сергей Михайлович всегда трепетно относился к Петербургу, а после того, как в этом городе состоялось его знакомство с Анной, он испытывал ностальгическую радость при каждой новой возможности посетить Северную Пальмиру. Впрочем, учитывая беременность супруги, ныне среди обуревавших его чувств доминировало желание как можно быстрее закончить расследование, связанное с Синайским кодексом. Поэтому в этот раз Трубецкой был настроен по-деловому и по прилету прямо из аэропорта, не мешкая, отправился в Санкт-Петербургскую библиотеку. Там, учитывая старые связи Анны Николаевны, ему пообещали всяческое содействие. Впрочем, на деле все выглядело весьма буднично — он прошел в зал для работы с редкими рукописями, отыскал в каталоге то, что было обозначено как «фрагменты Codex Sinaiticus», и сделал заказ.

Однако ни через обещанные тридцать минут, ни через час Трубецкой необходимые документы не получил. Через полтора часа в зал вошел бледный как мел сотрудник библиотеки и сообщил, что указанных в заявке фрагментов в хранилище нет. Специальная коробка, в которой они хранились при постоянной температуре и влажности, была на месте, как и все остальные подобные коробки. Только вот внутри нее ничего не было.

Сказать, что Трубецкой расстроился, — значит ничего не сказать. Небольшой консилиум из местных специалистов, который как бы сам по себе собрался в зале редких рукописей, обсудил все имеющиеся варианты. Вспомнили, разумеется, и о позорной тайной операции Советского правительства по продаже основной части Синайского кодекса Британии в 30-х годах, сравнив полученные сто тысяч фунтов стерлингов с

тридцатью серебряниками Иуды. При этом, правда, высказывались предположения, что вся эта история с кодексом — чистая профанация, ловкий обман публики, устроенный еще Бекендорфом, а правительство СССР вроде как просто им воспользовалось, получив деньги за ничего не стоящую подделку. В какой-то момент возникли предположения, что и утерянные ныне страницы были тогда же проданы, просто по недосмотру их не вычеркнули из каталога, а затем — война, было не до этого. Однако истину установить удалось довольно быстро — порывшись в архивах, нашли формуляр по работе с указанными в каталоге фрагментами, в котором значилось, что их брали для работы в зале, причем не раз. Единственная проблема заключалась в том, что по непонятным причинам имя и фамилия того, кто с ними работал, были будто вымараны из формуляра и прочитать их оказалось попросту невозможно. Таким образом, поиск фрагментов Синайского кодекса в Санкт-Петербурге зашел в тупик. Убедившись, что в библиотеке ему больше делать нечего, Сергей Михайлович решил ехать в аэропорт, чтобы поменять имеющийся у него билет на самолет до Лондона на более ранний срок. Но сначала он позвонил Анне. Ее совет был краток: встретиться с Синельниковым, их палочкой-выручалочкой. Сергей Михайлович набрал знакомый номер телефона. Иван Степанович чувствовал себя неважно, но, услышав, о чем идет речь, предложил Трубецкому немедленно приехать к нему.

— Барон Людвиг фон Бекендорф, уважаемый Сергей Михайлович, это очень непростая штука, — Синельников говорил задумчиво, как бы беседуя с самим собой. Они сидели в кухне у профессора и пили какой-то особенный целебный чай. Иван Степанович выглядел усталым и похудевшим. Черты его благородного лица, очерченного аккуратно подстриженной седой бородкой, заострились, что, к глубочайшему и искреннему сожалению Трубецкого, было свидетельством скорее болезни, нежели здоровья. — Он столь много успел истоптать своими саксонскими сапожищами, что теперь практически нереально оспаривать его утверждения и так называемые открытия. А между тем имеются весьма достоверные свидетельства о том, что гигантизм его фигуры несколько преувеличен. Например, всюду, где бы о нем ни шла речь, вы встретите утверждения, что он великолепно знал греческий, а я, к слову, читал воспоминания его современников, в которых прямо говорилось, что в монастыре Святой Кaterины ему не отдали списки Синайского кодекса именно потому, что греческий он знал весьма поверхностно. Будто бы, когда игумен монастыря попросил его прочитать отрывки из кодекса, то пришел в ужас. Лишь в следующую его поездку какой-то монастырский экономом отдал-таки ему кодекс.

— Но как же быть с открытиями Бекендорфа еще до его путешествия на Синай? Ведь и Ватиканский кодекс, и парижский кодекс Сирина, и многие другие древние рукописи были им прочитаны и датированы... — Сергей Михайлович был крайне удивлен тем, что ему довелось только что услышать.

— Молодой Бекендорф был невероятно тщеславен. Он был готов на все, чтобы прославиться, и ни во что не ставил окружающих, а потому использовал любые представившиеся ему возможности для достижения поставленной цели. К примеру, известно письмо, которое Бекендорф отправил своей невесте из монастыря Святой Кaterины, в котором, кстати, говорилось, что поначалу к нему отнеслись весьма благосклонно. «Вот уже семь дней, как я прибыл в монастырь... Ты и представить не

можешь, — писал он, — эту свору монахов! Имей я власть и достаточно физической силы, я бы совершил богоугодное дело и вышвырнул всю шайку через стену». Скажите, Сергей Михайлович, положи руку на сердце: вы можете себе представить, чтобы высокообразованный немецкий ученый-богослов, исследователь Библии, обласканный самим Папой Римским, так выражался о монахах одного из древнейших монастырей христианского мира?

Для него не важно было установить истину. Он хотел славы. В биографических заметках о нем часто упоминается, что за исследование Ватиканского кодекса Папа удостоил его личной аудиенции, сравнил со святым Иеронимом и наградил орденом Северной Звезды. Так вот, как потомственный северянин, докладываю вам, что орден Северной Звезды — это награда шведского королевского двора и Папа никак не мог наградить им Бекендорфа. А как вам великолепная по своей наглости афера с письмом русского посла? Когда монахи отказались отдавать Бекендорфу списки кодекса, он обратился к русскому послу в Высокой Порте князю Лобанову, который согласился подписать нечто вроде гарантийного письма, что кодекс будет изучен и после того возвращен в монастырь. Но почему ему нужен был именно русский посол? Да потому, что российский император Александр II благоволил к монастырю и щедро его одаривал. Так вот, письмо сработало, кодекс Бекендорф получил... но в монастырь не вернул, а подарил тому же императору. Я все думал, почему первую часть он отвез в Лейпциг, а вторую — в Санкт-Петербург и там организовал его издание? Мне кажется, что Бекендорф вовремя понял, что Саксония — это не его масштаб, да и специалисты там встречались не хуже Бекендорфа, могли и оспорить утверждения молодого гения палеографии! А вот Российская империя — это да, это огромное христианское государство, в котором слово самодержца означало закон, и, что бы он ни сказал о кодексе, — все будет принято во всем мире. Отличный, знаете ли, способ окончательной легитимизации утверждений Бекендорфа о написании манускрипта в IV веке, и это невзирая на отсутствие достаточных на то оснований. Да и специалистов по древнегреческому языку тогда в России что-то не наблюдалось. Так все и случилось.

— Но почему же потом никто не поставил под сомнение аргументацию Бекендорфа?

— Как это не поставил? Очень даже поставил! Порфирий Успенский, наш российский архимандрит и ученый-богослов, кстати, бывший в свое время и митрополитом Киевским, активно оспаривал выводы немца, статьи публиковал по этому поводу, да видно нет пророка в своем отечестве... Ибо один из немногих полиглотов того времени, некто Авраам Норов, бывший при Николае I министром просвещения, встал на защиту Бекендорфа. Я вот все думаю — почему? Или возьмем историю с греческим книготорговцем и библиофилом Константином Семанидесом. Тот прямо и открыто заявил в английской газете «Гардиан» в декабре 1862 года, что Синайский кодекс — подделка, датированная 1839 годом, к которой он, Семанидес, непосредственно причастен, и поэтому все утверждения Бекендорфа о его древности — ложь! Знаете, какую аргументацию использовал в ответ Бекендорф? «Достаточно простых глаз и общего смысла, — написал он в ответном письме в «Алгемайне Цайтунг», — чтобы понять всю пошлость сказки Семанидеса». Вот вам и уровень научной дискуссии!

Сергей Михайлович удивленно покачал головой.

— Но то, что вы рассказываете, просто невероятно...

— Однако, — продолжил Синельников, — я хотел бы, чтобы вы правильно меня поняли. Мое личное мнение заключается в том, что Бекендорф был просто поверхностным выскочкой, но отнюдь не жуликом. Много, что ему удалось сделать, было действительно бесценным для богословской науки, и за это он заслуживает всяческого уважения. Но я все же советовал бы вам самому съездить в Лондон и лично взглянуть на пресловутый манускрипт, если допустят, конечно. Выводы всегда лучше делать, исходя из собственного опыта.

— А вы случайно не знаете ли, что произошло с теми его фрагментами, которые волею судеб или по недоразумению оставались на хранении в Санкт-Петербургской библиотеке? — вдруг спросил Трубецкой. — Они теперь пропали, я сегодня был там, хотел их посмотреть и неожиданно оказался в эпицентре скандала — нет этих фрагментов в хранилище, и все тут!

Сергей Михайлович был так увлечен беседой, что и не заметил, как при этих словах Синельников напрягся. Затем старик отвел глаза в сторону и задумчиво покачал головой, как бы не соглашаясь с собственными мыслями.

— Нет-нет, — вполне равнодушно, но как-то суетливо произнес Синельников после возникшей паузы, — мне об этом ничего не известно. Ничегошеньки! Жаль, что так вышло, хотя это, наверное, наше легендарное российское головотяпство всему виной... Я я тут кое-что еще хотел вам сказать, — он перевел разговор на другую тему. — Вы ведь потом в Египет поедете, да? — Трубецкой кивнул. — Так вот, — продолжил Синельников, — я очень вам советую посетить в Каире главный коптский храм, собор Святого Марка, и поговорить с главой коптской церкви, выдающимся богословом и проповедником Шанедой II. Я слышал, что он вполне доступная для общения личность. Копты — представители древнейших христиан Египта и многое помнят. Кроме всего прочего, они, как и иудеи, никогда не уничтожают пришедшие в негодность священные книги. Если есть хоть один фрагмент, где упомянуто имя Бога, копты зарывают его в землю или отправляют в специальное хранилище. У них особо трепетное к этому отношение, и я думаю, что вы там много интересного сможете узнать. К тому же это в точности соответствует вашей цели — Бекендорф в свое время бывал у коптов, причем неоднократно, и встречался с тогдашним Папой. Как и о греческих монахах, Бекендорф отзывался о нем весьма пренебрежительно, подчеркивая, что тот, несмотря на почтенный возраст, совершенно не осознал глобализма задачи, которую поставил перед собой Бекендорф. Я, однако, крайне сомневаюсь в объективности немецкого богослова, ибо у коптов патриархами просто так не становятся. Это, как правило, люди весьма и весьма образованные, я бы сказал — просветленные, истинные лидеры своего народа, и глупостей не говорят. Ну да Бог с ним, с Бекендорфом, надоел он уже, — сказал Синельников на прощание. — Езжайте, вас ждет Лондон и Египет, а я буду надеяться, что у вас все получится. Эх, где мои семнадцать лет...

По дороге в аэропорт Сергей Михайлович позвонил Анне, рассказал ей о разговоре с Синельниковым, убедился, что у нее все в порядке, и тем же вечером вылетел в Лондон.

Глава 4 Легенда о святой Катерине

Дочь греческого торговца Досифея была не только прекрасна лицом и телом, но и чрезвычайно образованна и умна. В свои семнадцать лет она блистала свежестью, и при взгляде на ее шелковистую кожу, нежные розовые губки и бархатные карие глаза на ум, скорее всего, приходило сравнение с бутонем чайной розы, которому еще предстояло распуститься. Ее отец владел небольшой флотилией торговых кораблей и пользовался в Александрии уважением и доверием. Досифея провела все свое детство в компании таких же, как и она, детей состоятельных греков и редко бывала за стенами просторного родительского дома.

Но вот однажды отец, который очень гордился красотой и умом дочери, взял ее с собой в порт, чтобы показать величественную набережную Александрии, прибывшие из далеких стран корабли и разноязыкую толпу торговцев, снующих по устроенному прямо возле порта базару. Досифея была в восторге. Мир казался прекрасным и удивительным, полным неизведанных тайн и чудес. Они взошли на один из кораблей, и отец с удовольствием стал рассказывать дочери о его устройстве, об искусстве мореплавания и умении ориентироваться в море по звездам. В какое-то мгновение взгляд Досифеи упал на стоящего возле штурвала корабля юношу, одетого в свежестыранную белоснежную морскую робу. Он был высокого роста, загорелый, а его длинные волнистые волосы развевались, повинувшись морскому бризу. Даже под просторной робой угадывался гибкий, но мощный торс молодого мужчины, закаленного физическим трудом и лишениями морской жизни. Ее сердце дрогнуло, и уже в следующее мгновение она не слышала, что говорил отец; ей лишь хотелось смотреть на этого юношу с сильно загорелым лицом, который приветливо улыбался, обнажив белоснежные зубы.

— Досифея, — громко крикнул ее отец, — ты меня уже не слушаешь? Тебе не интересно? Куда это ты все время смотришь?

Досифея мгновенно покраснела и закутала лицо в шаль.

— Что ты, отец, мне так интересно, я очень благодарна тебе, что ты взял меня с собой, — сказала она, поворачиваясь к отцу.

Но было уже поздно. Отец поймал взгляд дочери, обращенный к юноше.

— Досифея, — произнес он тихо, наклоняясь к ее уху, — мы из купеческого рода, а этот юноша — всего лишь юнга на одном из моих кораблей. Ты не должна одаривать его своим взглядом, прошу тебя этого больше не делать.

Но образ юноши не шел из ее головы. Со временем она узнала, что его зовут Крис, что он плавает третий год и на хорошем счету у капитана. Еще дважды ей удавалось уговорить отца взять ее с собой в порт, и еще дважды она смогла увидеть Криса. Однако им так и не посчастливилось обменяться ни единым словом, хотя по его глазам девушка читала все, что ей было нужно: он тоже с нетерпением ждал каждой встречи с ней, его сердце принадлежало ей!

А потом корабль, на котором служил Крис, ушел в море.

Досифея ждала его каждый день. Каждый день она молила богов вернуть ей любимого живым и невредимым, а он все не возвращался. От тоски прекрасная Досифея начала чахнуть, и это не могло остаться незамеченным. Отец приглашал лучших врачей одного за другим, но они ничего не могли поделать со странным недугом, поразившим его красавицу дочь. И вот однажды он привел в дом христианского монаха-сирийца по имени Елизар, о котором ходили слухи, что он с помощью своего христианского Бога умеет

исцелять болезни не только телесные, но и душевные. И чудо таки случилось! Монах этот сразу распознал, что причиной девичьего недуга была любовь, и стал рассказывать ей про своего Бога — Спасителя, Иисуса Христа, который принес в мир заповедь о всеобщей бесконечной любви, и о том, какие чудеса совершал Он с этой любовью в сердце. Досифея будто ожила от этих рассказов, со временем она и сама стала обращаться в душе своей к этому новому Богу и наконец решила принять Его как единственного своего заступника и покровителя. Видя, какое чудо сотворил монах, отец Досифеи не возражал. Монах сей и окрестил девушку, дав ей после крещения новое имя — Катерина.

Но быть христианином в те годы было небезопасно, ибо римская власть не признавала христиан и преследовала их со всей жестокостью. Иногда, когда римляне устраивали облавы, Елизар даже скрывался в доме у отца Досифеи, спасаясь от пыток и смерти, ожидавших христиан. Видя такую стойкость в вере, Досифея — а теперь Катерина — крепла духом и все более утверждалась в своей вере в единого для всех Бога. Именно поэтому однажды, устав от бесконечного ожидания любимого, она обратилась к Елизару за помощью. Тот выслушал свою крестницу и, не мудрствуя лукаво, отвел ее тайно к монаху-отшельнику, известному среди христиан Александрии своим даром провидца. Тот и поведал Катерине свое предсказание.

По словам отшельника, пребывая в дальних заморских краях, Крис был укушен змеей, заболел, и теперь корабль, на котором он плавал, спешит в порт, чтобы дать ему упокоиться на родине. И нет спасения от яду той змеи, кроме воли Всевышнего, который только и решает, кому и сколько жить, а кому уйти в вечность раньше срока. Монах предрек, что спасти его Катерина сможет, лишь поднявшись на Божью гору, что на Синае, у подножия которой живут удалившиеся от мира для служения Господу святые люди. Там ей предстоит молиться, покуда не получит она знак свыше.

Не мешкая и даже не ожидая отцовского благословения, Катерина и Елизар отправились в дальний и полный опасностей путь через пустыню к Божьей горе. Там поднялись они на вершину и Катерина обратилась к Всевышнему, моля его о спасении любимого. И на третий день мольбы ее были услышаны, ибо было ей во сне видение, будто бы лицезрела она саму Матерь Божью и говорила с ней, и Дева Мария взяла ее за руку и привела к Сыну Своему, и вручила ее руку Сыну со словами: «Вот дева, для которой любовь и счастье других превыше всех радостей жизни. Крепка она в вере своей и чиста в помыслах, а молитва ее от самого сердца исходит. Возьми ее к себе и дай ей благодать, какая только Божьим невестам открыта может быть». А когда проснулась Катерина, то увидела на левой руке своей прекрасный перстень и услышала, будто исходящий с небес глас, который сказал, что перстень этот, к челу страждущего приставленный, исцелить может любого, слабого духом или телом, но помыслы которого чисты. Лишь одно нужно помнить — силу перстень имеет только в том случае, если на горе хранится, а вдали от нее цена перстню — ломаный грош. И тогда сказала Катерина Елизару:

— Судьба моя отныне и навеки с горой этой связана, и суженый мой теперь на небесах... Но ты спеши обратно, в Александрию, и привези мне сюда Крису, ибо должна я исполнить свой долг перед ним, даровавшим мне любовь земную, и спасти его от яда.

Так и случилось. Елизар успел привезти уже совсем слабого, находившегося в горячке юношу к подножию горы Божьей, что на Синае, и спустилась к нему Катерина, и

приложила к его челу перстень. И чудо свершилось! Яд змеиный вмиг ушел из тела юноши, и уснул он глубоким сном, а когда проснулся, то уж ничего не помнил, что с ним приключилось. Монахи, что жили в кельях у горы, в честь чуда основали монастырь Преображения и стали почитать Катерину как истинно невесту Божью. Катерина же обрела свой покой на горе, а по прошествии нескольких веков ее мощи обрели монахи и, узнав по перстню на левой руке, с молитвами перенесли ее останки в монастырь, который с тех пор стал называться монастырем Святой Катерины. Там перстень был положен на хранение, и каждый из монахов, принимая послушание, давал клятву хранить тайну перстня до самой смерти. А с тем, чтобы помочь страждущим и паломникам, каждому из них стали даровать перстенок с надписью *AGIA AI KATERINA* (имени святой Катерины), намоленный монахами, чтобы принес он здоровье и благоденствие каждому, кто его наденет. Так было положено в самом начале, так оно есть и по сей день.

Глава 5 Все дороги ведут в Британию

«Что-то зачистил я в Соединенное Королевство», — подумал Сергей Михайлович, наблюдая из иллюминатора самолета «Аэрофлота», совершающего рейс Санкт-Петербург—Лондон, приближение слегка заснеженной посадочной полосы аэропорта «Гатвиг». В самом деле, лишь несколько месяцев тому назад он воспользовался своими старыми связями в Британском музее для получения перевода коптской рукописи, найденной Анной на Святой земле, и вот снова обнаружил себя в лондонской подземке, и снова дорога вела его на станцию «Тотенхэм корт роад».

«Хорошо все-таки быть столицей империи, — размышлял он по дороге, — выгодное это дело. Не только Лондон, но и Берлин, и Вена, и Санкт-Петербург с Москвой — их музеи до краев наполнены экспонатами, вывезенными из покоренных стран, и теперь как исследователи, так и туристы ездят любоваться ими к экспроприаторам, а не туда, где они были произведены. Несправедливо это!»

Его нынешняя поездка в Лондон не обещала неожиданностей. Все было, как обычно, однако лишь до тех пор, пока он не попал в музей. Там, против обыкновения, его ждал крайне холодный прием. Для начала профессора, с которым Сергей Михайлович поддерживал дружеские связи и с которым они заранее договорились о встрече, по неизвестной причине в городе не оказалось. Далее Трубецкому лишь с огромным трудом удалось получить разрешение пройти в отдел редких рукописей и ознакомиться с Синайским кодексом. У него сложилось такое впечатление, будто над этим кодексом тряслась вся Британская библиотека. Ему даже сообщили, что за последние двадцать лет манускрипт видели всего три человека, однако Сергей Михайлович был весьма и весьма настойчив и не имел ничего против того, чтобы стать четвертым. Наконец его провели в комнату, где через бронированное стекло он мог увидеть листы предположительно древнего пергамента с заглавными греческими буквами, написанными совершенным каллиграфическим почерком.

Сергей Михайлович немедленно приступил к работе. С помощью специальных приспособлений он внимательно просмотрел состоящую из трехсот сорока семи листов рукопись, убедившись, что она действительно содержит как Ветхий, так и Новый Завет. В

то же время даже невооруженным глазом было видно, что листы пергамента прекрасно сохранились, были совсем не истрепаны на нижних углах, не замусолены и не загрязнены пальцами, как это должно было бы быть при тысячелетнем использовании кодекса в богослужении. Тонкий, изумительной выделки пергамент сохранил свою гибкость и несколько не сделался хрупким — и это по прошествии полутора тысяч лет! Однако от него не ускользнуло, что с книгой обращались небрежно, ибо если средние ее листы были просто в идеальном состоянии, то все начальные и последние, включая листы переплета, были оборваны и, очевидно, утрачены. Как специалист по древним рукописям, Трубецкой знал, что именно такой вид приобретают книги, которые мало читают, но часто употребляют не по назначению — как пресс, например. Сергей Михайлович вдруг вспомнил общепринятую историю, которую каждый желающий может найти как в специальной, так и в популярной литературе — об открытии Бекендорфом Синайского кодекса. Будто бы после своих триумфальных открытий в Европе, включая датировку Ватиканского кодекса и расшифровку кодекса Ефима Сирина, Бекендорф отправился в Египет, где в монастыре Святой Катерины, в корзине для мусора, случайно обнаружил сто двадцать девять порванных и скомканных листов Синайского кодекса, из которых сорок три ему удалось приобрести. Якобы бестолковые монахи чуть было не сожгли бесценную рукопись в печи. Именно эти сорок три листа стали толчком к последующим двум путешествиям Бекендорфа на Синай и открытиям еще сотен страниц этого же документа, причем третье, и последнее, путешествие было предпринято через пятнадцать лет после первого. «Таким образом, выходит, что первые страницы были найдены в корзине для мусора, а несколько сот последующих — в идеальном состоянии у монастырского эконома. Монахи же то отдавали, то не отдавали эти листы Бекендорфу, который в конце концов старые страницы отвез в Лейпциг, а все остальные — передал России в знак благодарности Александру II за покровительство. Однако как странно: он ведь «открыл» основную часть рукописи в 1859 году, затем напечатал ее факсимильное издание в 1862, сорвав все возможные аплодисменты, и лишь через семь лет преподнес ее в оригинале своему спонсору и покровителю — самодержцу всероссийскому, получив в обмен потомственное дворянство. Что-то все это дурно пахнет, — подумал Трубецкой. — Странно, что Мюллер не стал настаивать на моей поездке в Лейпциг... Санкт-Петербург, Лондон, затем — Синай, но не Лейпциг. Ведь, по идее, в Лондоне и Санкт-Петербурге листы и фрагменты рукописи были из одной и той же поздней «партии», а в Лейпциге — те самые сорок три листа из мусорной корзины, обнаруженные первыми... Вот их бы увидеть! Надо будет поговорить об этом с Мюллером. Стоп! — вдруг мелькнула у него мысль. — А если Мюллер здесь нечисто играет и делает все сознательно?» Ему сразу стало как-то противно. Предприятие с изучением Синайского кодекса, которое выглядело вначале как любопытный профессиональный проект, теперь стало попахивать непонятным жульничеством. Сергею Михайловичу нестерпимо захотелось посоветоваться с Анной. Он решил, что сразу по возвращении в гостиницу позвонит ей.

Как оказалось, Анна Николаевна беременность переносила стойко. Ее явно больше интересовал ход расследования Трубецкого, чем собственные проблемы. Выслушав его соображения по лондонской части кодекса, Шувалова вдруг выдвинула и собственную версию происходящего:

— Вот что я тебе скажу, Сережа: внутренний голос подсказывает мне, что ты не случайно мимо Лейпцига пролетел. А не кажется ли тебе, что в Лондоне может быть просто подделка, которую британцам продали большевики, а они, в свою очередь, получили ее в наследство от Романовых, а те — от Бекендорфа? А что, если он просто-напросто заказал изготовление такого манускрипта кому-то из талантливых монахов того монастыря, на что и ушло пятнадцать лет? Я думаю, что ноги от немца растут. Хотя и не исключаю, что и при российском дворе, и при большевиках эти списки искренне считали подлинными. Но вот когда Британский музей распознал подделку — если, конечно, распознал, — было уже поздно... Ну как иначе объяснить, что до сих пор нет ни одного перевода этого кодекса и не проведен углеродный анализ пергамента? Впрочем, я настаиваю на своей версии. Считай, что это просто женская интуиция.

Людвиг фон Бекендорф едва сдерживал переполняющие его чувства. В приоткрытую щелочку боковой двери он наблюдал, как тяжелые дубовые двери с противоположной стороны распахнулись и торжественная процессия братьев, одетых в темно-бордовые камзолы, белоснежные, особого покроя фартуки и белые перчатки, проследовала в зал собраний. Во главе процессии шествовал сам Великий магистр, за ним — члены ложи, согласно градусу посвящения. Они заняли свои места за столом, заставленном бокалами с вином и пуншем. Перед Великим мастером лежала открытая Библия, на ней — циркуль, а вокруг — свечи, выстроенные треугольником. Напротив него заняли свои места старший и младший надзиратели, их помощники и стюарты. Церемония открытия ложи началась.

Однако Людвигу не дали подсмотреть, как Великий магистр выполнил предусмотренный обрядом ритуал, затем снял шляпу, ударил три раза деревянным молотком и объявил ложу открытой. Бекендорфа поместили в совершенно темной комнате Размышлений и приказали готовиться, ибо настал столь долго ожидаемый им момент посвящения. Теперь он стоял за дверью зала собраний ложи с завязанными белой шелковой повязкой глазами и обмотанными красной лентой руками и шеей, что являлось символом материального мира и духовного рабства. Сопровождающий его брат спросил, верит ли он в Бога и имеет ли истинное желание быть принятым, и, получив утвердительный ответ, спросил еще имя и звание, отобрал все металлические предметы, обнажил правое колено, на левую ногу обул специальную туфлю и девять раз постучал в дверь ложи. Оттуда в ответ раздался один удар — их услышали...

Позже, когда Бекендорфу вручили фартук из овечьей шкуры со словами: «Это символ невинности более древний, нежели Золотое Руно или Римский Орел, более почитаемый, нежели Звезда или любое другое, что может быть даровано вам», он вдруг ощутил себя частичкой огромной силы, которая правила этим миром. Лейпцигская Ложа Трех Пальм, членом которой он только что стал, была составляющей этой силы. Но реальное ощущение причастности пришло чуть позже. А пока Великий магистр громко произнес:

— Кто здесь?

— Земное тело, которое держит в неведении духовного человека, — ответил сопровождающий Бекендорфа брат.

— Что ты хочешь?

— Чтобы умертвили его тело и очистили его дух!

Бекендорфа за веревку ввели в ложу. Людвиг ничего не видел, только сквозь повязку ощущал тепло горящих свечей; аромат дымящихся благовоний щекотал его ноздри и дурманил рассудок. Он плохо помнил, что происходило потом. С него сняли повязку, и он вдруг оказался окруженный братьями, которые держали обнаженные шпаги, нацеленные ему в грудь. Затем его трижды обвели вокруг какого-то чертежа, нарисованного мелом на полу, при этом о чем-то спрашивали и он что-то отвечал... От волнения сильно кружилась голова. Бекендорф лишь осознал, что произнес наконец необходимую при инициации присягу не выдавать «никакой из тайных мистерий свободного каменничества», после чего ему вручили молоток определенной формы для обработки «грубого камня», то есть еще необработанной души вновь посвященного. Старший помощник научил его ученическому знаку и преподнес три пары перчаток — одну для работы в ложе, другую на память о вступлении и еще одну, женскую пару, с требованием: «Не давать надевать на руки нечистые или на руки блудницы!» Передавая старшему помощнику перчатки для Бекендорфа, Великий магистр произнес: «Отдайте эти белые перчатки той, к которой вы питаете высочайшее почтение, той, которую вы по закону избрали или избрали бы каменщицей!» Бекендорф знал, кому он мог отдать перчатки, ибо он уже был помолвлен с дочерью директора одной частной школы под Лейпцигом, который и подал ему идею о вступлении в ложу.

В Германии, куда франкмасоны пришли из Британии, в первой половине XIX века членство в «Братстве вольных каменщиков» было не только признаком хорошего тона и чрезвычайно распространенным явлением, но и совершенно необходимым условием для дальнейшей карьеры. Людвиг фон Бекендорф был совсем не против того, чтобы присоединиться к сильным мира сего, ибо уже тогда его одолевала жажда открытий и стремление к славе. В день посвящения вечер закончился масонским пиром в честь нового брата, а важный разговор с Великим магистром состоялся через несколько месяцев.

— Мы знаем о ваших устремлениях доказать подлинность святых Евангелий и восстановить первоначальную редакцию священных текстов, — сказал ему однажды граф Вольфганг Шаумбург, Великий магистр «Ложы Трех Пальм». — И мы очень высоко оцениваем важность этой работы. Но знаете ли вы, что Христос, помимо известного всем учения, изложенного в Евангелиях, сообщил избранным из своих апостолов тайные знания, которые затем передавались преемственно от отца к сыну, достигли ордена тамплиеров и ныне составляют основу тайных знаний шведского масонства?

— Нет, мне об этом ничего неизвестно, — пробормотал несколько ошарашенный Бекендорф, который, будучи по образованию богословом, был уверен, что владеет своим предметом в совершенстве.

— Эти тайные знания Спаситель почерпнул в Египте, и вовсе не случайно символом масонства и одним из важнейших знаков христиан является «всевидящее око» Великого Архитектора Вселенной, в котором треугольник означает не что иное, как Святую Троицу. «Лучезарная дельта», как называют этот символ вольные каменщики, пришла именно с берегов Нила, где она известна как «око Бога Хора». А теперь слушайте меня внимательно.

Бог Хор, как и Христос, был уподоблением Всемогущего Солнца, и именно Хор олицетворял властителя небес, земли и сокола в одном лице. Местом, где жил Хор, пока был в изгнании и готовился к бою с Сетом, была гора Хорив в Синайской пустыне, и поэтому именно она стала прообразом того места, где Господь даровал Моисею заповеди Завета и Тору. Ибо Хор означает «высота», «небо», а Хорив — «пустынный». Иудеи, не сумевшие проникнуть в эту тайну, утверждают, что местонахождение Божьей горы неизвестно. Но христианские монахи из Египта пришли к этой горе и жили у ее подножия в пустынном уединении еще во втором столетии от Рождества Христова. Ныне там стоит монастырь Святой Катерины — чудом сохранившаяся за тринадцать веков обитель, в которой собраны древнейшие рукописи со времен первых христиан. Вам надлежит отправиться туда и найти те источники, какие дали бы нам всем самое истинное слово Божье, которое было им самим сказано, и, возможно, приоткрыли бы завесу над тайным знанием Иисуса Христа. Ибо наши братья масоны шведской системы отказались передать эти знания в Германию. Вам надлежит восполнить этот пробел. Но сделать это вы должны так, чтобы никто не усомнился в вашем авторитете и подлинности рукописей, которые вам еще предстоит найти. Кроме того, вы должны знать, что традиции масонства пришли в Германию из Британии, и первоначально «Ложа Трех Пальм» была инициирована и находилась в подчинении материнской «Великой ложи Британии», хотя с тех пор, благодаря настойчивым трудам наших братьев, мы достигли высокого уровня автономии. Британские ученые чрезвычайно преуспели в поиске источников божественной мудрости на Востоке, их библиотеки ныне переполнены древними рукописями, и вам, без сомнения, стоит учесть их опыт. В путь, Людвиг фон Бекендорф! Да поможет и да хранит вас Великий Архитектор Вселенной!

Глава 6 При дворе императора Александра II

Взошедшему на престол в 1855 году императору Александру II, в общем-то, было чем заняться в государстве Российском. Шла Крымская война, Российская империя стояла на пороге отмены крепостного права, других важных реформ. У российского же духовенства были свои заботы. Московский митрополит Филарет как раз в эти годы возобновил усилия по созданию полного русского перевода Библии, а брат императора, великий князь Константин Николаевич, весной 1859 года отправился с домочадцами в Палестину крепить российское присутствие на Святой земле. Тогда же новый государь учредил по просьбе и настоянию брата специальный Палестинский комитет, который должен был способствовать обеспечению русского паломничества к святыням христианства. Ибо полностью сформировавшейся и окрепшей Российской империи к тому времени уже было тесно в национальных духовных границах. Россия видела себя духовной наследницей и преемницей Византийской империи и стремилась к тому, чтобы упрочить свое влияние в Палестине и Леванте.

Приезд в Санкт-Петербург в 1859 году барона Людвиг фон Бекендорфа, известного в Европе исследователя Библии, пришелся как нельзя кстати. Немец, который только что стал профессором созданной специально для него кафедры палеографии Лейпцигского университета, привез в российскую столицу древнейшие, как он утверждал, списки

Библии, найденные им в православном монастыре на Синае. Три года назад, как только в России сменился император, он через министра просвещения Авраама Норова, который питал особенную слабость к Палестине и Египту и сам был страстным библиофилом, донес до высочайшего внимания свою просьбу о покровительстве. Ибо, по словам Бекендорфа, хитрые и малообразованные синайские монахи во время его очередной поездки на Синай в 1853 году отказались отдать ему рукопись, которая должна была стать самым великим открытием в истории научной критики Библии. Немецкий барон проникновенно рассказывал заинтересованным слушателям о его бесплодных попытках повлиять на невежественных монахов, в связи с чем и требовалась поддержка православного императора. Государю было не до библий, а вот его брату Константину эта затея пришлась по душе. В результате Бекендорфу было разрешено действовать от имени и по поручению государя. Покровительство православного монарха сыграло свою роль. Бекендорф получил-таки рукопись в свои руки якобы «для исследования» и под честное слово вернуть обратно. Однако слово свое он нарушил. В течение трех лет он готовил рукопись к изданию, опубликовал в 1862 году, но в монастырь не вернул, а преподнес в дар императору через семь лет после опубликования.

Надо сказать, что Бекендорф выбрал очень удачный момент для реализации своих планов. Пока только что взошедший на престол царь продолжал Крымскую войну, а затем подписывал в Париже мирный договор, немецкий барон разыскал в Дрездене русского посла и вручил ему меморандум для министра народного просвещения Авраама Норова. В нем он расписал, не жалея красок, свои достижения в деле открытия утерянных рукописей. Бекендорф был красноречив: «Это драгоценное наследие тех веков, когда ученость настолько же процветала в монастырских кельях, насколько сейчас не может найти достойных наследников, по моему мнению, является священным достоянием всех образованных людей. Какую духовную жатву уже собрала Европа с заброшенных темных закоулков восточных монастырей благодаря тому, что важнейшие средневековые пергамены, в особенности греческие, удалось переправить в центры европейской культуры и науки! Но еще много этих документов, больше, чем мы себе представляем, по-прежнему ожидают открытия, пребывая в первоначальных своих хранилищах. В особенности это относится к области греческой литературы и византийской истории...»

Византийской истории! Это послание должно было попасть в точку, и Авраам Сергеевич Норов послание получил. Он уже собирался в отставку и не без удовольствия начал строить планы о совместных с Бекендорфом экспедициях в Левант, новых открытиях во славу России. Собрание его собственных заметок о путешествиях в Палестину, Египет и Судан было только что издано в пяти томах, и ему нестерпимо хотелось попробовать себя в деле открытия новых рукописей. Однако даже его влияния при дворе оказалось недостаточно. Ибо российское духовенство не пожелало вступать в сделку в таком важном предприятии с немцем-протестантом. Тем более что барон Бекендорф намеревался пройти по стопам архимандрита Порфирия Успенского, который и сам был авторитетным исследователем Библии. И тогда господин Норов решил привлечь могущественных союзников, и он нашел их в лице амбициозного, но не

слишком умного брата государя Константина Николаевича и супруги императора Марии Александровны, в девичестве — принцессе Гессен-Дармштадской. Само собой разумеется, что немка была рада приветить при дворе немецкого же барона и особенно не вникала в детали предприятия.

Решающим же в этом деле стал небольшой спектакль, разыгранный бароном, когда он почувствовал, что вся его задумка о легитимизации синайской рукописи с помощью российского императора повисла на волоске. При очередной оказии он дал понять, что правительство Саксонии тоже готово оплатить его экспедицию, если российский двор откажется его поддержать. Кровь принцессы Гессен-Дармштадской разыграла, и на следующий день без всяких документов, расписок и обязательств Бекендорфу были выданы 9000 рублей золотом. Он был в восторге. Путь в монастырь Святой Католины был открыт.

Глава 7 Охотник за перстнем

Когда Франц Циммерман вышел из замка, он был очень сосредоточен. Не мешкая, он сел в поданную слугой машину и со всей силы нажал на газ. Немецкая техника не подвела, двигатель послушно взревел, и уже через несколько секунд он на предельной скорости мчался по направлению к автобану на Берлин. Каждый раз, когда Франц касался систем управления своей новой машины, у него появлялось ощущение, будто новейший автомобиль производства концерна BMW под кодовым названием ZORRO слушался не только команд водителя, но даже его мыслей. Уже начинало темнеть, однако по-немецки идеальная проселочная дорога, которая начиналась у затерянного в лесах Саксонии замка Кайзербург, еще до захода солнца успела вывести его на освещенный автобан. Выехав на трассу и предоставив автомобилю самому выбирать дорогу и оптимальный режим движения, Франц откинулся в кресле и погрузился в собственные мысли.

Разговор с председателем, ради которого он сегодня утром уже преодолел несколько сотен километров, оказался непростым. Один из наиболее влиятельных в мире людей выглядел во время их встречи несколько уставшим и озабоченным.

— С момента трагедии в Альпах, унесшей жизни многих из наших достойных коллег и друзей, меня не покидает ощущение, что происшедшее тогда землетрясение вовсе не было случайностью, — сказал он Францу. — Замок был рассчитан на то, чтобы противостоять любым известным в природе катаклизмам, но, тем не менее, от него не сохранилось даже фундамента. Мало того что мы остались без Димитрия и его людей, так сейчас возникла новая проблема в области его компетенции, от решения которой зависит очень и очень многое, в том числе — для меня лично. Мы все еще ищем замену Димитрию, но пока безрезультатно. Комитет считает, что вы, Франц, единственный, кто способен выполнить то, что нам сейчас жизненно необходимо. Фактически от вас требуется одно — совершить чудо. Для этого я вас и вызвал.

«Чудо ему нужно! — подумал Циммерман. — Ни больше и не меньше!» Но вслух лишь произнес:

— Я слушаю вас, господин председатель.

— Вам предстоит оказать комитету и мне лично неоценимую услугу. Если коротко, то речь идет о следующем: необходимо отправиться в Египет и раздобыть там одну очень древнюю вещицу, а именно — перстень святой Катерины.

Председатель краем глаза заметил, как брови на лице Циммермана на мгновение взлетели вверх, что, очевидно, выражало крайнюю степень удивления. Однако он решил не обращать на эмоции Франца никакого внимания, во всяком случае, пока.

— Этот перстень — один из древнейших христианских артефактов, — продолжил он. — Существует легенда, что некой девице Катерине из Александрии, которая впоследствии была канонизирована Церковью и причислена к сонму святых, самим Иисусом Христом был подарен перстень в знак того, что он избрал ее своей невестой. И случилось это в конце третьего века от Рождества Христова. Якобы Иисус явился ей во сне и надел на палец перстень, который хранится теперь в строжайшей тайне в одноименном мужском монастыре возле горы Синай. Вам нужно его оттуда извлечь и привезти мне. В средствах вы не ограничены. Вопросы?

— Что за монастырь? Я должен действовать один?

— Монастырь греческий, православный и носит, как я уже сказал, имя святой Катерины. Он очень хорошо известен в православном мире. Впрочем, и в Германии тоже — в XIX веке именно в нем богослов из Лейпцига Людвиг фон Бекендорф обнаружил и привез в Европу древнейшие из известных списков Библии. Часть их хранится в Лейпцигской библиотеке. Судя по всему, он ничего не знал о перстне и сосредоточился на старинных рукописях. Он увез из монастыря достаточно рукописей, чтобы с тех пор монахи считали себя обманутыми и с подозрением относились ко всем немцам. Впрочем, не будем попусту тратить время. Я уверен, вы и сами сообразите, где найти всю информацию по этому вопросу. Действовать вам одному вряд ли получится, это — на ваше усмотрение, а вот имя вам на время придется сменить.

При этих словах брови Циммермана удивленно взлетели еще раз.

— Ваше новое имя — Ганс Мюллер. — Председатель достал новехонький паспорт и передал его Циммерману. — Имя подобрано так, чтобы в Германии вас найти было невозможно. Ну, или, по крайней мере, затруднительно, — добавил он. — Задание, как вы понимаете, сугубо конфиденциальное.

Франц взял паспорт и положил его во внутренний карман пиджака.

— Когда я должен приступить?

— Каждый день и час — на вес золота. Начинайте действовать немедленно. Уровень вашего вознаграждения напрямую зависит от того, как быстро вы справитесь. — С этими словами Председатель достал и передал Циммерману кредитную карточку и толстую пачку наличных. — Это вам на текущие расходы. Только запомните — лишние свидетели нам не нужны.

Циммерман даже не стал тратить время на размышления над тем, что только что услышал. Задание было крайне необычным, но отказать председателю Франц не мог, ибо последствия такого шага были для него трудно прогнозируемы. Поддельное имя и деньги — это было все, чем он реально располагал на данный момент. Немного, но и немало.

По дороге в Берлин новоиспеченный господин Мюллер, а в прошлом старший офицер «Штази» Франц Циммерман, лихорадочно пытался найти какую-то зацепку, которая помогла бы ему решить столь сложную и необычную задачу. Людвиг фон Бекендорф! Это

имя звучало многообещающе. Ему нужен был совет профессионала, и Франц решил не откладывать проблему поиска информации в долгий ящик. Несмотря на поздний час, он отправился не домой, а к одному из своих бывших восточногерманских осведомителей, ныне вполне уважаемому профессору — историку Берлинского университета доктору Генриху Тотту, в особняке у которого, как он знал, была великолепная библиотека.

Нельзя сказать, что доктор Тотт обрадовался незваному гостю, однако отказать ему он не мог — работа на «Штази» была тем компроматом, который позволял Циммерману поддерживать всех его бывших агентов в рабочей форме и использовать их, когда в этом была потребность. Поэтому он не стал церемониться и тратить время на объяснения, а сразу направился к Генриху в библиотеку и устроил там настоящий погром.

Чутье его не подвело. Среди книг в коллекции Тотта, посвященной истории Ближнего Востока, обнаружилось одно из оригинальных изданий путевых заметок барона Людвиг фон Бекендорфа, в которых автор описал свои путешествия в Египет. Сначала Циммерман жадно глотал страницу за страницей, а затем нашел и внимательнейшим образом прочитал ту их часть, где барон рассказывал о своих приключениях в монастыре Святой Катерины. В них Франц надеялся найти хоть какую-то информацию о перстне. Ничего, ни единого слова! Но вот что бросилось ему в глаза, так это упоминание о том, как трудно было немцу и протестанту Бекендорфу найти общий язык с православными монахами. В своих дневниках Бекендорф особо подчеркивал, что в истории с Синайским кодексом решающим условием успеха стало наличие рекомендации от российского императорского двора. «Нужен партнер, причем из православных, возможно — из России», — подумал Франц Циммерман. Для него это не было проблемой, ибо он прекрасно владел русским языком и довольно хорошо знал славянскую психологию.

— Генрих, старина, есть ли у тебя человек из России, который понимал бы в старинных библейских кодексах? — спросил он доктора Тотта как можно более дружелюбно.

Генрих, который все это время наблюдал за происходящим с довольно кислым выражением лица, наморщил лоб и задумался. Ему ужасно хотелось отделаться от Циммермана как можно скорее. И тут он вспомнил о выходе из бывшего СССР Натане Ковальском, с которым они неоднократно встречались на различных конференциях. Ныне Натан был подданным Британской короны и возглавлял Библейское общество Великобритании. Он вполне мог бы порекомендовать кого-нибудь из специалистов, происходящих из православного мира. Несмотря на поздний час, доктор Тотт позвонил в Лондон и, сославшись на срочную необходимость проведения дополнительного исследования разбросанных по миру фрагментов Синайского кодекса, часть из которых хранилась в России, в Санкт-Петербурге, попросил Натана о помощи. Ковальский нашелся сразу и назвал одно имя: Трубецкой. По его словам, только Сергей Михайлович Трубецкой, киевский профессор и известный специалист по древним рукописям, мог оказать помощь как в изучении Синайского кодекса, так и в диалоге с монахами православного монастыря, пусть и расположенного в Египте. Уже на следующий день Франц Циммерман с паспортом на имя Ганса Мюллера вылетел в Киев.

Как только Циммерман на своем ультраупакованном БМВ вырулил за ограду замка, председатель отошел от окна и устало присел за письменный стол. В чем он с трудом мог признаться даже самому себе, так это в том, что Франц был его последней надеждой, ибо председатель... умирал. Пока человек молод, он стремится к власти и деньгам, поскольку думает, что это те две составляющих бытия, наличие которых даст ему возможность жить долго, счастливо и в свое удовольствие. И он идет к своей цели упорно, часто не разбирая дороги и не особенно задумываясь о средствах достижения желаемого результата. К несчастью, человеку не дано знать, что, когда он достигнет и того и другого, очень даже может оказаться, что вся власть мира и все деньги человечества не могут остановить даже крохотную, но чрезвычайно агрессивную опухоль, поразившую легкие или, к примеру, поджелудочную железу. И тогда даже председатель, достигший вершин возможной на этой планете власти, становится всего лишь одним из пациентов онкологической клиники, пусть и оснащенной наилучшим оборудованием, которое имеется в распоряжении современной медицины, но от этого не менее бессильным остановить болезнь. И в этот момент он, возможно, спросит себя: что же я совершил такого, чтобы Тот, Кто Всем Управляет, просто вычеркнул мое имя из Книги Жизни в момент, когда судьба привела меня на самую ее вершину? И если он попытается найти правильный ответ на этот вопрос, то, возможно, еще удастся исправить ситуацию. Однако, как показывает практика, в большинстве случаев такой вопрос сильные мира сего себе даже не задают. Они просто отвыкают подвергать сомнению собственные решения и поступки, считая, что они всегда и во всем правы. Но всегда и во всем прав только Бог.

Надо сказать, что председатель обладал необычайными интеллектуальными и организационными способностями и поэтому по праву возглавлял один из ключевых комитетов «мирового правительства». И он задал себе правильный вопрос, вот только с ответом промахнулся. После того как его лечащий врач — между прочим, лауреат Нобелевской премии — сказал ему, что помочь может только чудо, он и решил ни много ни мало, а заполучить перстень Бога, который, как гласила легенда, творит эти самые чудеса. Теперь в руках презираемого каждым настоящим немцем бывшего старшего офицера «Штази» Франца Циммермана, которого раньше даже не подпустили бы к порогу дома председателя, были его жизнь и его судьба.

Глава 8

По следам Бекендорфа

Поездка в Египет никого не может оставить равнодушным, а для ученого, связанного с изучением древностей, это всегда особенное событие. Колыбель одной из самых удивительных древних цивилизаций, мистическая культура, пропитанная магией фараонов и пирамид, плавильный котел языков, религий и традиций, на протяжении тысячелетий Египет манил завоевателей, путешественников, ученых и просто искателей приключений. Христианская философия столь многое позаимствовала из Египта, что некоторые не без основания утверждают, будто бы именно у египетских жрецов провел Иисус те годы своей жизни, о которых мы и поныне решительно ничего не знаем. Поэтому совершенно не удивительно, что именно в Египет стремились многочисленные

европейские охотники за древнехристианскими рукописями. Здесь, в Александрии, находилась не только легендарная библиотека, однажды сгоревшая, но один из мировых центров учености. Именно отсюда летели по всему христианскому миру искры спора между пресвитером Арием и епископом Александрийским о божественной сущности Иисуса Христа, ставшие основной причиной созыва Первого Вселенского собора христиан в Никее.

Весь полет до Каира Трубецкой внутренне настраивал себя на встречу с Египтом. Сколь же глубоким было его удивление, если не сказать разочарование, когда вместо полного тайн и загадок города, наполненного мистическими памятниками древности, он вдруг оказался среди шумного и пыльного, одетого в асфальт и бетон десятиллионного мегаполиса, в котором все машины ездят по той стороне улицы, на которую падает тень, и при этом прекрасно обходятся без светофоров. Впрочем, каким бы ни было первое впечатление, по приезду в гостиницу он не поленился спуститься в лобби, отыскать ларек для туристов, купить и тут же отправить по почте Анне открытку с изображением пирамид. Он знал — пусть это был всего лишь пустяковый знак внимания, а все же очень для нее приятный.

Исполнив свой долг перед супругой, Сергей Михайлович вышел на улицу в душную каирскую жару, не оставляющую город даже осенью. Длинная вереница такси стояла под отелем, и ему стоило только подумать, как желтая машина с шашечками уже была к его услугам. Водитель, чрезвычайно приветливый парень, казалось, готов был везти его куда угодно. Однако когда Трубецкой уже устроился на заднем сиденье и они медленно влились в каирскую тянучку, выяснилось, что молодой араб попался какой-то несмышленный, к тому же не понимающий ни слова по-английски. Лишь после длительных объяснений на языке жестов таксист наконец радостно закивал в ответ на предложение Трубецкого удвоить плату за проезд, и они отправились в главный коптский храм — собор Святого Марка. Там раз в неделю служил службу сам Папа Шанеда II, пользовавшийся беспрекословным авторитетом и искренней любовью своего народа. Позже, когда таксист, ожесточенно сигналил и отчаянно маневрируя, пытался пробиться сквозь безнадежную пробку на шоссе Рамзес, Трубецкой понял, почему тот с самого начала устроил спектакль, закончившийся договоренностью про двойную оплату. Собор находился в старой части Каира, известном под поэтическим названием Аббасия, и ехать сюда на машине, а не на метро мог решиться только турист — новичок, изучающий Каир самостоятельно, на свой страх и риск.

В конце концов им удалось прорваться сквозь сплошную стену немилосердно гудящих и чадящих каирских машин, и по прибытии на место Сергей Михайлович без всякого сожаления отпустил нервного таксиста восвояси. Перед ним возвышалась бетонная громада огромного, современной архитектуры собора Святого Марка.

Трубецкому повезло — служба с участием главы коптской церкви должна была состояться именно сегодня. Еще до ее начала в собор набилось множество народу и в храме стало очень душно. Честно говоря, просто побеленные и, по коптской традиции, без фресок и росписей стены собора да резные деревянные инкрустированные перламутром вместо икон панели «иконостаза» не внушали ему особого душевного трепета, однако Сергей Михайлович решил держаться до конца. Он пристроился на краешке одной из многочисленных лавок для сидения и мужественно выслушал, не понимая ни слова, и

проповедь, и довольно длинную сессию вопросов и ответов, которую традиционно провел Папа Шанеда II после службы. Лишь потом, когда народ начал расходиться, он пробрался поближе к Папе, который оказался более доступен, чем иные православные священники в мелких отечественных церквушках, и попросил аудиенции.

Вначале Сергей Михайлович удостоился лишь удивленно-вопросительного взгляда Шанеды II, однако затем, когда Трубецкой упомянул о Синайском кодексе, Папа сменил удивленное выражение лица на милостивое и жестом пригласил Сергея Михайловича следовать за ним, вглубь церкви. Там они стали разговаривать по-английски.

— А почему вы пришли ко мне, а не обратились в греческий патриархат в Александрии? — поинтересовался Шанеда II, когда Сергей Михайлович рассказал ему о том, что привело его в Египет. — Ведь монастырь Святой Катерины — греческий. Мы с патриархом Петром нынче состоим в дружбе, и я мог бы вас ему рекомендовать.

— Моей целью является установление истины в деле, связанном с открытием бароном Бекендорфом Синайского кодекса. Я знаю, что документ фактически был украден из монастыря Святой Катерины. Но я также знаю, что в новозаветный канон коптов включены не только общепринятые у христиан восточного обряда Евангелия и послания, о которых всем хорошо известно, но и Послание Варнавы, и Пастырь Гермы, то есть именно те два документа, которые и отличают Синайский кодекс от всех других известных списков Нового Завета. Это ведь не может быть чистой случайностью, значит, здесь, возможно, есть какая-то восходящая к первохристианам связь между древней коптской традицией и кодексом.

Трубецкому показалось, что Шанеда II взглянул на него не без любопытства и уж точно — одобрительно.

— Коптская церковь ведет свое начало от евангелиста Марка, и мы верим, что наш канон значительно ближе к первоначальному, чем его более поздние определения по знаменитому пасхальному письму епископа Афанасия Александрийского от 367 года. Наш канон был определен ближайшими учениками Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, и не епископам его менять! — произнес глава коптской церкви с металлической ноткой в голосе.

Они подошли к беломраморному гробу, в котором хранились мощи евангелиста Марка, основателя коптской общины.

— Здесь, — сказал Шанеда II, — ныне покоится лишь малая часть останков нашего святого, ибо в VIII веке его мощи обманом были выкрадены итальянскими купцами и перевезены в Венецию, где тоже есть собор Святого Марка. Хвала Спасителю, что моему предшественнику, Папе Кириллу IV, удалось вернуть часть мощей в Каир. А вот бесценные рукописи, украденные у христиан Египта, нам вернуть так и не удалось. Они ныне составляют славу библиотек просвещенной Европы. Согласитесь, это странно, когда библиотеки Британии, Италии, Германии, Франции гордятся наличием в их фондах рукописей и манускриптов, попросту украденных у тех, кому они должны бы принадлежать по праву истории. И при этом, — Шанеда II поднял перст к небу, чтобы подчеркнуть важность того, что он собирался сказать, — распускались и ныне распускаются слухи об исключительной невежественности египетских монахов. Якобы они были настолько глупы, что и понятия не имели о том, какую ценность имели древние списки Торы и Нового Завета, находящиеся в их руках. Монашество впервые появилось

именно в коптских общинах, в Египте, и сегодня здесь немало монастырей очень строгого канона. Безответственно утверждать, что те, кто без остатка посвятил себя служению Богу, являются безграмотными и малообразованными людьми. Хочу вам заметить, что крайне почтительное отношение к святым книгам — в коптской традиции. Я надеюсь, у вас будет возможность в этом убедиться. Верно ли я понимаю, что теперь вы держите путь на Синай, в монастырь Святой Катерины? — вдруг спросил он.

— Да, вы абсолютно правы. Ведь именно там был найден Синайский кодекс. И что еще более удивительно — недавно появилось сообщение, что там же найдены двенадцать страниц из него же, ранее утерянные, — ответил Трубецкой. — Мистическая история с этим кодексом. Например, общеизвестно, что монастырь Святой Катерины никогда не подвергался разграблению, и именно потому там была собрана одна из самых богатых и уникальных христианских библиотек. И в то же время в письме к министру духовных дел Саксонии, которое было опубликовано в 1859 году в Лейпциге, сам Бекендорф указывал, что «Провидение сохранило в одном из самых отдаленных и так часто подвергавшихся грабежу монастырей Востока манускрипт, который равняется Ватиканскому...». В этом же письме он приводит аргументы в пользу древности Синайского кодекса, которые легко могут быть оспорены...

— А знаете ли вы, — Шанеда II понизил голос почти до шепота, — что в найденных Бекендорфом списках именно между посланием Варнавы и Пастырем Гермы были найдены шесть, как ему показалось, затерянных листков, написанных на непонятном Бекендорфу языке? Он просто решил, что они случайно оказались внутри кодекса, и не стал с ними возиться, хотя из монастыря увез. Я бы очень хотел узнать, что это были за листки и где они теперь, ибо у меня есть основания считать, что написаны они были на коптском языке и представляли собой исключительно важное по своему содержанию послание. Жаль, что эти листки попросту исчезли.

Ну что ж, езжайте, и да поможет вам Всевышний. — Шанеда II всем своим видом показал, что аудиенция окончена. — И попробуйте ответить для себя еще на один вопрос: по какой такой причине именно та гора, которая сейчас называется горой Синай, или Божьей горой, считается местом, где Моисей получил скрижали Завета? И почему это место столь почитается христианами, а не иудеями, которым якобы именно на Синае была дарована Тора?

Собрав воедино быстро истощающиеся в душевной каирской атмосфере остатки энтузиазма, Сергей Михайлович, вооруженный советами Папы, посетил еще одну коптскую церковь, в честь мученика Сергия — Абу Серга, построенную над гротом, где, согласно легенде, укрывалось Святое Семейство во время странствования по Египту. Однако в сам грот ему попасть не удалось — он оказался затопленным грунтовыми водами. Покончив с египетско-христианской мифологией, Трубецкой отыскал туристическое бюро, которое занималось извозом русских паломников на гору Синай. Сомнения, посеянные Шанедой II относительно отождествления этой горы с библейской горой, где Моисей получил скрижали Завета, не давали ему покоя, и его восторженное ожидание от предстоящего путешествия значительно померкло. «В самом деле, — размышлял Сергей Михайлович, сидя в достаточно комфортабельном, но все же пыльном автобусе, который не спеша полз по пустыне, — как это мне раньше-то в голову не приходило: а почему иудеи не считают эту гору святым местом? Ведь ветхозаветная

история о Моисее и неопалимой купине в первую очередь касается иудаизма... К тому же это были скрижали Завета вышедшего из Египта народа иудейского с Богом. При чем же тут христиане? Кому они молятся на этой горе?»

Оторвавшись на несколько секунд от своих мыслей, он услышал, как две сидящие сзади богобоязненного вида и преклонного возраста паломницы с благоговейным восторгом обсуждают тот непреложный, с их точки зрения факт, что всякому, совершившему паломничество на гору Синай, даровано будет отпущение всех грехов. «Господи, — подумал Сергей Михайлович, — и какую только чепуху не придумают люди! И кто там кому и почему грехи отпускает — это для них неважно, ни о чем думать не надо: поехал, взошел, очистился, и — айда снова грехи зарабатывать. Как у них все просто!»

Они проехали через тоннель под Суэцким каналом, миновали длинные цепочки придорожных ресторанов и заправок и оставили позади современное шоссе через Синай. Вскоре автобус уже катился возле ограды монастырского сада, проехал мимо высоченных стен монастыря Святой Катерины и остановился у приюта, где обычно паломники дожидались восхождения на гору, которое рекомендовалось совершать только с проводником и за немалую плату. И хотя именно монастырь был целью путешествия Трубецкого, он все-таки решил быть последовательным и прежде всего взобраться на гору. Будучи по природе противником групповщины, Сергей Михайлович не стал ждать наступления ночи и появления проводника. На вершину Синай вела широкая тропа, которая исключала возможность заблудиться, и, вооружившись фонариком, он без промедления отправился в путь. Через несколько часов, когда уже совсем стемнело, он без проблем достиг вершины, где наиболее заметной достопримечательностью была построенная в тридцатых годах прошлого столетия часовня Святой Троицы. Именно там он решил скоротать время до рассвета, наступление которого и должно было, судя по мнению многочисленных паломников, знаменовать собой очищение от грехов. На вершине было холодно и дул сильный ветер. Трубецкой направился к часовне.

В часовне Святой Троицы было темно, лишь несколько лампад освещали алтарь и иконы вдоль стен. Сергей Михайлович нерешительно прошел внутрь и ненароком столкнулся с одним из паломников, которые, видимо, заходили сюда помолиться ради отпущения грехов. Тот от неожиданности обернулся, и их глаза встретились. По спине Трубецкого пробежал холодок. Даже слабых отблесков лампад было достаточно, чтобы понять — он хорошо знает этого человека. Это был Артур Александрович Бестужев.

Бестужева было не узнать. Куда девалась еще недавно владевшая им темная сила, а вместе с ней — его лоск, самоуверенность и холодный, бездушный взгляд? Теперь перед Сергеем Михайловичем стоял одетый в простую рясу, заросший и какой-то неухоженный монах. Было очевидно, что дух его находится в смятении, поскольку, узнав Трубецкого, Артур Александрович вдруг переменился в лице, упал на колени и начал неистово молиться.

— Артур, ты ли это? — тихо спросил его Сергей Михайлович. — Прошу тебя, встань. Ты, однако, сильно изменился...

Бестужев поднялся с колен, кинулся к Трубецкому и обнял его.

— Слава Создателю, ты жив и здоров, — заговорил он полупшепотом и быстро, как бы торопясь. — Как Анна? Все ли с ней в порядке? Я бы никогда, никогда себе не простил, если бы с ней что-то случилось...

— С ней все хорошо, — ответил Сергей Михайлович, — спасибо за беспокойство. А вот что случилось с тобой? Я видел тебя по телевизору всего несколько месяцев тому назад, и ты был в полном порядке.

Бестужев вроде немного смутился.

— Да разве все сразу расскажешь...

— А ты расскажи, я никуда не спешу.

Они вышли из часовни, присели на камни, и, пока над горой всходило солнце, Бестужев поведал ему продолжение своей истории.

— Когда мы встретились с вами в замке, я был уверен, что сделал правильный выбор, встав на сторону сильных. Разве мог я предположить и до конца осознать тогда, что над всеми сильными и даже всеильными мира сего есть одна высшая сила, которую они преодолеть не смогут никогда, и я предал эту силу... — Он говорил сбивчиво и торопливо. — Герхард — ты ведь помнишь его? — стал одним-единственным, кому чудом удалось спастись в том чудовищном землетрясении. Он мне все и рассказал. И про их план имитировать через средства массовой информации свое собственное исчезновение, чтобы сбить всех с толку, и про то, чтобы убрать вас с Анной как ненужных свидетелей...

«Вот даже как? — отметил про себя Трубецкой. — Ничего себе поворот!»

— Но у них ничего, абсолютно ничего не вышло! Тот, кого послали убить вас, а это был монах из какого-то монастыря в Израиле, предпочел отправиться на небеса, чем совершить грех убийства... Но они об этом даже не узнали, так как все были сметены лавиной, ниспосланной на них самим Господом, в этом нет никакого сомнения! Герхард спасся лишь потому, что неистово молился в тот момент и покался в грехах своих, когда гнев Господень обрушился на замок... Он теперь в клинике для душевнобольных — подобные катаклизмы так просто не проходят. Раньше у него бывали просветления, но теперь он уже никого не узнает.

— С Герхардом все понятно, а вот как ты здесь оказался?

— Еще тогда, в замке, мои прежние хозяева быстро поняли, что вас с Анной им не заполучить, и поэтому было решено пристроить меня к православным иерархам, чтобы стать там со временем своим и проводить нужную господам из замка политику. Но я, узнав о случившемся в Альпах, тотчас бросил все и поехал в Австрию, нашел и навестил в больнице Герхарда, и он мне все рассказал. Тогда со мною такое началось... Ты понимаешь, ведь то, что случилось там, в горах, — это ведь прямое, реальное проявление воли Всевышнего, а гнев Его страшен... Я неделю был будто не в этом мире, в каком-то бреде пребывал, боли были страшные по всему телу, трясло всего... В общем, после этого прозрел я и понял, что за грехи мои платить мне до конца дней моих службой самой тяжелой, вот я теперь тут и подвигаюсь — вожу паломников на гору, грехи им отмаливаю и больше уж ничего не хочу...

Тем временем наступил рассвет. Оставаться на горе больше не было смысла — от все прибывающих паломников и их суеты создавалось впечатление базара, а не святости, и Сергей Михайлович с Бестужевым отправились вниз.

Трубецкой смотрел на Артура Александровича с жалостью и состраданием. Но выбор был сделан им самим. Никто ведь не принуждал в прошлом уважаемого профессора Санкт-Петербургского университета Артура Бестужева сначала затеять охоту за реликвиями тамплиеров, затем избрать путь духовного очищения, а позже предать собственный выбор и перейти в стан темных сил. И вот теперь такой финал... Винить в происшедшем Бестужеву было некого, кроме самого себя, и все же Сергей Михайлович решил дать ему еще один шанс вернуться к прежней жизни. Все-таки Бестужев был когда-то серьезным ученым, настоящим профессионалом и его знаниями было бы грех пренебречь. Пока они спускались с горы, Трубецкой рассказал Бестужеву о цели своей поездки на Синай.

— Послушай, Артур, я тебе кое-что расскажу, мне твой совет будет полезен. Тут, у подножия горы, есть монастырь Святой Екатерины, ты, конечно, об этом знаешь. В нем на протяжении последних ста пятидесяти лет, начиная с XIX века, перебивало огромное количество самого разнообразного народа из Британии, Германии, России, других стран. Среди них были ученые и шарлатаны, служители Церкви и искатели сокровищ, в общем, кто там только не побывал. Их целью было обнаружить и по возможности вывезти старинные рукописи и манускрипты, представляющие большую ценность в Европе. При этом каждый действовал на свой страх и риск: кто — обманывая, кто — задабривая, а кто — подкупая монахов. Из опубликованных воспоминаний этих путешественников можно сделать несколько выводов. Во-первых, утверждается, что монахи не имели и не имеют ни малейшего представления о том, какие сокровища хранятся в монастыре. При том, что, как я понимаю, в древности стоимость одной книги из пергамента была просто колоссальной, ведь для ее изготовления требовалось истребить небольшое стадо овец или коз, библиотечный фонд только в монастыре Святой Екатерины насчитывает более пяти тысяч томов, которые, как утверждается, хранились и хранятся в совершенно безобразном виде. Во-вторых, невзирая на многочисленных «исследователей», которые многократно перешерстили все эти книги, в каких-то потаенных чуланах там все еще находится тьма неизвестных миру сокровищ. К примеру, после знаменитого барона Бекендорфа, который отыскал якобы в корзине для мусора Синайский кодекс, две британские дамочки по имени Агнес Льюис и Маргарет Гибсон там же нашли еще один не менее ценный и древний кодекс, только под названием «Синайский сирийский». В 1950 году был обнаружен палимпсест очень ценного Арабского кодекса, а совсем недавно — еще двенадцать листов все того же пресловутого Синайского кодекса. Просто магия какая-то! Кто туда ни поедет, какую-нибудь древность — одну древнее другой — обязательно найдет. Но для меня сейчас наибольший интерес представляет именно последняя находка — эти двенадцать листов. Понимаешь, так никто толком и не может объяснить, что же в действительности нашел Бекендорф сто пятьдесят лет тому назад, что и куда он вывез и что все это означает для истории Библии. Уже вроде бы все нашли, а тут новые листы объявились. Странная какая-то история. Я собираюсь теперь попасть в этот монастырь и попробовать во всем разобраться. Говорят, они к православным питают более нежные чувства, чем к представителям западной цивилизации. Пойдем со мной, ты ведь немало путешествовал по Ближнему Востоку, так что сможешь помочь мне. Крайне важно в таком деле выяснить истину, и это принципиальный вопрос даже не столько для Церкви, сколько для нашего понимания того, как формировалась современная цивилизация...

Они миновали бедуинскую кафешку, расположенную на обочине тропы, что вела с горы вниз. Все время, пока Трубецкой рассказывал о своих планах, Бестужев молчал и лишь сосредоточенно слушал. Но когда они добрались до пещеры, в которой, как верят паломники, пророк Илия получил божественное откровение, Артур вдруг остановился и сказал:

— Знаешь, Сергей, еще недавно это было бы для меня фантастически заманчиво, но... все осталось в прошлом. Я свои открытия уже сделал и не имею ни малейшего желания продолжать ту же суетную жизнь, которая как минимум дважды для меня чуть не закончилась гибелью. Но тебе помочь хочу и поэтому скажу одну важную вещь. Знаешь ли ты, как еще называется эта гора? — Он обернулся и указал рукой на вершину горы Синай, с которой они только что спустились.

— Ты имеешь в виду ее арабское название Джабал-Муса?

— Нет, арабы тут ни при чем. В Библии гора, где Моисей получил от Господа скрижали Завета, называется Хорив. Тебе это ничего не говорит?

— Ну как же, Кий, Щек, Хорив и Лыбедь, легенда об основании Киева. Но ты же не хочешь сказать, что между названием библейской горы и именем брата Кия есть какая-то связь? Это, видимо, чистое совпадение.

— Видимо. Только вот объясни мне одну вещь. Хорив на древнееврейском означает «сухость», «пустынность», указывает на местность, лишенную растительности. А ты знаешь, какая из Киевских гор называется Хоревица? Это та самая легендарная Лысая гора, на которой... ну, ты сам знаешь, кто водится. — Бестужев перекрестился. — Вот и понимай это, как тебе заблагорассудится.

Трубецкой был поражен. «Ничего себе аналогии, — подумал он. — Мистика какая-то».

— И еще, — вдруг сказал Артур, — я не уверен... но раз ты собрался в монастырь Преображения, вдруг тебе это пригодится. Знаешь ли ты о существовании перстня Христова, подаренного святой Катерине?

— Какого еще перстня? — переспросил Трубецкой.

— По церковной легенде, сам Иисус избрал Катерину в свои невесты и даже подарил ей перстень, который и сегодня хранится в монастыре, только это тайна. Мне случайно довелось узнать об этом, когда монахи как-то ночью поднялись помолиться на гору — то ли праздник у них был какой-то, то ли иная оказия, — но я тогда близ часовни дремал с паломниками и услышал их разговор. Они-то по-гречески говорят, а я ведь знаю язык, так вот они и проговорились. Вроде бы, когда монахи нашли здесь, на горе, ее мощи, на левой руке святой был надет необыкновенный перстень. А перстень этот, по их словам, чудеса совершает, людей исцеляет, причем не только от духовных, но и от физических недугов. Поэтому никому монахи о том и не говорят — боятся, что украдут перстень, как и рукописи. И вот что любопытно: монахи шептались, будто перстень тот силу имеет только вблизи горы. По преданию, его как-то однажды возили к османскому султану лечить кого-то, так еле ноги унесли — толку от него не было никакого, а султан очень на перстень рассчитывал, чтобы исцелить то ли одну из своих жен, то ли какого-то фаворита. Вот так.

— Ну что ж, спасибо тебе, это и вправду весьма любопытно. Так я — в монастырь Святой Катерины, — сказал Трубецкой. — Может, ты все-таки пойдешь со мной?

— Нет. — Артур покачал головой. — Мне туда ход заказан, слишком много я нагрешил, а там место святое, намоленное. Тут неподалеку есть один приют, он как раз для таких, как я, грешников, я там пока поживу, а позже посмотрим. Сейчас я помолиться хочу в пещере Ильи-пророка. Ты иди, Бог тебе в помощь.

Сергей Михайлович пожал плечами, выдохнул про себя: «Жаль!» — и зашагал дальше вниз по высеченным в скале ступеням.

— Сергей! — вдруг услышал он сзади голос Артура. Трубецкой остановился и оглянулся на Бестужева.

— Знаешь ли ты, как звали святую Катерину до крещения? — прокричал тот. Сергей Михайлович отрицательно замотал головой.

— Досифея! — снова прокричал Бестужев, махнул рукой и скрылся в пещере Ильи. Досифея!

Всю оставшуюся дорогу до монастыря Трубецкой размышлял о странных совпадениях, которые вдруг начали появляться вокруг «синайской истории». Имя Досифеи было не понаслышке знакомо Трубецкому, ведь так звали легендарного отшельника-провидца из пригорода Киева Китаево, который знаменит был на всю Русь, а на поверку оказался старцем-девицей... И ее история, как и история святой Катерины, была полна тайн и загадок.

Размышления Трубецкого об аналогиях были прерваны, когда он добрался до стен монастыря. Там, неподалеку от единственного входа, через который монахи пропускали гостей и паломников, Сергея Михайловича ожидал новый сюрприз. И назывался он просто — Ганс Мюллер.

Глава 9 Монастырь Преображения

Господин Мюллер сидел, как и положено немцу, на аккуратном стульчике в тени, которую отбрасывали в лучах утреннего солнца просто громадные по высоте и необъятного диаметра колонны, образующие часть монастырской стены. Увидев Трубецкого, он приподнялся и как ни в чем не бывало приветливо помахал ему рукой.

— Сергей Михайлович, здравствуйте! — крикнул он.

Трубецкой подошел поближе и сдержанно поздоровался.

— Какими судьбами? — спросил он с прохладой в голосе. — Мы вроде не договаривались о встрече.

— Но вы же не можете, уважаемый профессор, лишить меня удовольствия лично посетить столь знаменитый монастырь. Я бы мог это легко сделать и сам, так сказать, в индивидуальном порядке, но потом решил присоединиться к вам. Ведь это заключительный этап вашего путешествия, и я с нетерпением жду ваших выводов. Надеюсь, вы не возражаете, если мы посетим монастырь вместе?

Сергей Михайлович решил обойти этот вопрос молчанием. Лишь коротко произнес:

— Ну что ж, тогда пойдете.

В то утро у ворот монастыря собралась, как всегда, толпа паломников. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Мюллер и Трубецкой просто смешались с остальными посетителями и лишь на секунду остановились перед входом, над которым с VI века

сохранилась надпись: «С основания воздвигнут сей священный монастырь Синайской горы, где Бог говорил Моисею, смиренным царем ромеев Юстинианом на вечное поминовение его и супруги его Феодоры. Окончен после тридцатого года царствования его. И поставлен в нем игумен по имени Дула в лето от Адама 6021, от Христа же 527», а затем прошли внутрь. Они миновали крошечные двери, пробитые в трехметровой толще стены, и оказались во внутреннем дворе монастыря.

За его неприступными стенами время словно остановилось. Сюда не долетал шум от сутолоки снаружи, здесь царили спокойствие и благоговение. Даже разношерстная толпа паломников притихла, увидев впереди, буквально в нескольких десятках шагов от входа, базилику Преображения — главный храм этой обители. Слева от них находилась мечеть, а справа — расположенные одно над другим и пересекающиеся во многих плоскостях и этажах различные монастырские постройки. Трубецкой еще в самолете успел прочитать, что мечеть в православном монастыре появилась после захвата Синая мусульманами и выдачи монастырю охранной грамоты, которая, по преданию, была подписана самим пророком Мухаммедом и в которой он повелевал не трогать обитель и не взимать с нее налоги. Существовала версия, что грамота эта была выдана с учетом лояльности, которую проявили синайские монахи по отношению к арабским завоевателям, стремясь любой ценой избавиться от ненавистного им владычества Византийской империи.

Когда паломники, ведомые одним из монахов, отправились в базилику, Сергей Михайлович и увязавшийся за ним Мюллер свернули налево, за мечеть, к строениям, где были расположены покои монастырского руководства. Там Трубецкой обратился по-гречески к первому же встретившемуся им монаху и попросил отвести их к архиепископу. Ибо с древнейших времен монастырь Святой Катерины являлся не просто одним из святых мест, но представлял собой самую маленькую христианскую епархию в мире. Он и поныне служит центром автономной Синайской православной церкви, а игумен монастыря традиционно имеет сан архиепископа Синайского, рукоположение которого совершает Иерусалимский патриарх. Такой порядок был установлен в VII веке, его придерживаются и в наше время. Все это означало, что, если Трубецкой хотел получить доступ к библиотеке монастыря, ему надлежало, прежде всего, добиться согласия и благословления настоятеля — архиепископа. Такое согласие было теперь тем более необходимо, поскольку Трубецкой явился в монастырь в сопровождении чужака — Ганса Мюллера.

Монах провел их через сложную систему переходов, лестниц, площадок и террас к одной из двух часовен, расположенных в личных покоях настоятеля. Архиепископ Кирилл находился в нижней часовне, посвященной Богоматери Живоносного источника и расположенной в башне, построенной еще в IV веке по приказу самой царицы Елены. Трубецкой и Мюллер стали свидетелями волнующей литургии, которую служил архиепископ. Тяжелые своды, неровный блеск свечей, великолепные иконы XII-XIII веков, гулкое эхо молитв и псалмов — все это производило необыкновенное впечатление. Наконец литургия закончилась и монахи разошлись на послушание. Сергей Михайлович воспользовался моментом, направился к архиепископу и со всем возможным уважением приветствовал его по-гречески. Он представился и в двух словах объяснил причину своего присутствия в той части монастыря, куда обычно паломникам вход не разрешается. Настоятель благосклонно выслушал его и пригласил их пройти в гостевую комнату с

диванами и маленькими восточными столиками. Там им предложили традиционный кофе, чай и сладости. За кофе и состоялся важный разговор, который предопределил ход последующих событий.

— Так вас интересует Синайский кодекс? — спросил архиепископ Кирилл, когда им подали ароматный, приготовленный по-арабски кофе.

— Да. Видите ли, ваше святейшество, в научной прессе появились сообщения, что в дополнение ко всем тем спискам кодекса, которые были обнаружены в монастыре Людвигом фон Бекендорфом в середине XIX века, в 1975 году здесь нашли еще двенадцать страниц. Эта история вообще имеет много белых пятен, и нам бы хотелось узнать ваше мнение. — Пока говорил только Трубецкой, а Мюллер благоразумно сохранял молчание. Однако вдруг и он вступил в разговор.

— Не менее кодекса нас интересует и богатая история монастыря, хранящиеся здесь святые реликвии, в частности — мощи святой Катерины, — неожиданно для Трубецкого сказал Мюллер. — Мы были бы очень признательны, если бы вы разрешили Сергею Михайловичу воспользоваться библиотекой и ознакомиться с рукописями, а я в это время поклонился бы святым мощам.

Сергей Михайлович не без удивления взглянул на Мюллера — это был непредвиденный поворот в его поведении. Однако Трубецкой решил пока не вмешиваться, хотя уже тогда стало ясно, что ухо с Мюллером надо держать остро.

Настоятель слушал их, слегка кивая, как бы в знак поддержки их намерений, а потом сказал:

— Господин Бекендорф оставил плохую память о себе в этих стенах. Его приняли яко брата во Христе, а он обманом завладел ценными документами и не вернул их в монастырь, хотя у нас до сих пор хранится его письменное обязательство сделать это. Но более всего мы возмущены тем, что он опозорил на весь мир послушников этой обители, представив их невежественными и глупыми людьми, которые якобы с пренебрежением относились к древним рукописям Священного Писания. А ведь библиотека в этом монастыре была устроена за сто лет до того, как сюда приехал этот немец, и именно в ней он провел большую часть своего времени. Да вы и сами убедитесь, что это за библиотека, вас туда отведут.

В 1975 году библиотека действительно пополнилась двенадцатью листами, которые мы относим к Синайскому кодексу. И случилось это при удивительных обстоятельствах. В тот год у нас здесь случился пожар и монахам, тушившим его с Божьей помощью, пришлось разобрать стену в одной из келий, которую до того несколько раз перестраивали. Там и был найден тайник, а в нем — списки из Нового Завета, написанные греческим унциальным письмом, как и Синайский кодекс. Вы их увидите, если захотите. Мы так и не смогли установить, почему эти страницы были спрятаны в тайнике отдельно от других документов и кто бы мог это сделать. Но вот что крайне любопытно — нам точно известно, что эти же страницы имеются в том кодексе, который хранится в Лондоне. Так что какие-то из них — подлинные, а какие-то — всего лишь копии.

При этих словах Трубецкой с Мюллером удивленно переглянулись. Это было сенсационное заявление! Если предположить, что оригинал был найден лишь недавно, то что же тогда хранится в Британском музее? А если оригинал — в Лондоне, то что за страницы хранились в тайнике?

— Что же касается поклонения мощам, то это дело сугубо личное, — продолжил архиепископ. — Мощи хранятся в серебряных ковчегах в мраморной раке алтаря базилики Преображения. Всякий, кто истинно верует, может прийти и припасть к ним. Так же и та часть, что хранится в мощевике иконы великомученицы Катерины в левом нефе базилики, открыта для верующих. Ну что же, — архиепископ Кирилл встал, давая понять, что разговор окончен, — вам окажут содействие. Только из монастыря выносить что-либо не нужно, теперь это рассматривается как преступление не только по духовному канону, но и по уголовному кодексу Египта. — С этими словами настоятель удалился, оставив их на попечение пожилого монаха — библиотекаря по имени Елизар и моложавого монастырского ризничего Афанасия. Далее им предстояло разойтись: Трубецкой с Елизаром отправились в библиотеку, а Мюллер с Афанасием — в базилику Преображения. Сергея Михайловича не покидало ощущение, что развязка этой истории уже близка.

Несмотря на полуденный зной, в библиотеке было прохладно. Помещение, где можно было работать с рукописями, располагалось в довольно древнем сооружении, сложенном из толстенных камней, прекрасно сохранявших температуру внутри здания. Елизар рассказал, что библиотека в монастыре была создана и систематизирована еще в 1734 году при архиепископе Никифоре, а в 1951 году было построено новое книгохранилище у южной монастырской стены. Ныне в нем насчитывается более 3300 манускриптов и 1700 свитков, среди которых Сирийский кодекс V века, Синайский псалтырь XI века — древнейший псалтырь на славянском языке и многие другие сокровища. Сергей Михайлович попросил Елизара принести в библиотеку обнаруженные страницы Синайского кодекса, а сам пока решил ознакомиться поподробнее с библиотечным каталогом. Он так увлекся своим занятием, что не заметил, как в библиотеку кто-то вошел. Трубецкой лишь вздрогнул от неожиданности, когда за его спиной внезапно раздался чей-то голос. Незнакомец произнес по-гречески:

— Прошу вас, не оборачивайтесь! Я слышал, вы хотите узнать правду о Синайском кодексе?

Трубецкой пришел в себя от неожиданности и коротко ответил:

— Да, хочу.

— Тогда возьмите это.

Сергей Михайлович увидел лишь протянутую из-за его спины руку с узкими тонкими пальцами, в которых было зажато несколько листков белого папируса. Он взял их, просмотрел и не поверил своим глазам. Перед ним были точные, просто идеальные копии нескольких страниц Евангелия от Марка из Синайского кодекса, написанные точно таким же унциальным письмом, как и те листы, которые он видел в Лондоне. Трубецкой обернулся, чтобы спросить, откуда взялись эти копии, однако в библиотеке уже никого не было.

Елизар вернулся через несколько минут. В руках он нес нечто, бережно замотанное в плотную атласную ткань. Монах поставил свою ношу на стол и развернул ткань. Внутри оказалась обыкновенная канцелярская коробка с надписью «Codex Sinaiticus». Елизар

бережно открыл коробку и пригласил Трубецкого взглянуть на ее содержимое. Сергей Михайлович подошел и от удивления замер. Внутри коробки лежала стопка потемневших и изрядно потрескавшихся листов пергамента, испещренных неплохо сохранившимися греческими письменами. Елизар бережно достал листы и аккуратно разложил их на столе. Трубецкому было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться — неизвестный только что передал ему не что иное, как копию этих самых древних листов, причем настолько точную, будто выполнили ее с помощью машины времени, а не пера монаха. Впрочем, он не стал акцентировать внимание Елизара на этих копиях, а лишь поблагодарил за помощь и попросил разрешения остаться и поработать с принесенными листами кодекса. Согласие было получено, и библиотекарь оставил Трубецкого одного, пообещав вернуться через час. Сергей Михайлович не мешкая приступил к работе.

Трубецкой просто не верил своим глазам. Теперь он тщательнейшим образом все проверил и убедился: неизвестный действительно вручил ему точные копии лежавших перед ним двенадцати листов Синайского кодекса, которые случайно сохранились в монастыре и были найдены при пожаре. Сергей Михайлович попытался сосредоточиться и проанализировать все, что ему было известно о Синайском кодексе на данный момент.

Итак, Бекендорф находит в корзине для мусора и привозит в Лейпциг сорок три листа древних списков, содержащих как части Нового, так и Старого завета. Исходя из стиля письма, он относит эти списки к IV веку и называет их Синайским кодексом. В то же время, по словам Бекендорфа, монахи отказываются отдать ему другие части кодекса, хотя предыдущие они якобы собирались просто сжечь. Вскоре он приезжает во второй раз — по его собственному признанию, неудачно, а затем, через пятнадцать лет, в третий раз. Именно тогда — о чудо! — в монастыре обнаруживаются еще триста с лишним листов того же кодекса, и все в идеальном состоянии. Однако на этот раз Бекендорф везет их не в Лейпциг, что было бы более чем логично, а в Санкт-Петербург, где издает, и лишь затем — через 10 лет после находки — презентует их российскому императору. Бекендорф купается в лучах славы, и никто не слышит голосов тех, кто выражает сомнения относительно того, что представленный кодекс действительно древнейший. Странная «глухота» продолжается в течение 150 лет!

И вот уже в наше время появляется Мюллер и просит Трубецкого проверить имеющиеся данные, посмотреть кодекс и дать свое заключение относительно его подлинности или высказать обоснованные сомнения. Однако Сергею Михайловичу не удается увидеть те фрагменты, что хранились в Санкт-Петербурге, поскольку они исчезли; никто не удосужился пригласить его в Лейпциг, где хранится первая находка Бекендорфа, а та часть, которая была в России, а затем в 1933 году перекочевала в Лондон, пребывает в целостности и сохранности и оказывается такой свежести, что ей могут позавидовать многие издания значительно менее почтенного возраста. Наконец, в монастыре Святой Кaterины при странных обстоятельствах обнаруживаются еще двенадцать листов — но уже весьма древнего вида, а также их копии, выполненные просто мастерски.

И тут Трубецкого словно осенило. Вся эта история предстала перед ним как на ладони.

Очевидно, Бекендорф действительно обнаружил древние фрагменты, хотя, сколько там первоначально было листов, теперь сказать трудно. И не исключено, что он действительно спас их от уничтожения. Однако то, что произошло дальше, напоминало по меньшей мере спецоперацию. Он отбирает сорок три листа для европейских «потребителей» и оставляет двенадцать листов в монастыре, где один из монахов, очевидно, умел мастерски писать заглавными греческими буквами. Если такой монах нашелся в наше время, в чем Трубецкой убедился лично, то было более чем вероятно, что такой мастер жил и в середине XIX столетия. Видимо, именно он и изготовил в течение последующих 15 лет все недостающие листы кодекса. А уж откуда он списывал текст — особого значения не имеет, поскольку не содержание, а именно древность его написания представляли для Бекендорфа главный интерес, иначе почему до сих пор нет ни единого перевода кодекса ни на один из живых языков? Судя по всему, немец хорошо заплатил монастырю за работу и лишь затем, или параллельно с процессом написания будущего «кодекса», создавал легенду о «невежественных монахах» и сложностях, сопровождавших его великое открытие.

Скорее всего, монах, изготавливавший для Бекендорфа «кодекс», даже не подозревал о намерениях барона, он просто выполнял важную для послушника работу — переписывал Священное Писание. И вот лишь недавно случайно обнаружили старинные листы, оставленные монаху-переписчику в качестве образцов 150 лет тому назад. Теперь понятно, почему в Лондоне есть те же листы, только новехонькие, а не почерневшие и потрескавшиеся. Видимо, такого же качества древние листы хранятся и в Лейпциге...

Стоп!

А не в этом ли кроется причина того, что ему не дали возможности взглянуть на них? Но ведь программу исследования составлял Мюллер. Это он сказал о Санкт-Петербурге, Лондоне, Египте. Неужели он действовал сознательно? Но тогда он в курсе всех этих несовпадений или преследует совершенно другие цели...

Сергей Михайлович встал и, пребывая в состоянии глубокого волнения, прошелся по библиотеке. Ему не терпелось увидеться с Мюллером, но сначала следовало дождаться библиотекаря. Елизар появился через несколько минут. Сергей Михайлович поблагодарил его за помощь и попросил немедленно отвести к Мюллеру. Елизар не возражал, однако в первую очередь он неспешно сложил все листы обратно в коробку, завернул в ткань и сообщил, что, как только отнесет коробку обратно в хранилище, вернется за Трубецким и они пойдут в базилику, где находится Афанасий и напарник Сергея Михайловича Ганс Мюллер. У Трубецкого не было другого выхода, как согласиться. Пока Елизар ходил в хранилище, Сергей Михайлович решил позвонить Анне, ибо его переполняло желание поделиться с ней своими выводами. Он достал мобильный телефон и набрал знакомый номер.

Анна откликнулась сразу, как будто ждала его звонка. Она была чем-то взволнована, однако Сергей Михайлович, увлеченный своими мыслями, заметил это не сразу, а лишь когда Шувалова прервала его на полуслове и сообщила, что у нее тоже есть важная новость. Оказалось, что на имя Трубецкого пришло письмо из Лейпцигского университета, в котором его приглашали в Германию на конференцию, посвященную публикации в Интернете Синайского кодекса. Предполагалось, что Сергей Михайлович

выступит с докладом о палеографических методах идентификации древних рукописей. «Но ведь при первой встрече Мюллер говорил, что он из этого университета, почему же он не сказал ничего об этой конференции и о приглашении? — мелькнула у Сергея Михайловича вполне обоснованная мысль. — Точно, с этим Мюллером что-то нечисто!» Однако он решил не волновать Анну своими подозрениями, а лишь пообещал, что уже в ближайшее время закончит все дела и вернется в Киев.

В эту минуту снова появился библиотекарь. Сергей Михайлович закончил разговор и коротко, но очень настойчиво сказал Елизару:

— Прощу вас, отведите меня в базилику, это очень срочно!

Глава 10 Перстень святой Катерины

Пока Сергей Михайлович изучал сокровища монастырской библиотеки, Ганс Мюллер и ризничий Афанасий осматривали базилику Преображения, представляющую собой поистине великолепное зрелище. Редко какой храм может похвастаться таким убранством. Вход в нартекс базилики украшают резные двери из ливанского кедра, изготовленные еще в период крестовых походов, а двери в главный неф храма являются ее ровесниками. Над входной дверью помещена надпись по-гречески, из Псалмов: «Вот врата Господа: праведные войдут в них» и икона Преображения. Двенадцать массивных гранитных колонн отделяют центральный неф от боковых. В каждой из них, в специальном углублении, закрытом бронзовой пластинкой с крестом, замурованы мощи святых, и на каждой из колонн помещено по минейной иконе XII века. Колонны увенчаны коринфскими капителями и соединены арками, выше которых расположены окна. Потолок базилики выполнен из ливанского кедра и расписан звездами на синем фоне. С потолка свисает более пятидесяти серебряных, медных, хрустальных и бронзовых лампад и светильников, а вдоль стен расположены многочисленные византийские, русские, грузинские иконы. Всего в храме насчитывается более двух тысяч икон.

Мюллер и Афанасий подошли к алтарной части базилики, где расположена знаменитая мозаика VI века, выполненная мастерами императора Юстиниана. Центральная композиция преображения Господня на горе Фавор окружена шестнадцатью медальонами с портретами пророков и апостолов. Афанасий, который сносно говорил по-английски, с вдохновением и нескрываемым удовольствием рассказывал Мюллеру об особенностях мозаичного оформления алтаря, различных стилях написания икон и других элементов оформления храма. Он и не заметил, что Мюллера все эти прелести вовсе не интересуют. Тот с нескрываемым любопытством и нетерпением поглядывал в ту часть базилики справа от алтаря, где находилась рака с мощами святой Катерины, и намеренно потихоньку продвигался в ее направлении. Наконец Афанасий сам предложил гостю взглянуть на главу и десницу святой великомученицы. Они подошли к раке, и Афанасий бережно, с благоговением приоткрыл крышку. Находящиеся в ней мощи были искусно убраны серебром и бархатом с атласной вышивкой, украшены камнями, однако никаких перстней в раке не было.

Когда Сергей Михайлович с Елизаром подошли к базилике, Трубецкой не сразу понял, что храм расположен прямо перед ними. Они оказались на уровне крыши боковых нефов, и, чтобы войти вовнутрь, необходимо было спуститься по довольно крутой лестнице вниз. Сергей Михайлович лишь на секунду остановился у входа, взглянул на надпись и прошел вслед за библиотекарем внутрь.

В базилике было очень тихо, прохладно и... безлюдно. У Трубецкого тревожно заныло под левой лопаткой. Он был уверен, что Ганс Мюллер должен был быть здесь, в базилике, вместе с Афанасием, но храм был совершенно пуст. Сергей Михайлович попросил Елизара разузнать, куда подевались ризничий и Ганс. Елизар также был встревожен и, оставив Трубецкого в храме, отправился на поиски. Теперь уже Сергей Михайлович имел возможность осмотреть великолепное убранство базилики. Он переходил от иконы к иконе, от колонны к колонне и вдруг заметил, что на одной из них бронзовая табличка с изображенным на ней крестом и двумя греческими буквами АК отогнута, а небольшое углубление за ней — пусто. Это было трудно объяснить, учитывая царивший повсюду идеальный порядок, и он решил обратить внимание хозяев на эту странность. Прошло еще минут десять, в течение которых Трубецкой, очарованный окружающими его древностями, рассматривал алтарную мозаику. Наконец Сергей Михайлович услышал за спиной шаги и обернулся. В храм вошли Елизар и Афанасий.

— Ваш друг покинул нас, — произнес, пожав плечами, Афанасий. — Он сослался на какое-то срочное дело и, как я понимаю, сейчас находится уже за пределами монастыря. Я думал, вы в курсе.

Удивлению Трубецкого не было предела.

— Как это покинул? — переспросил он. — Он мне ничего не сказал... Впрочем, бог с ним, ладно. Я потом попробую его разыскать. Только хотел сообщить вам об этой колонне. С ней что-то не так.

Сергей Михайлович указал Елизару и Афанасию на отогнутую бронзовую табличку. Монахи подошли поближе. Увидев инициалы на табличке, Елизар побледнел, пошатнулся и, едва не упав, оперся рукой на стену базилики, а Афанасий, который был помоложе, развернулся и, выговорив шепотом «О, Боже!», стремглав выскочил из храма. Сергей Михайлович подхватил Елизара и усадил его на ближайшую скамейку. Бескровные губы пожилого монаха шептали какую-то молитву, слов которой Трубецкой разобрать не мог. Он лишь услышал в конце слово «перстень» и только тогда вдруг вспомнил рассказ Бестужева о перстне святой Катерины, который в строжайшей тайне хранился в монастыре. Неужели похищена именно эта реликвия?

— Вы в порядке? — спросил он Елизара. — Я могу чем-то помочь?

Монах будто очнулся и пришел в себя. Он вцепился костлявой старческой рукой в запястье Трубецкого и заговорил торопливым шепотом:

— Понимаете, за этой пластинкой вместе с перстом святой Катерины хранился ее перстень. Этот перстень не просто монастырская реликвия. Его сам Спаситель надел на руку святой Катерине, избрав ее в свои невесты. Перстень этот обладает способностью исцелять любые недуги, но лишь тогда, когда исцеляемый чист душой и помыслами, а сам перстень находится вблизи горы Хорив, вдали от нее он теряет силу... Человек, укравший перстень, видимо, не знает этого.

— Уже знает, — раздался за спиной Трубецкого голос Афанасия, который вернулся в базилику. — Грешен я, грешен, — с горечью в голосе произнес он, подойдя к ним. — Я даже не знаю, как это произошло... Я рассказывал ему о храме, он задавал какие-то вопросы, потом мы перешли к легенде о святой Катерине и о перстне... Но я не говорил ему, Боже меня сохрани, о том, что перстень хранится здесь, у нас. Я и представить не могу, откуда он это узнал...

— Вам удалось установить, где сейчас находится господин Мюллер? — спросил его Трубецкой.

— Да, я как раз этим и занимался. Он уехал час тому назад от монастыря на машине по направлению к Каиру. У нас нет транспорта, чтобы его настичь, но у нас есть прихожане, работающие в каирском аэропорту. Мы попробуем остановить его там.

— Почему бы вам просто не обратиться в полицию?

— Видите ли, — ответил на это Елизар, — существование перстня является тайной для всех, в том числе и для местных властей. Нам нечего им сказать по поводу этой кражи. С точки зрения закона, этот перстень не существует.

— Ну что ж, я все понял. — С этими словами Сергей Михайлович встал со скамейки. — Мне пора. Я вам очень признателен за помощь с рукописью. Простите, что так вышло с этим Мюллером, если бы я только мог знать, какие злодейские мысли роятся у него в голове, никогда бы не привел его сюда! Простите, Христа ради, — сказал он и перед тем, как откланяться, оставил Афанасию номер своего мобильного телефона, попросив позвонить, как только станет известно, куда направляется Мюллер. — Если я могу что-то сделать, чтобы вернуть перстень, я к вашим услугам.

Сергей Михайлович покинул монастырь с тяжелым сердцем. Ему было крайне неприятно и обидно, что он стал частью, говоря простым языком, преступления, которое, очевидно, было задумано Гансом Мюллером или как там его настоящее имя, с самого начала. Сидя в автобусе, который направлялся в Каир, Трубецкой еще и еще раз прокручивал в голове все, что с ним произошло за последнюю неделю, и пришел к выводу, что его заманили в ловушку просто мастерски. И тут он снова вспомнил разговор с Бестужевым, рассказавшим ему о перстне. К сожалению, тогда Трубецкой не придал этому разговору особого значения — мало ли, какие существуют легенды о христианских святых. В то же время в его голове вдруг всплыло: «Синай — гора Хорив — Хоревица — Лысая гора — Киев. Как это говорил Артур: Хорив на древнееврейском означает «сухость, пустынность», а Хоревица — это как раз и есть Лысая гора? — размышлял он. — Но ведь и это не все, как же я об этом не подумал раньше? Ведь бог Хор в древнеегипетской мифологии как раз и ассоциируется с горой, поскольку «Хор» — это «высота, небо», и, по-видимому, не случайно именно гора Хорив у иудеев называется Божьей горой. Кроме того, Хор выступал в трех ипостасях — как владыка небес, царь богов, бог Солнца, а также как земной царь, фараон. Хор уже был настоящей троицей — небесный царь, земной царь и сокол. И есть целый ряд ученых, которые утверждают, что именно из этого египетского мифа выросла легенда об Иисусе Христе и о троице... О Господи! — Сергей Михайлович даже вздрогнул, настолько новая мысль, возникшая у него в голове, показалась ему необыкновенной. — Но ведь Иисуса распяли на Голгофе, а Голгофа — это ведь та же самая Лысая гора... И в Киеве на Лысой горе совершали казни... Не слишком ли много случайных совпадений?» Автобус уже подъезжал к Каиру, когда

размышления Трубецкого были прерваны телефонным звонком. Это был Афанасий. Взволнованным голосом монастырский ризничий сообщил Сергею Михайловичу, что по данным сотрудников аэропорта Ганс Мюллер только что покинул Египет. Он был на борту самолета, направляющегося в Киев.

Глава 11 Встреча на Лысой горе

Сергей Михайлович вернулся домой со смешанными чувствами. С одной стороны, ему, как профессионалу, доставило удовольствие разоблачение гениальной фальсификации Бекендорфом Синайского кодекса, а с другой — было крайне противно ощущать себя своего рода участником похищения такой удивительной реликвии, как перстень святой Катерины. Он рассказал Анне в деталях все подробности случившегося с ним в монастыре и, как обычно, не пожалел.

— Давай найдем ответ на вопрос, — сказала Анна. — Почему Мюллер направился в Киев? Это же совершенно нелогично. Перстень, если именно перстень ему был нужен, лучше всего спрятать в Германии, на своей, так сказать, территории, но отнюдь не в Киеве... Минуточку, — вдруг воскликнула она, — у меня появилась одна мысль!

Анна направилась к стопке журналов и газет, скопившихся в передней, и вернулась с каким-то календарем, на обложке которого была нарисована икона святого Николая.

— Что это? — поинтересовался Трубецкой.

— А это нам в почтовый ящик кто-то бросил церковный календарь на будущий год. Секундочку, дай-ка я посмотрю. — Анна в задумчивости листала страницу за страницей. — Вот! — довольно произнесла она. — Есть!

— Что есть? — Трубецкой поднялся с кресла и подошел к ней.

— Смотри, 25 ноября — это, кстати, завтра — православная церковь отмечает день памяти великомученицы Катерины. Я думаю, что путешествие Мюллера в Киев с перстнем как-то связано с этой датой.

Сергей Михайлович стукнул себя рукой по лбу.

— Ну как же я раньше не догадался! Лысая гора! Если его где-то нужно искать, то именно на Лысой горе — Хоревице. Это ведь прямо по легенде! Монах мне сказал, что перстень имеет силу, пока он вблизи горы Хорив. Но, как я тебе уже рассказывал, тут есть какая-то мистическая параллель между Божьей горой на Синае и нашей Лысой, которая ко всему же еще и на Голгофу смахивает. Толком я и сам не до конца понимаю смысл этой цепочки ассоциаций, однако нутром чую — неспроста на Лысой горе древнее языческое капище в свое время устроили и до сих пор избавиться от него не могут.

— Конечно же, неспроста. Ты разве не знаешь, как в представлении древних славян был устроен мир: якобы землю опоясывает змей, который сам себя кусает за хвост — символ вечности и бессмертия природы, и происходит это как раз в районе Лысой горы. Так что место это особенное и без всяких там ведьм. Впрочем, ладно, хватит о сказках. Что будем делать?

— Ты, Анна Николаевна, если не возражаешь, будешь ждать ребенка, а я отправлюсь завтра вечером на Лысую гору, посмотрю, что там за место такое необыкновенное... — Сергею Михайловичу очень хотелось поступить по-настоящему, по-мужски. — А то ведь

стыдно признаться — я вроде потомственный киевлянин, а в таком знаменитом месте никогда не был.

Черный, как сама ночь, «фольксваген-туарег» подъехал к горе с севера, отбрасывая в лунном свете огромную тень на простирающийся за шоссе лес. Несколько мгновений — и автомобиль остановился как вкопанный. Фары погасли. Машина слилась с ночью и стала невидима. Лысая гора! Самое подходящее место для черного «туарега» и его пассажиров...

Из автомобиля вышли двое. Случайный свидетель, если бы таковой оказался по какой-то неизвестной причине на Лысой горе этой ночью, был бы немало удивлен появлению тут двух изысканно одетых мужчин, с трудом пробирающихся по замерзшей ноябрьской тропинке к отдельно стоящему на склоне горы дому. Достигнув цели, один из путников постучал. Дверь отворилась, пропуская их вовнутрь. Там вошедшие даже не скинули плащи, а один из них сказал:

— Вам известно, кто мы и зачем здесь?

— Да, меня предупредили, — ответил хозяин дома, которого, по причине полной ничтожности, трудно было и заметить.

— Проведите нас к нужному месту, — сказал тот же гость. Второй хранил молчание.

— Пойдемте. — Хозяин дома встал и накинул плащ. — Надеюсь, вы знаете, что делаете...

Все трое вышли из дома и побрели вверх, на гору. С Днепра дул холодный ветер, но небо было чистым. Полная луна освещала гору холодным светом, облегчая поход на ее вершину. Именно там еще с древних времен было устроено языческое капище. Шли столетия, менялись боги и князья, а капище никуда не хотело уходить с горы. Люди сначала пробовали убрать его, строили там что-то, но ничего у них не получалось. Оказалось, что не приемлет гора никаких построек, как их ни назови и ни приспособь, а скидывает их каждый раз, словно прошлогоднюю листву. Так она, увенчанная капищем, как короной, и стоит до сих пор...

Пассажиры «туарега» добрались наконец до вершины. Там один из них сказал сопровождающему:

— Прошу вас, возвращайтесь, здесь нам следует побыть одним.

Тот ничуть не протестовал и через минуту уже скрылся в темноте. Вдруг ветер стих и наступила пронзительная тишина. Их теперь окружали лишь луна, звезды и вершина горы.

Один из пассажиров — а это был Ганс Мюллер — достал из кармана перстень и протянул второму.

— Вот, господин председатель, это то, что вы просили. Перед вами перстень святой Катерины.

Второй взял его в руку и принялся рассматривать в лунном свете.

— Обыкновенный, ничего особенного, — после паузы произнес председатель. — И что с ним нужно делать?

— Прошу прощения, господин председатель, как раз это мне неизвестно. Вы просили добыть перстень — вот он. А каким образом он действует — это мне спросить было не у

кого, — ответил Мюллер. — Я лишь знаю, что он имеет силу только в правильном месте, а их два: Божья гора на Синае и эта, называемая местными жителями Лысой горой.

— Так вы бы у меня спросили, что делать с перстнем, господин Мюллер, — вдруг раздался за их спинами голос, — я бы вам все рассказал.

Мюллер обернулся. В нескольких шагах от них стоял Трубецкой.

— Кто это? — Председатель нашелся первым. Вопрос, разумеется, был адресован Мюллеру.

— Это профессор Сергей Михайлович Трубецкой, специалист по древним рукописям, — стараясь держать себя в руках, ответил ему Ганс и спросил, теперь уже обращаясь к Трубецкому: — Что вы здесь делаете, Сергей Михайлович?

— Потрясающий вопрос, — усмехнулся Трубецкой. — Я-то дома. Я здесь живу. А вот что вы забыли на Лысой горе поздним вечером 25 ноября? По вашей милости я стал соучастником кражи. Ваш коллега Бекендорф украл в монастыре часть листов Синайского кодекса, а вы — и того хуже — перстень, которому не то что цены нет, а даже о его существовании никому не известно. Вернули бы вы его обратно, от греха подальше.

— Как же можно украсть то, что официально не существует? — Голос Мюллера звучал насмешливо и цинично. — Вы ведь не сможете ничего доказать, так что прошу вас, оставьте нас в покое.

— Я-то могу оставить вас в покое, а вот гора... Боюсь, вы плохо себе представляете, с какими силами и энергиями имеете дело. Есть реликвии, которые лучше не трогать, а перстень, дарованный самим Иисусом Христом, — это ведь не просто реликвия, это выбор самого Бога. Подарив Катерине этот перстень, Он дал понять, что сам выбрал себе невесту, и кто знает, что этот перстень принесет человеку, владеющему им не по праву.

Председатель, который молчал все это время, вдруг вскрикнул:

— Боже, да он же горячий! — И указал на перстень, который лежал на ладони его правой руки. — Просто раскаленный!

Трубецкой и вправду увидел даже на расстоянии нескольких шагов, как над открытой ладонью кричащего по-немецки незнакомого ему человека появилось легкое красноватое свечение, как будто от тлеющего уголька. Человек снова закричал, выронил то, что лежало в его руке, и затряс ею в воздухе, как от сильной боли. Мюллер опустился на колени, пытаясь подобрать предмет, который упал на землю, но тот как сквозь землю провалился.

Трубецкой, засунув руки в карманы плаща, с нескрываемым удовлетворением наблюдал всю эту суету.

— Ганс, я, конечно, понимаю ваше разочарование, но это вопрос традиции. У тех, кто первый раз здесь, Лысая гора любит отнимать всякие мелкие предметы, такие, как кольца, монеты — это вам любой киевлянин подтвердит. И уж если гора что-то взяла — забудьте, никогда не отдаст! Но зато она вас теперь отпустит живыми и невредимыми. Так что вам в каком-то смысле даже повезло, поскольку могло быть и хуже. Прощайте, — сухо сказал он, приподнимая шляпу, — надеюсь, мы с вами больше никогда не увидимся.

Он развернулся, чтобы уйти, но потом на секунду остановился и произнес в сторону двух хорошо одетых джентльменов, которых нелегкая занесла ночью на Лысую гору:

— И мой вам совет, Ганс, или как там вас по-настоящему кличут, — не показывайтесь больше никогда в монастыре Святой Катерины, а то как бы чего с вами там не приключилось.

Сергей Михайлович с легким сердцем отправился домой. Его больше не интересовала ни дальнейшая судьба Ганса Мюллера, ни второго иностранца, который был с Мюллером на горе. Он лишь надеялся, что перстень сам найдет себе дорогу домой. Поэтому Сергей Михайлович даже не удивился, а скорее обрадовался и уж точно вздохнул с облегчением, когда на следующий день ему позвонил ризничий Афанасий и сказал, что в монастыре свершилось необыкновенное чудо: в раке, где хранились глава и десница великомученицы Катерины, на одном из перстов появилось то самое кольцо, которое было украдено. Монахи расценили это событие как великий знак милости Всевышнего и по этому поводу отслужили торжественную службу и еще один особый молебен, в каноне которого была предусмотрена молитва за православного воина Сергия. По заслугам вашим да воздастся вам!

Глава 12 Последнее письмо Синельникова

После возвращения Сергея Михайловича из Египта прошло чуть больше месяца. И вот настал день, когда в установленные Тем, Кто Знает Все сроки, как раз в канун православного Рождества, Трубецкой отвез Анну в больницу. Там его успокоили, что рожать она будет еще не скоро, и ему ничего не оставалось, как вернуться домой и ждать. Письмо в стандартном продолговатом конверте пришло в тот же вечер. Трубецкой едва не выкинул его в ящик для мусора вместе с кучей других похожих конвертов, в которых по случаю приближающегося праздника рассылались стандартные напыщенные поздравления политиков всех мастей и расцветок. Оно было адресовано странно — сразу им обоим, ему и Анне, и Сергей Михайлович вскрыл его. Письмо оказалось от Синельникова.

«Дорогие мои Анечка и Сергей Михайлович, — Трубецкой начал читать прямо в коридоре, и от предчувствия чего-то нехорошего у него вдруг заломило в висках. — Я ухожу, — писал Иван Степанович. — Очевидно, пришло мое время, и письмо это я рассматриваю как естественный процесс очищения перед встречей с вечностью, которая, а я в это верю, ведет не в небытие, но к новому, просто пока неизведанному качеству. Как говорил Сократ, мне было интересно жить и не менее интересно умирать. Однако, поскольку я не уверен, что общение в земном понимании этого слова будет мне доступно и по ту сторону бытия, спешу напоследок открыть вам тайну, которую храню в себе уже много лет.

Дело в том, что я видел те фрагменты Синайского кодекса, которые остались в России и хранились в Санкт-Петербурге. И не просто видел — я их прочитал. И это я изъясил их из библиотеки и уничтожил.

Да, я полностью осознаю, что мое признание будет для вас шокирующей новостью. Уничтожить древний и бесценный артефакт, возраст которого оценивается как минимум в полторы тысячи лет, для историка равносильно самоубийству. Мне крайне тяжело было сделать это, но я и сейчас не жалею, что те несколько фрагментов уже давно стали пеплом. Однако я хочу рассказать вам, и только вам, почему я совершил этот поступок.

Дело в том, что упомянутые фрагменты вовсе не были просто какими-то случайными обрывками Синайского кодекса. На самом деле это были шесть вполне прилично сохранившихся страниц текста, и они составляли отдельный от кодекса документ, написанный на языке коптов. Очевидно, именно поэтому они и остались в России — ни в свое время Бекендорф, ни те советские деятели, которые затеяли продажу Синайского кодекса Британии в 30-х годах, не оценили их важности, ибо прочитать их в стране рабочих и крестьян оказалось некому. Они, видимо, сочли, что это несущественные для полноты кодекса списки, и, поскольку написаны они были на языке, который большевики даже распознать не смогли, их попросту отложили в сторону.

Так вот, в том коптском документе утверждалось, что римский префект Иудеи и Самарии Гай Понтий Пилат вовсе не казнил Иисуса Христа, а спас и затем отпустил его. И сделал он это потому, что сам уверовал в Иисуса Христа и в Новый Завет с Всевышним, который Спаситель принес в этот мир.

В документе также говорилось, что вместо развития истинной, изначальной концепции христианства, в основе которой лежала сама божественная сущность Спасителя, его проповедь покаяния и Царства Божьего на земле, идеалов всеобщей любви, высокой духовности и самопожертвования, император Константин и его мать царица Елена способствовали становлению выгодной им византийской веры, опиравшейся на императорскую волю и власть. Якобы именно с этой целью и был созван Никейский собор, на котором были утверждены основные догматы христианства, включая символ веры, церковные правила и композицию писаний Нового Завета. Но собор не представлял большинство общин, решения на нем принимались только те, которых хотел император, и тем самым христианская вера была уложена в прокрустово ложе императорской воли. От нее были отсечены все те элементы, которые могли бы помешать замыслу Константина объединить империю. В этой конструкции не было места инакомыслию, да и вообще какому бы то ни было «мыслию». Все вольнодумцы типа александрийского пресвитера Ария были объявлены еретиками и изгнаны за рамки создаваемой государственной христианской церкви. Однако при этом сам Константин оставался язычником и принял крещение только перед кончиной.

Неизвестный автор включил в документ и краткое повествование о том периоде земной жизни Спасителя, который обойден молчанием в Новом Завете — с двенадцати до тридцати лет. Так вот, он утверждал, что годы эти Иисус провел в Египте, в одном из храмов Александрии, где изучал премудрости египетских жрецов. Якобы именно там Сын Божий в его земной ипостаси готовился к будущему служению, формируя свое понятное для людей учение с учетом иудейской и египетской религиозных традиций.

Я был потрясен, когда прочитал все это... Нет, не так! Я был не просто потрясен, я пришел в ужас от того, что может случиться, если подобного рода документальные свидетельства, а их почтенный возраст был подтвержден углеродным анализом, станут достоянием научной общественности, а значит — всего мира. Будут поколеблены основы самой христианской веры, чего ни один здравомыслящий человек допустить не может. Ведь для сотен миллионов людей вера в Иисуса Христа является единственным спасением для души и последней надеждой на чудо, она служит успокоением в горе и источником духовного вдохновения в радости. Я очень долго думал, могу ли я взять на себя такую ответственность и сорвать солидный куш славы, опубликовав свое открытие. И я решил,

что это — то самое искушение, которое хоть раз в жизни, да случается с каждым человеком. Кого-то пытаются соблазнить деньгами, кого-то — властью, кого-то — удовлетворением самых низменных желаний. Меня пытались искусить славой. И тогда я сжег эти списки! Не знаю, может, все написанное там было просто злобной выдумкой неизвестного автора, ведь доподлинно известно, что копты ненавидели Византийскую империю и в свое время охотнее сдались мусульманам, чем согласились жить под греками. Автор документа вполне мог сознательно вложить эти страницы среди листов Синайского кодекса, чтобы как-то передать свое послание последующим поколениям... Я не знаю ответов на все вопросы, и теперь добывать истину уже предстоит другим. Я лишь молю Всевышнего, чтобы и им хватило крепости духа в нужный момент сделать верный выбор, каким бы сильным ни было искушение.

Прощайте, дорогие мои, теперь совесть моя чиста. Я посылаю вам мой стариковский привет и благословение. Если доведется и мне свидеться с Творцом, я замолвлю за вас словечко.

Искренне ваш,
Иван Синельников».

В письме имелся также постскриптум.

«P.S. На днях я наткнулся в газете на одну прелюбопытную заметку, и я прилагаю ее к письму. Видимо, лавры Бекендорфа до сих пор не дают спокойно спать тем, кто жаждет славы. Но нынешние, с позволения сказать ученые, пошли дальше предшественников. Теперь возраст старинных манускриптов определяется по их фотографиям. Скоро, очевидно, это будут делать на слух. Бог им судья».

В конверт действительно была вложена вырезка из газеты. Заголовок статьи гласил: «В египетском монастыре найден самый древний фрагмент Библии». Вот ее текст:

«Исследователи случайно натолкнулись на один из старейших фрагментов греческой Библии, рассматривая фотографии манускриптов, хранящихся в библиотеке монастыря Святой Екатерины в Египте. Британский ученый Никола Саррис обнаружил ранее неизвестные части Синайского кодекса, когда изучал фотокопии рукописей, собранных монахами монастыря еще в XVIII веке. Найденные пергаменты датируются примерно 350 годом н. э., пишет газета *The Independent*.

Синайский кодекс Библии — список Библии на греческом языке, в настоящее время считающийся древнейшей пергаментной рукописью Библии. Синайский кодекс позволяет текстологам воссоздавать оригинальный текст новозаветных книг. Рукописный греческий кодекс на пергаменте поделен между четырьмя учреждениями, включая монастырь Святой Екатерины и Британскую библиотеку, где находится самая большая часть древней Библии после того, как Советский Союз продал свою коллекцию в Великобританию в 1933 году».

Сергей Михайлович прошел в кабинет, положил бумаги на стол и устало плюхнулся в любимое кожаное кресло. Рука сама потянулась к телефону, но еще до того, как набрать знакомый номер, его взгляд упал на конверт. Санкт-Петербургский почтовый штамп был проставлен неделю тому назад. «Поздно, — подумалось ему, — очевидно, уже слишком поздно... Стариков нужно любить при жизни. Мы молоды, пока они стоят между нами и вечностью, а после их ухода мы — следующие». Сергей Михайлович встал, прошел в кухню и налил себе приличную порцию виски из открытой бутылки. Он

мысленно помянул замечательного ученого и человека Ивана Степановича Синельникова и выпил по славянскому обычаю за его память до дна. Анну же он решил до поры до времени не беспокоить. И лишь перед тем, как погрузиться в тяжелый от избытка эмоций сон, он наконец осознал смысл письма Синельникова. Выходило так, что в монастыре Святого Георгия Анна обнаружила копию тех самых шести удивительных страниц неизвестного коптского автора, которые хранились сначала в монастыре Святой Катерины, а затем через Бекендорфа попали в Санкт-Петербург. Впрочем, теперь ни оригиналов, ни копий этих страниц уже не существовало. Бесследно исчезли даже ксерокопии, переданные Анной для публикации в редакцию институтского журнала, а без документальных доказательств вся эта история из потенциального научного открытия превращалась просто в исторический анекдот...

Наступило утро, а вместе с ним в мир пришел не только новый день, но и новая жизнь. Все остальные проблемы вмиг перестали существовать, когда Трубецкому по телефону сообщили о рождении дочери. Он кинулся за цветами, затем — в больницу, ибо мужчине суждено осознать приход новой жизни, лишь конкретно взяв эту жизнь в свои руки. Весь день он провел с Анной и дочуркой, имя для которой они выбрали без долгих размышлений. Они решили назвать ее в честь той Силы, которая была дарована нам Создателем для того, чтобы мы могли жить вместе и выжить, той самой Силы, которая всемогуща и непостижима, как сам Бог, той самой Силы, которая не только творит чудеса, но и является великим чудом. Они назвали ее Любовь.

АННОТАЦИЯ

Таланливый ученый-историк Анна Шувалова во время поездки в Иерусалим случайно обнаруживает в одном из монастырей древний коптский манускрипт. Неожиданно к ее находке проявляют активный интерес люди, представляющие так называемое «мировое правительство». Анна и ее муж профессор Сергей Трубецкой оказываются втянутыми в почти детективную историю в борьбе за несколько бесценных пергаментных листков, являющихся частью древнейшего списка Библии. Эти чудом сохранившиеся листки не что иное, как бомба замедленного действия, ибо в них раскрывается тайна распятия Христа, которая вполне может поколебать основы христианства и отнять у сотен миллионов людей веру в Христа, их единственное спасение в жизни...

ОТРЫВКИ ДЛЯ ОБЛОЖКИ

1 Вы случайно меня ни с кем не путаете? — Сергей Михайлович решил не подавать виду, что он узнал его голос. — Я ведь всего лишь ученый, обыкновенный книжный червь. Не могу себе представить, что то, чем я занимаюсь, может для кого-то представлять угрозу или какой-либо особый интерес.

— Будьте покойны, мы за вами внимательно наблюдаем уже достаточно длительное время и ни с кем вас не путаем. Не скромничайте, вы — вовсе не обыкновенный ученый, а специалист высочайшего класса, деятельность которого может как создавать проблемы, так и способствовать их разрешению. Тем более что, как оказалось, создание проблем — это теперь ваш семейный бизнес...

2 — Построение Царства Божьего на земле? — переспросил изумленный Трубецкой. — Так вы претендуете не только на материальные богатства, но и на духовную составляющую жизни людей?.. Ничего себе претензии!

— Слава Богу! Мне приятно, что вы наконец начали воспринимать то, что я говорю, серьезно. На самом деле это просто, как все гениальное. Формула Царства Божьего на земле придумана не нами и давно известна: государство + деньги + Церковь. То есть, если у вас есть правильно построенная государственная машина, деньги, чтобы управлять материальной составляющей бытия, и Церковь, чтобы контролировать духовный мир, вы имеете все, что нужно для создания комфортного для всех мирового порядка. С этой точки зрения, мы — лишь те, кто проектирует его во всех возможных деталях и затем воплощает в жизнь.

3 — И еще, — вдруг сказал Артур... — Знаешь ли ты о существовании перстня Христова, подаренного святой Катерине?

— Какого еще перстня? — переспросил Трубецкой.

— По церковной легенде, сам Иисус избрал Катерину в свои невесты и даже подарил ей перстень, который и сегодня хранится в монастыре, только это тайна. Мне случайно довелось узнать об этом... Вроде бы, когда монахи нашли здесь, на горе, мощи святой, на ее левой руке был надет необыкновенный перстень. А перстень этот, по их словам, чудеса совершает, людей исцеляет, причем не только от духовных, но и от физических недугов. Поэтому никому монахи о том и не говорят — боятся, что украдут перстень... И вот что любопытно: монахи шептались, будто перстень этот силу имеет только вблизи горы...